

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

М. А. БРИСКМАН

В. Г. АНАСТАСЕВИЧ

(1775—1845)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
МОСКВА 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

Деятельность Василия Григорьевича Анастасевича, одного из виднейших русских библиографов первой половины XIX века, исследована совершенно недостаточно.

Об Анастасевиче, сравнительно с другими русскими библиографами — за исключением, разве, В. С. Сопикова — написано, в общем, немало. Тем не менее очень многое неясно и в его биографии, и в его литературно-библиографической деятельности — даже с фактической стороны. Неясен и вопрос об общественном лице Анастасевича.

В советской науке мирно сосуществуют диаметрально противоположные точки зрения на его место в истории русской культуры и русского просвещения, на общественный смысл его деятельности. По образному выражению некролога «Северной пчелы» Анастасевич до конца своей жизни «был загадочным существом во многих отношениях даже для своих друзей». Нельзя не признать, что в значительной мере «загадочным» остается он для науки и до наших дней. Итогом историко-библиографических работ советского периода является признание передового характера деятельности Анастасевича, который рассматривается как сподвижник В. С. Сопикова, как истолкователь библиографии в просветительском духе, связанный с декабристскими кругами¹. В то же время в советских работах по истории русской литературы и общественной мысли Анастасевич трактуется как реакционный литератор, как ревностный исполнитель ретроградных литературных замыслов².

Игнорировать это разноречие недопустимо. В самом деле: Анастасевич рассматривается в истории библиографии не просто как трудолюбивый практик, создавший полезные и ценные работы. Именно его теоретические высказывания, его взгляды на библиографию рассматриваются как начало просветительского течения в русской библиографии. Но если правы историки и литературоведы в своих безоговорочных оценках, то что же из этого следует? Что прогрессивные взгляды Анастасевича на библиографию, что имевшая передовое значение библиографическая деятельность Анастасевича не находятся ни в какой связи с его идеологической позицией? Иными словами — что история библиографии может изучаться в отрыве от истории русской общественной мысли, от истории русского просвещения, что развитие библиографии не находится ни в каком соответствии с развитием общественных идей? Порочность такого вывода очевидна.

Значит, либо одна, либо другая точка зрения ошибочны или, по крайней мере, нуждаются в серьезных коррективах.

Данная работа не преследует цели изучения всей деятельности Анастасевича. Постараться установить его истинное идеологическое лицо — такова первая задача работы. Мы не стремились представить цельный образ Анастасевича как человека, дать его полную биографию. Разбор всех его трудов — служебных, ученых, литературных — представлялся выходящим за рамки поставленной задачи. В центре внимания была позиция Анастасевича — общественная и библиографическая. Но обойтись при этом вовсе без освещения его жизненного пути также, конечно, было невозможно.

Необходимо было, в частности, установить, как родились те противоречивые характеристики, о которых сказано выше, какие фактические данные лежат в их основании. Иными словами — обратиться к первоисточникам, подвергнуть проверке материалами привычные точки зрения и, в результате, уточнить место Анастасевича в истории русской библиографии как части истории русской культуры.

Перед нами стояла и другая задача.

Если исходить из принятой в советской истории библиографии концепции творческого пути Анастасевича (концепция эта лежит в основе важнейшей работы о нем — соответствующих глав книги Н. В. Здобнова), то обнаруживается еще одно существенное противоречие. Это — противоречие между теоретической позицией Анастасевича и его практикой. Понимание им библиографии как «воспитательно-образовательного средства» не нашло, оказывается, никакого воплощения в трудах Анастасевича, представляющих собой лишь «формальную библиографическую регистрацию». Но тогда возникает законный вопрос: так ли уж велико значение теоретических суждений Анастасевича о библиографии, если даже в собственной практике он им не следовал? И можно ли это объяснять только тем, что Анастасевич «не рискнул применить на практике свои взгляды на библиографию»?³

Очевидно, либо характеристика теоретических суждений Анастасевича, либо характеристика его библиографической практики ошибочны — или, во всяком случае, также нуждаются в серьезных коррективах.

Необходимо было, поэтому, подвергнуть детальному анализу и сопоставлению с современной Анастасевичу русской и зарубежной библиографией как его теоретические суждения, так и методические приемы, и, в результате, уточнить взаимоотношение этих двух сторон его библиографической деятельности.

Осуществить указанные задачи нельзя было, ограничиваясь только печатными материалами.

Огромный архив Анастасевича в основном погиб. Но все же в различных рукописных собраниях сохранились разрозненные части этого архива. Кое-что находится и в архивных фондах некоторых корреспондентов Анастасевича. Однако от попыток обращения к сохранившимся рукописям самого Анастасевича исследователей отпугивали слова И. П. Сахарова: «Все свои заметки [Анастасевич] вел на лоскутках, на бумаге промокательной, которых никто кроме его не мог ни прочитать, ни привести в порядок». Только Н. К. Замков в своей работе, посвященной журналу Анастасевича «Улей», обратился к рукописным первоисточникам — но обратился, главным образом, к

переписке Анастасевича, да и то очень недостаточно. Материалы же архива самого Анастасевича были использованы им в ничтожной степени; хотя он и не испугался слов И. П. Сахарова, но все же считал, что «огромное большинство [заметок и записей Анастасевича] почти совершенно невозможно разобрать»⁴.

Но разобрать их все-таки возможно в большей их части. И несмотря на отрывочность сохранившихся рукописных материалов, они очень помогают выяснению стоящих перед нами задач.

Поэтому для данной работы, помимо печатных источников, использованы рукописные — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (БЛ), Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Института русской литературы (Пушкинский дом) (ПД), Ленинградского отделения Института истории (ИИ) и Архива (АН) Академии наук СССР, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ) и Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ).

За ценные библиографические указания благодарю Р. И. Розетт и Б. Ю. Эйдельмана.

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ АНАСТАСЕВИЧА

§ 1.

Василий Григорьевич Анастасевич родился в 1775 г., в Киеве, где провел юность. Отец его, Григорий Анастазий, молдавского происхождения, был членом киевского магистрата, выборного управления городского мещанства — торговцев, домовладельцев, ремесленников. Вместе с тем, он владел какой-то незначительной недвижимостью в Полтавской губернии. Старший брат Анастасевича стал священником, младший — часовым мастером. Родным языком Анастасевича был украинский; несмотря на то, что уже с 1797 г. Анастасевич покинул Украину, он до конца дней продолжал видеть в ней свою родину, усердно собирал рукописи и печатал материалы, связанные с изучением истории и этнографии Украины, сам начинал работу над ее историей; да и по службе занимался «малороссийскими правами». Любителя и ценителя украинского языка, фольклора и литературы видели в нем его современники — деятели украинской культуры.

В 1786 г. Анастасевич поступил в Киевскую Академию. Киевская Академия в предшествовавшую эпоху играла важную культурную роль; из стен ее вышли многие деятели науки и просвещения — не только России, но и других славянских стран. В последние десятилетия XVIII в. Академия переживала серьезный кризис. С одной стороны, она постепенно теряла всеобщий характер, когда-то для нее специфический; все больше заботы ее руководителей сосредоточивались на приготовлении священников из

детей церковнослужителей; уже в низших классах были введены богословские дисциплины, от которых ранее младшие ученики, до полного овладения латинским языком, были освобождены. И в то же время попытки реформ преподавания приближали Академию — по крайней мере, на бумаге — к светским учебным заведениям; перед ней ставилась задача быть чем-то вроде учительского института, готовить воспитанников к учительским должностям. Но несмотря на эту задачу, несмотря на то, что в общем подготовку учащихся по тому времени следует считать довольно удовлетворительной, религиозно-церковное образование и воспитание все же главенствовали; введение алгебры, геометрии, механики, оптики, архитектуры, рисования, иностранных языков, попытки улучшить преподавание русского языка и словесности по существу не изменили схоластического характера обучения.

Эта академическая схоластика оказала сильное влияние и на Анастасевича, но интересы его в молодые годы были преимущественно естественнонаучные, математические; большие способности проявил он к языкам и к черчению.

Любимым учителем Анастасевича был Ириней Фальковский (впоследствии епископ и церковный писатель), обучавшийся ряд лет в Венгрии и преподававший в Академии самые различные предметы. В течение четырех лет Анастасевич дополнительно брал уроки у него на дому (главным образом, по математике); списывал для себя его проповеди и конспекты по философии. По его совету Анастасевич с 15-ти лет вел дневник своих занятий; Анастасевич был, по-видимому, одним из самых активных участников своеобразного книжного клуба («Вольное пиитическое общество»), организованного для воспитанников Академии Фальковским.

Духовная карьера явно не привлекала Анастасевича, хотя догматическая и церковно-поучительная литература широко читалась им и запоминалась, а интерес к церковной истории он сохранил на всю жизнь.

В 1793 году, обнадеженный обещанием курского помещика Сегунова отправить его (вместе со своими сыновьями) в Московский университет, Анастасевич поступает до-

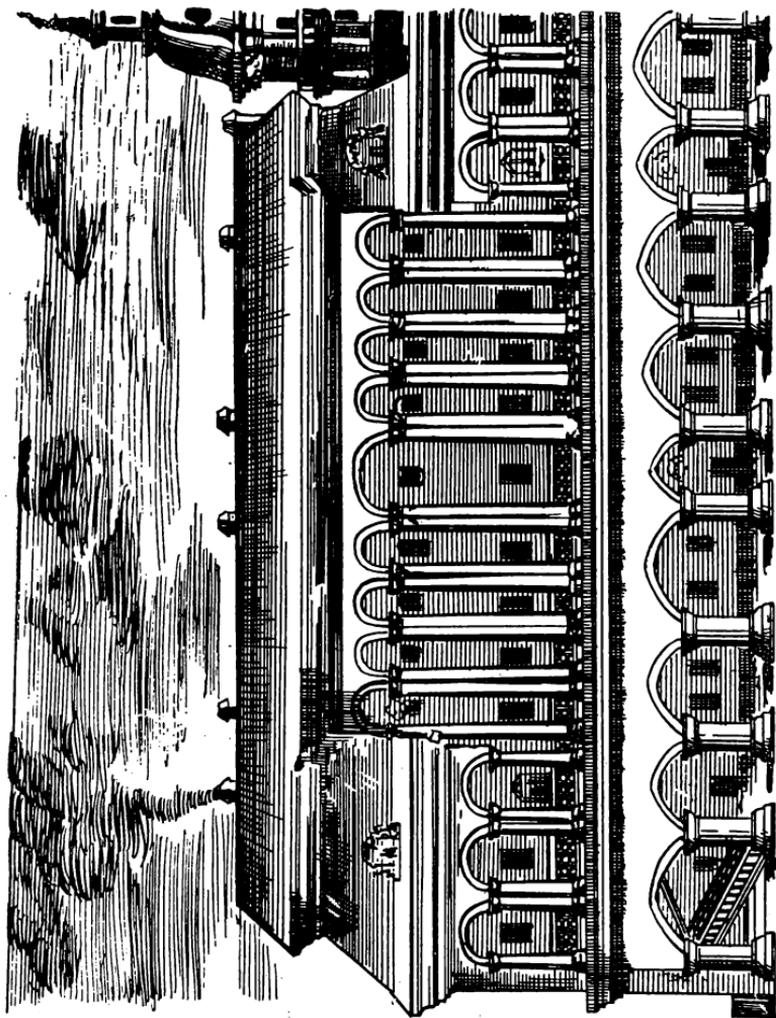

Рис. 1. Здание Киевской Академии в XVIII веке
Гравюра Г. К. Левитского (1739 г.). Деталь

машним учителем к этому помещику, оставив Академию еще в самом начале философского класса. Живя у Сегунова, Анастасевич продолжал усердно заниматься сам математикой и словесностью, чертил для собственного удовольствия многочисленные карты и планы. Вероятно еще раньше, в Академии, — но, во всяком случае, в эти годы — он пробует свои силы на поприще стихотворства, воспевает победы русских войск в Польше и пользуется успехом у провинциальной публики; одно его стихотворение было напечатано на отдельном листке в Москве (возможно, при помощи Г. Н. Городчанинова — см. о нем ниже стр. 37).

Расчет на помощь Сегунова не оправдался. Летом 1795 г. Анастасевич поступает на военную службу. Военная карьера — как сам он писал в автобиографии, «сей род жизни, с коим не согласны были мои симпатии, характер и все воспитание» — его никак не соблазняла; руководило им только крушение надежд на продолжение образования. Стать военным всерьез Анастасевич так и не смог. Из шести лет военной службы — сначала под Киевом, а затем в Полоцке — в продолжение первых трех лет он преимущественно занимался обучением детей своих начальников; по должности же свыше четырех лет занимался хозяйственной работой. Общепринятое представление, будто все эти годы военной службы Анастасевич более занимался науками, чем исправлением своих обязанностей, видимо не вполне справедливо; но он, действительно, усиленно продолжал учиться, хотя и отвлекаемый частыми командировками и переходами полка по Киевщине и по литовско-белорусским губерниям. Пользовался он конспектами Фальковского, записями лекций, прослушанных в Эдинбургском университете его вторым начальником, П. М. Дашковым; углубился в польскую и русскую историю и литературу; находился в постоянном общении с польской интеллигенцией — главным образом с учителями полоцких учебных заведений, духовных и светских; много переводил с польского (например, «О должностях человека», одну из драм Немцевича и др.).

Резко выделявшийся познаниями среди окружающих его офицеров, мало чем подходивший к их обществу, тяго-

тившийся всем, что отвлекало его от накопления знаний, Анастасевич с первых же дней службы вызывал сочувствие своих начальников. Они помещали его у себя на квартирах, поручали ему свои библиотеки, старались по возможности освобождать его от служебных поручений или использовать «по ученой части». Покровительство начальников оказало на дальнейшую судьбу Анастасевича достаточно противоречивое влияние. С одной стороны, без этого своеобразного меценатства Анастасевич, возможно, погиб бы для истории русского просвещения. С другой — оно сыграло роковую роль в формировании его характера. Конечно, такое покровительство типично для эпохи; конечно, это — социальный, а не психологический факт. Однако, испытывая благодарность за подобного рода заботы и никогда о них не забывая, Анастасевич привыкает к мысли о необходимости иметь всегда какого-либо покровителя, испытывает постоянную нужду «прилепиться» (по его собственному выражению) к кому-либо и — как мы увидим дальше — из той же благодарности нередко готов поступать далеко не в соответствии с собственными взглядами.

За годы военной службы Анастасевич, зная уже латинский, греческий, польский, французский и немецкий языки, изучил английский и итальянский, немного литовский. Круг его интересов очень обширен, почти универсален. Причудливая смесь академической схоластики, знаний, полученных в результате самостоятельного чтения в самых разных областях, основательного изучения всего, что связано с русской и польской культурой характеризует эрудицию молодого Анастасевича. В эрудиции этой много случайного, зависевшего от тех возможностей — и в смысле источников, и в смысле знакомств — которые предоставляли ему условия провинциальной полковой жизни.

В то же время хозяйственные обязанности, которые Анастасевич выполнял с 1797 г., окунув его в гущу практических дел, вызвали и новые, далеко не книжные интересы.

Именно эти годы явились для Анастасевича своеобразной школой гражданственности: не только познаниями выделялся среди окружающих квартирмейстер Анастасевич —

отличали его и восторженность, сочетавшаяся с педантизмом, и честность, и вдумчивое понимание служебного долга.

В 1799 г. Анастасевич переживает крупные неприятности (в одном из позднейших писем он называет их даже несчастьем, а Полоцк, где все это произошло — ужасным местом). Он вступает в борьбу с казнокрадами, решается на довольно смелый шаг — непосредственное обращение к императору Павлу (правда, решается, побуждаемый грозившей ему лично опасностью).

Вот как сам Анастасевич вспоминал об этом в автобиографии: «<...> возвратясь, нашел еще нового шефа, Г<енерал> М<айора> <И. Т.> Сназина (одного из гатчинских возведенцев, назвавшегося, вместо дальнего родственника, племянником Гр. А. А. Арак<чеева>) <...> Сия последняя поездка подействовала на всю мою службу и на совершенное мое отвращение к военной. Притязания шефа, человека невоспитанного, с самого начала предубежденного противу меня, как противу занимавшегося посторонними, по его мнению, для службы делами, оскорбившегося моим объяснением ему разности между топографическими чертежами и географическими картами, по случаю данного тогда высочайшего повеления отобрать везде первые, относящиеся к России, а наипаче привязка его и представление на меня начальству за неявку у меня 450 р. каз<енных> ден<ег>, привлекли меня на сторону вообще почти недовольных им офицеров. Для пылкого 25-летнего юноши сего было довольно, чтоб написать в сильных выражениях письмо к и<мператору> Павлу I от 2 мая 1799 из Шадова по секрету <...> Суд тотчас увидел, что я из привезенных мною на полк до 10.000 р. вычел себе в Вильне заслуженное третнее жалованье и долги на офицерах — всего около 450 <...> суд длился для справок о прикрытом формами похищении многих тысячей чрез стачку шефа с комиссионерами по невыдаче полку денег, выведенных в расход по книгам, к подписанию коих он надеялся принудить меня страхом»¹.

Дело со Сназиным кончилось благополучно. Назначен был новый командир полка, Сназин получил, по словам

Анастасевича, «зазорную и убыточную отставку с <вос>прещением всякой службы; а мне испрошено было увольнение от военной уже в мае 1801 г.» Добыв себе очередного покровителя, П. У. Белякова, отправлявшегося на ревизию в юго-западные и южные губернии, Анастасевич, в качестве его секретаря, не веря своему счастью, проехал через Белоруссию и Украину, объездил Крым и Новороссию, побывал у родных в Киеве и Смеле.

Дневник этого путешествия состоит из 2-х частей: «Записки из города Полоцка» и «Записки из Херсона в Крым и обратно». Сентиментальная, почти юношеская чувствительность, любование природой и уединением и, в то же время, практицизм, внимание к хозяйственным, административным, бытовым деталям; боязнь пропустить сколько-нибудь любопытные исторические и археологические факты и фиксации малозначительных или вовсе незначительных; наивный пиетет перед «великой Екатериной», сановниками и другими сильными мира сего и весьма критическое отношение к местной дворянской администрации; наконец, характеристики экономического положения крестьян, размышления об их состоянии и возможностях его улучшения — вот содержание дневника.

При всем обилии «ученых» и, особенно, хозяйственных наблюдений, для тона дневника характерны такие, например, записи: «Офицеры по большей части выезжают сюда для упражненья своих собак в травле зайцев, коих доставая маленькими, для того выкармливают. — Какая тиранская забава! Как больно чувствительному сердцу смотреть на такое увеселение, стоящее мучительной смерти невинному и бедному, беднейшему из всех животному» или «У штаб-лекаря Матвея Петровича Клапкина нечаянно помер человек его. Надобно было потерять лучшего друга или родственника, чтоб столько потерять слез, сколько оплакивал смерть его сей чувствительный человек. Все утешения его друзей были напрасны, пока сердце его не насытилось горестью»². Однако это отнюдь не дневник тривиального сентименталиста, в котором все описывается и рассказывается автором лишь для демонстрации своего «чувствительного сердца», для «наслаждения меланхолией».

За год до поездки Анастасевича вышла первая часть «Путешествия в полуденную Россию (в 1799 г.) в письмах» В. Измайлова. В дневнике Анастасевича сказано, что он читал эту книгу перед тем, как отправляться в путь и сопоставление обоих «путешествий» — большою своей частью по одним и тем же местам — очень показательно. Надо сказать, что у Измайлова, сравнительно с «путешествиями» других карамзинистов, исторических, географических и даже экономических материалов немало. Но дело не только в том, что у Анастасевича их во много раз больше — дело в том, что сама чувствительность Анастасевича не похожа на дворянский сентиментализм Измайлова. Анастасевич ехал без крепостных слуг, без «аглинской собачки» и при всем своем восторженном состоянии не любовался, как Измайлов, картинами счастливого семейства, «нежнолюбящейся четы» и пастушком, который на свирели поет природе тайну души своей; и если уж Анастасевич пишет о счастливом семействе крестьянина, то только в связи с «полным запасом на зиму». Он умиляется — но умиляется не вздохам девушки, говорящим, «что сердце ее чувствует бедность состояния и сиротство сердца», а тому, что «уповательно» прекратится злоупотребление со стороны интендантов «простодушной доверчивостью» крестьян.

Не менее показательно и сравнение с книгой Павла Сумарокова, в будущем соратника «Беседы любителей русского слова» — «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г.» (почти что по маршруту Анастасевича), также бывшей в его руках перед поездкой. Эта книга на первый взгляд очень похожа на дневник Анастасевича и, действительно, близка ему композиционно и стилистически. Изобилующее историческими и естественно-научными данными, топографическими — как тогда выражались — описаниями, сведениями о сельском хозяйстве и торговле, «Путешествие» Сумарокова — реальный (хотя, конечно, обработанный) дневник. Но тенденции обоих дневников прямо противоположны.

«Сохранение древних обычаев и удаленное зло, просвещением порождаемое, суть причину неразвращения нравов» — вот сумароковское credo, которому противоречит каждая строка Анастасевича. Приведем характерней-

шую иллюстрацию. «Красное,— записывает Анастасевич <...> — Саранчи здесь гораздо более на полях. Нивы окопаны рвами, куда ее сгоняют. Но несмотря на то, хлеб здесь почти чернится ею. Жалкое зрелище! *Особливо по предрассудкам мужики так верят, что это гнев божий* (курсив наш.—М. Б.) и бедному сему насекомому якобы дается на пищу в жертву поле какого-нибудь несчастного обывателя, которому и помогать общими силами отказываются другие. Сие заблуждение более усиливается от непопечительного рассмотрения начальства, которое смотрит на сие общее зло с беспечным небрежением». Реакция Сумарокова по тому же поводу: «В пяти или в шести верстах от Миргорода увидел я в стороне от дороги толпящийся народ и узнал, что то были высланные поселяне на истребление появившейся в сих местах саранчи. Я приказал ямщику подъехать к ним, и вышед из своей коляски, нашел огорченных крестьян посреди миллионов сих вредносных насекомых. Таковое зрелище привело меня и в содрогание, и в изумление. <...> Крестьяне вырывали рвы и сметывая метлами в него саранчу, после оную в нем закапывали. *Молитесь богу, добрые люди!* — говорил я им, тому, кто послал вам сие наказание (курсив наш. — М. Б.); одно искреннее ваше к нему воззвание; одно милостивое его произволение истребит ее всю в одно мгновение; вы же, сколько оной не погубляете, но все не освободите нив своих от ее нападения»³. Комментарии, как нам кажется, будут излишни.

Сопоставление двух других записей иллюстрирует еще более существенную противоположность этих дневников. Оба автора описывают перекопские соляные промыслы. В дневнике Анастасевича читаем: «<...> Верстах в 17-ти от Перекопу <...> озеро <...> Первый предмет, привлекающий взор любопытного проезжего, есть крутой от дороги глинистый берег сего озера, покрытый весь как во время многолюднейшей ярмонки фурами (мажами) и толпою копошущихся полунагих людей, коих часть загорелого от жару тела прикрывают лохмотья изъедаемых сольною влагою рубах. Таковая поразительная картина сколько глазам кажется противною, столько участь сих людей тем поразительнее для чувствительного сердца, и

тем пристальнейше привлекает на себя внимание. Бедный Чумак (так называются сии добровольные невольники), подстекаемый нуждою соли, <...> пускается в далекие от края своего и пустые Крымские степи <...>. Нельзя не соболезновать о сих людях, оставленных без внимания и без защиты со стороны начальства от притеснений, претерпеваемых ими со времени наставшего соляного откупа» и т. д. Тут же соображения о пользе казне от чумацкого промысла. Сумароков же ограничивается следующим: «Перекопские соляные озера, первейшие по всему полуострову, отдаются со всеми прочими крымскими от казны на откуп, и по последнему торгу платы за них было 280 тысяч рублей в год. Приезжающие с Польши и Малороссии промышленники ломают соль сами <...>. С сего времени проезд через Перекоп бесчисленного множества фур на волах почти не прерывается»⁴. И это не случайно. В книге крепостника Сумарокова не только нет интереса к положению крестьян или хотя бы к их занятиям—в ней вообще нет крестьян (если не считать крымской экзотики, да приведенного выше эпизода с саранчой). Сумароков изредка упоминает о встречах с чиновниками, с полицией, но вопрос об их обязанностях по отношению к населению, о выполнении ими этих обязанностей не встает перед ним. Анастасевич же не только посвящает всем этим вопросам ряд страниц, но и неоднократно подчеркивает бедность крестьян, расстройство хозяйства, пишет о жадности «алчного помещика»; особенно следует отметить его возмущение чиновничеством: «без истинного патриотизма каждый почитает собственность Отечества не его делом»⁵.

Отметим, что через четыре года Анастасевич печатно упрекал Сумарокова и Измайлова в отсутствии в их книгах реального познавательного материала.

Но вместе с тем, сравнивая, например, белорусскую и украинскую почву, Анастасевич вполне удовлетворен тем, что «на Украине крестьянин с радостью влечет тяжелый плуг свой, который сторицею награждает его за труды, понесенные в летний зной, и пот его осушается, видя веселое свое семейство во всем изобилии»⁶. Сетую на бедственное положение крестьян, переселенных на новороссийские

земли, Анастасевич возлагает всю надежду на заботы благотельного и просвещенного начальства — которого, впрочем, он так и не встречает.

Путевой дневник Анастасевича позволяет констатировать внимательное, отнюдь не помещичье отношение молодого Анастасевича к положению крестьянства, серьезное и отнюдь не чиновничье понимание служебного долга. Но и только. От взглядов русских просветителей XVIII века, даже наиболее умеренных, представления Анастасевича в это время далеки.

С такими, в сущности, еще не сложившимися, несмотря на его 26 лет, убеждениями, прибыл Анастасевич в декабре 1801 г. в Петербург устраивать свою дальнейшую жизнь.

§ 2.

По рекомендации Белякова Анастасевич поступил сначала на службу в Военную коллегию. Но уже в январе 1802 г. состоялось его знакомство с В. Н. Каразиным, благодаря которому Анастасевич был вовлечен в круг интересов, соответствовавших его знаниям и склонностям. Знакомство вскоре превратилось в близкие, приятельские отношения и сыграло большую роль в жизни Анастасевича. Став — через того же Каразина — чиновником вновь организованного министерства народного просвещения, Анастасевич всерьез отдается служебной деятельности, с которой тесно переплетаются его библиографические и литературные опыты, занятия по русской истории, расширяющиеся связи с русской разночинной и польской интеллигенцией.

В. Н. Каразин обладал особым умением преувеличивать свое значение для развития народного просвещения и народного хозяйства в России и ввел в заблуждение не только многих исследователей, но и общественное мнение — как современное ему, так и позднейшее. Все же несомненно, что при организации министерства народного просвещения он сделал немало, и нет оснований не доверять воспоминаниям Анастасевича о том, что еще до официального назначения он помогал Каразину в составлении предварительных правил министерства народного просве-

щения и других первоначальных проектов. При этом, главным образом, Анастасевич оказался ценен знанием польского языка и оказал помощь ректору Виленского университета Иерониму Стройновскому при преобразовании Виленской Академии. 14 февраля 1803 г. Анастасевич был назначен письмоводителем к князю Адаму Чарторыскому (как попечителю Виленского учебного округа) и состоял при нем до отъезда Чарторыского из Петербурга (1810 г.); в канцелярии же округа Анастасевич служил до 1817 г., когда она была переведена в Вильно.

Анастасевичу также было свойственно несколько преувеличивать свои служебные заслуги и биографы слишком буквально понимали слова в его автобиографии о поручавшихся ему Чарторыским делам — не только по Виленскому округу, но и по Сенату, Государственному совету и даже чуть ли не по министерству иностранных дел. Анастасевич был просто секретарем Чарторыского, но секретарем просвещенным и активным. Сталкиваясь постоянно по делам службы с польскими учеными, писателями, педагогами, духовенством, все больше погружаясь в изучение польской истории, литературы, библиографии, Анастасевич становится активным пропагандистом русско-польского сближения.

Очарованный Чарторыским, о котором он отзывался в таких выражениях: «<...> как отец взял меня совсем на свое содержание, т. е. сперва кругом одел; теперь при нем живу и его стол»⁷; подавленный ученостью Иеронима Стройновского, Тадеуша Чацкого — польского историка, крупного деятеля народного просвещения, Яна Снядецкого — виднейшего польского ученого, сменившего Иеронима Стройновского на посту ректора Виленского университета, Анастасевич видел в их деятельности лишь то прогрессивное, что являлось дальнейшим развитием программы польской Эдукационной комиссии — учреждения последнего периода независимой Польши. Анастасевич, так тесно соприкасавшийся со всем, что делалось в Виленском округе, не замечал, видимо, вреда, который фактически приносила делу русско-польского сближения политика Чарторыского и особенно его ближайших сподвижников,

их идеи великой Польши под скипетром Александра I, проводившаяся ими при попустительстве Александра полонизация украинских, белорусских и литовских губерний, образовавших Виленский округ.

Характерно, что различные услуги Анастасевич оказывал преимущественно Иерониму Стройновскому — представителю той группировки польской аристократии, которая более склонна была к культурному сближению с Россией.

Постоянная переписка и обмен поручениями, посвященные в большой мере вопросам взаимного знакомства России и Польши с их культурой, завязываются у Анастасевича, в частности, с типографом Виленского университета Юзефом Завадским. Так, интересен выдвинутый Анастасевичем и поддержанный Завадским, но неосуществленный проект подготовки антологии русской поэзии в переводах на польский язык. Это издание должно было, по мысли Анастасевича, помочь «отмести от России тот мусор, которым ее засорили дикие заграничные писания. Обе наши страны, обе родины, моя и ваша, вследствие того, что говорят на непонятных для Европы языках, вынуждены переносить нестерпимые оскорбления от гостей-проходимцев, которые пообедав (да и то подчас лишь в людской) у Чарторьского или Строганова и еще не прочухавшись от обеда, берутся за описание всей страны. Они восхваляют вельмож, но страну и народ, которых не знают, изображают в смешном виде»⁸. Остались неосуществленными и другие их издательские проекты (русской грамматики для поляков, польско-русского словаря, польской антологии для русских). Кроме того, ряд лет Анастасевич был чем-то вроде комиссионера Завадского в Петербурге.

В переписке с Завадским имеются также упоминания о письмах Анастасевича к К. Контриму, библиотекарю и секретарю Виленского университета, близкому к И. Лелевелю и впоследствии удаленному из университета в связи с делом филаретов.

С 1805 г. Анастасевич печатается в польских журналах, переводит с русского языка на польский.

Одновременно со службой при Чарторьском Анастасевич в 1809 г. был определен помощником начальника от-

деления польских и малороссийских прав Комиссии составления законов.

В течение первых петербургских лет Анастасевич на-верстывал упущенное в молодости: приобщался к философской, политической и педагогической литературе XVIII в., внимательно следил за новинками в этих областях и за библиографической литературой, французской и немецкой. Как быстро расширялся круг его интересов, видно из его сохранившегося письма к И. И. Мартынову 1804 г. В письме он критикует вышедшую незадолго до этого анонимную книгу «Рассуждение о войне и мире» <В. Ф. Малиновского> и развивает в связи с этим характерное для просветителей второй половины XVIII в. утверждение, что «золотой век» в прошлом — басня, что только прогресс цивилизации приведет к «золотому веку»⁹. В эти же годы он переводит, например, похвальное слово Мабли.

Хотя свойственный Анастасевичу и отражавшийся пагубно на всей его деятельности универсализм научных интересов проявился еще в молодости, в 1802—1810 гг. он, по-видимому, преимущественно склонялся к деятельности чисто литературной. Следует отметить, что Департамент народного просвещения (Анастасевич непосредственно в Департаменте не числился, но был с ним по службе у Чарторьского тесно связан) и Комиссия составления законов, где он также служил, были средоточием кружка молодых литераторов, членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств или близких к нему. В своей работе об этом обществе В. Н. Орлов так характеризовал его состав: «...типичные разночинцы, выходцы из среды мелкого чиновничества, духовенства, купечества, или люди вовсе безвестного происхождения . . . Все они жили трудами рук своих, тянули лямку службы в разных департаментах, либо занимались ученой и педагогической деятельностью . . . В условиях общественного и культурного быта 1800-х годов этот кружок был единственным в своем роде объединением людей разночинно-демократического происхождения и интеллигентного труда»¹⁰. Характеристику эту можно распространить и на Анастасевича.

Если отдельно изданные Анастасевичем в эти годы кни-

ги известны, то участие его в журналах не обследовано. Более того, оно совершенно замалчивается. В то же время мимолетное замечание Н. К. Замкова, что Анастасевич участвовал почти во всех тогдашних периодических изданиях, неверно фактически и, главное, вуалирует определенную направленность журнальной деятельности Анастасевича.

В 1803 г., в двух номерах журнала, редактировавшегося проф. Московского университета П. А. Сохацким, «Новости русской литературы» был напечатан ряд мелких стихотворных переводов Анастасевича с французского, немецкого и, в основном, польского языков. Сотрудничество Анастасевича в этом журнале было случайным и больше не продолжалось.

Немного дает нам и анализ участия Анастасевича, также с 1803 г., в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения» — официальном издании министерства народного просвещения. В первых номерах «Периодического сочинения» все, что касалось Виленского округа, освещалось очень широко — значительно подробнее, чем по другим округам. Особенно это заметно в 1803—1804 гг., пока правителем дел Главного правления училищ был Каразин (если доверять утверждению Анастасевича, Каразин был и первым фактическим редактором журнала). Ясно, что эти официальные материалы составлял Анастасевич. Но существенно, что после 1810 г., то есть после отъезда Чарторьского из Петербурга, широкое освещение деятельности Виленского округа прекращается. Иначе говоря, все это делалось по инициативе самого Чарторьского и по его указаниям. Но все же, помимо официальных в полном смысле слова, обязательных материалов (уставы, положения, указы и т. д.), кое-что обязано, возможно, личной инициативе Анастасевича и им же переводилось с латинского и польского языков (оды и речи, читавшиеся в торжественных собраниях, выписки из рапортов адъюнктов, отправленных за границу). Так как в автобиографии 1821 г. Анастасевич писал о некоторых своих «собственно к словесности относящихся» статьях, помещенных в «Периодическом сочинении», то можно предположить, что им выполнены переводы с

французского «Исторические замечания о народном просвещении во Франции. Начало Парижского Университета», «Рассуждение, должны ли науки иметь преимущество пред словесностью» и некоторые разборы книг.

Следовательно, ничего самостоятельного или хотя бы раскрывающего его собственные взгляды в журнале мы не находим.

Иной характер имело участие Анастасевича в «Северном вестнике» (1804—1805).

«Северному вестнику» нельзя, конечно, отказать в большой доле благонамеренности; тем не менее он справедливо считается наиболее интересным и передовым явлением русской журналистики первого десятилетия XIX века. Хотя издатель «Северного вестника» Мартынов и не был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, но, в сущности, журнал являлся рупором этого общества — правда, главным образом, его менее радикальной группировки. Почетное место принадлежало в «Северном вестнике» критике, причем — и это очень существенно — не только чисто литературной, но и педагогической, и философской. В литературных спорах журнал занимал передовые позиции, ведя борьбу на два фронта — и с шишковистами, и с карамзинистами; выступал с требованиями отечественных тем и народных сюжетов. Политическое credo «Северного вестника» скорее всего можно назвать умеренным конституционализмом; роль журнала тем более была прогрессивна, что в развитие и подкрепление точки зрения о необходимости крупных государственных реформ и разумного законодательства здесь печатались соответственно подбирившиеся отрывки (иногда весьма значительные по размеру) из просветительской и материалистической литературы; вообще подбор переводов и рефератов был обдуманым и политически целеустремленным. Вскользь и осторожно «Северный вестник» касался крепостного права. В журнале даже была (анонимно и без заглавия) напечатана одна из важнейших глав «Путешествия» Радищева — «Клин». Широко подымал «Северный вестник» проблемы, вытекавшие из либеральной, но по существу, декоративной правительственной позиции в области просвещения.

На первый взгляд статьи по вопросам просвещения перепевают положения манифеста 8 октября 1802 г., предварительных правил министерства народного просвещения, цензурного устава 1804 г. Но правительственная практика все более сводила на нет внешне либеральные законоположения; поэтому обсуждение этих вопросов на страницах журнала, их серьезная и глубокая трактовка — даже с очень умеренных позиций — по существу играли более прогрессивную роль, чем официальная практика.

В работах последнего времени по истории русской журналистики участие Анастасевича в «Северном вестнике» (так же как и в «Журнале российской словесности») совершенно игнорируется; даже имя его не упоминается в связи с этими журналами. В дореволюционной литературе о них Анастасевич упоминался, но не всегда и вскользь. В специальном библиографическом описании «Северного вестника» только из 16-ти несомненно принадлежащих ему статей и переводов 11 пропущены. Лишь Н. П. Колюпанов объявил Анастасевича чуть ли не фактическим руководителем — во всяком случае вдохновителем этого журнала¹¹.

Хотя Колюпанов и преувеличил роль Анастасевича — вернее будет сказать, что для подобной оценки мы не располагаем материалами — он был ближе к истине, чем все остальные, писавшие о «Северном вестнике».

Из упоминавшегося уже письма Анастасевича к Мартынову видно, что сам он, во всяком случае, очень близко принимал к сердцу интересы «Северного вестника» и был в курсе редакционных дел. Анастасевич был одним из самых активных и постоянных участников журнала; по количеству материалов (правда, не по объему их и не по значению) он — на первом месте среди авторов «Северного вестника»; редко какой номер (до августа 1805 г.) обходился без материалов Анастасевича, а в некоторых номерах он участвовал не в одном отделе. Привлечен он был Мартыновым сначала, очевидно, для переводов с польского языка и для освещения деятельности Виленского университета. Но вскоре участие его стало разнообразнее: он помещает в журнале биографии польских писателей, переводы (главным образом с французского)

на литературные, политические и философские темы, различные материалы, в том числе рецензии, связанные с историко-филологическим изучением Украины, Польши и т. д. Как в переводных текстах, так и в собственных его рецензиях и примечаниях настойчиво повторяются мысли о пользе периодических изданий, о самостоятельной разработке истории славянских стран, об ответственности судей и гласном судопроизводстве. Самое же интересное, что Анастасевичу — а вовсе не Мартынову, как принято всегда считать, — принадлежит перевод «Мнения короля Густава III о вольности книгопечатания» и примечание к этому переводу (подписано «В. А-чь»). Публикация речи Густава — это уже не раз отмечалось в литературе — явилась, наравне с памфлетом Пнина «Сочинитель и цензор», напечатанным в «Журнале российской словесности», самым значительным в первое десятилетие XIX в. выступлением за свободу печати, за свободу критики. Совершенно явной целью перевода было подчеркнуть, что дело не столько в «либеральном» цензурном уставе, сколько в его применении. В примечании же к переводу Анастасевич попытался конкретизировать в русских условиях мысль Густава об обнародовании судебных приговоров.

Есть даже основание думать, что Анастасевич, действительно, влиял в какой-то мере на общее направление журнала.

Известно, что сменивший «Северный вестник» журнал «Лицей» (1806) был в значительно большей степени журналом литературно-художественным. Отмечалось, что, по мысли Мартынова, «Лицей» должен был быть более доступным, привлекать более широкий круг читателей. Но дело заключается не только и не столько в том, что Мартынов отказался от ряда отделов и увеличил отдел словесности. Это был отход вправо, отказ от прежних убеждений (что подтверждается и дальнейшей эволюцией Мартынова). Отсутствие статей на боевые политические и педагогические темы (единственное исключение — «Патриоты и герои, везде, всегда и во всяком» Семена Боброва и письмо по поводу этой статьи); совершенно иной, лишенный определенной общественной устремленности,

подбор переводов; диаметрально противоположная Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств оценка перевода Рейналя, что имело принципиальное значение (см. ниже, стр. 31) — все это объясняет, почему после первых номеров члены Вольного общества почти не печатались в «Лицее». В то время, как «Северный вестник» номинально выпускался «несколькими любителями наук и словесности» и на титульном листе имя издателя не значилось, титульный лист нового журнала подчеркнуто нес имя издателя — Мартынов как бы демонстративно освобождался от опеки соучастников. Надо сказать, что причины реорганизации «Северного вестника» были изложены Мартыновым в объявлении об издании «Лицея» крайне туманно. Создается впечатление, что туманность эта намеренная: Мартынов как бы хочет сказать, что это — тот же самый журнал, да не тот.

И если приглядеться внимательнее к последним номерам «Северного вестника», то обнаруживается, что собственно реорганизация постепенно подготовлялась уже с конца 1805 г. Внешне номера «Северного вестника» с октября 1805 г. ничем не отличаются от предыдущих, но дух их совсем иной. Преобладание чисто литературных материалов (преимущественно по античной литературе), отсутствие значительных социально-политических переводов, — все чрезвычайно похоже на будущий «Лицей».

Можно ли считать, поэтому, случайным, что с восьмого номера до конца 1805 года Анастасевич ни разу ничего не напечатал в «Северном вестнике» и что за весь 1806 год он выступил в «Лицее» лишь один раз — с переводом элегии Тибулла? Впоследствии он вовсе разошелся с Мартыновым и называл его «жалким педантом»¹².

Впрочем, не лишено вероятия, что на расхождение с Мартыновым оказали влияние и чисто житейские обстоятельства; именно в середине 1805 года Мартынов сменил Каразина в должности правителя дел Главного правления училищ, и Анастасевич считал это результатом личных происков Мартынова против его приятеля.

Прекратив сотрудничество в «Северном вестнике», Анастасевич в течение второй половины 1805 г. участвует в «Журнале российской словесности», издававшемся чле-

ном Вольного общества Н. Брусиловым. Идейным вдохновителем этого издания был видный русский просветитель, продолжатель радищевских традиций, президент Вольного общества и в прошлом издатель радикального «Санктпетербургского журнала», И. П. Пнин. Печатавшиеся в «Журнале российской словесности» сатирические произведения и басни характеризуются ясно выраженными передовыми общественными тенденциями. Неоднократно — хотя и очень осторожно — защищалось в журнале угнетенное русское крестьянство, велась упорная борьба с галломанией. По частным вопросам журнал расходился с «Северным вестником», сам Брусилов отличался непоследовательностью и был склонен к карамзинизму, но в целом журнал занимал ту же прогрессивную позицию в борьбе как со слащавой чувствительностью последователей Карамзина, так и с нападками на них Шаховского и др.

Одним из наиболее значительных и едких выступлений «Журнала российской словесности» против крайностей сентиментализма — но отнюдь не с консервативных позиций Шишкова, а с тех же позиций русских просветителей начала века — явилось сатирическое «Письмо к другу из столицы» Анастасевича. Истинный смысл его особенно ясен при сопоставлении с «Письмом к издателям» Анастасевича в «Северном вестнике»¹³, где также попутно высмеивались чувствительные путешествия. В том же духе сатирического обличительства выступает Анастасевич в журнале с другими произведениями — «Сон», басня «Мартышка и Азэр». Остальное — мало интересные переводы.

Как мы видим, Анастасевич принял участие в самых передовых журналах начала века, выступая, в общем, с тех же позиций, с каких выступали деятели Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. И хотя, как показал В. Н. Орлов в упоминавшемся уже нами исследовании «Русские просветители 1790—1800 гг.», в самом Обществе не было полного единства взглядов и шла внутренняя борьба, хотя Анастасевич явно ближе к более умеренным и осторожным его членам, все же журнальная деятельность Анастасевича в эти годы неоспори-

мо прогрессивное и даже, в известной степени, значительное явление. Таким образом, игнорирование роли Анастасевича в русской журналистике начала XIX в. совершенно не оправдано. Роль эта оказалась заслонена в истории русской литературы и журналистики позднейшими наемщиками над Анастасевичем со стороны «Арзамаса».

§ 3.

Недостатки, свойственные переводам Анастасевича — тяжелый и архаический даже по тем временам язык, малоудачные попытки введения новых слов, полонизмы — особенно давали себя знать в переводах поэтических. Изданные им переводы художественных произведений (главным образом, с французского) решительно не удались, и он остался в памяти современников «плохим переводчиком Федры»¹⁴. Книжки эти не имели никакой эстетической ценности, совершенно не раскупались и тщетно пытался Анастасевич в течение ряда лет распространять их через своих знакомых. Обращает на себя внимание, что во все свои переводы Анастасевич всегда пытался внести необходимые, с его точки зрения, дополнения, снабжал их примечаниями, объяснениями, предисловиями. Иногда это были компилятивные литературные комментарии — например, объяснения стихотворений Сафо. Иногда — попытки применить положения автора к русской действительности. Чаще же это были библиографические примечания; разнообразные и подробные, они свидетельствуют о том, что богатые библиографические картотеки Анастасевича начали складываться, очевидно, очень рано.

Основной интерес среди переводов Анастасевича вызывают три работы социально-экономического содержания. Наиболее известному переводу — «О условиях помещиков с крестьянами» Валериана Стройновского мы уделим 2-ю главу. По инициативе Иеронима Стройновского Анастасевич перевел и напечатал его сочинение «Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов», о котором мы также

скажем ниже, в главе 4-й. Наконец, в те же годы им был выполнен еще один перевод. Ни С. А. Венгеров, автор первой специальной работы об Анастасевиче¹⁵, ни Н. К. Замков, ни Н. В. Здобнов не упоминают об участии его в переводе сочинения Рейналя «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». Между тем именно этот перевод дал некоторым советским историкам основание отнести Анастасевича к охранительному лагерю. Поэтому переводу книги Рейналя необходимо уделить особое внимание.

В 1802—1804 гг. за счет правительства были предприняты издания нескольких наиболее популярных во второй половине XVIII в. западноевропейских политических сочинений. Среди них был и перевод знаменитой книги аббата Рейналя.

Издание перевода этого выдающегося произведения просветительной литературы XVIII в. растянулось на 6 лет (Рейналь. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Ч. 1—6. Спб., 1805—1811). Выпущенный «по высочайшему повелению» перевод должен был, в действительности, не столько дать возможность русским читателям познакомиться с книгой Рейналя, сколько продемонстрировать либерализм Александра без вреда для самодержавия. В. С. Сопиков снабдил запись об этом издании таким примечанием: «Французский подлинник сего славного сочинения в 10 ч.; но российский переводчик почти половину исключив, много тем уменьшил достоинство оного». Сопиков имел в виду, конечно, не просто сокращение, а политическую тенденцию сокращения.

Подлинная книга Рейналя оставалась — если не формально, то по существу — запретной для русского читателя. В результате литературной обработки знаменитого сочинения неискушенный читатель вправе был спросить: да подлинно ли это — бессмертный памятник ума, знаний и сердца человеческого? Он мог иронически воскликнуть: вот они, прославленные философы французские! Перевод дискредитировал Рейналя в глазах читателей со всех точек зрения.

Л. Лехтблау так охарактеризовал это издание: «Пе-

реводчики и цензура старались тщательно вытравить из перевода все критические замечания Рейналя по поводу несостоятельности самодержавия как государственно-политической формы правления, его нападки на религиозную нетерпимость и национальное угнетение, его призывы к свободе и равенству народов. Не допущено было ни одно из резких замечаний по адресу европейских монархов. Сочли неудобным поместить даже нападки Рейналя на жестокого индийского субаба, не пожелавшего нарушить свой сон, чтобы спасти задохавшихся в темнице пленников... Характерны методы перевода... Слово «революция» всюду заменено словом «перемена», чрезвычайно редко употребляются слова «деспот, тиран» и производные от них... Из «Философической и политической истории Индии» в русском издании совершенно бесцеремонно выброшены целые разделы и главы, не говоря уже об исключенных бесчисленных абзацах и отдельных фразах... исключенными оказались более 2 тысяч страниц»¹⁶.

Характеристика эта, в общем справедливая, все же крайне неточна.

Прежде всего, Л. Лехтблау, как, впрочем, и все, кто писал об этом издании, не заметил, что перевод был сделан не с издания 1780 г., с которым он и сравнивает его, а с одного из первых изданий «Философической и политической истории» в шести частях. А это исключительно существенно. Рейналь впервые выпустил свое сочинение в 1770 г. в Амстердаме. С тех пор он неоднократно его переделывал, исправлял, очищал, дополнял, а в 1780 году, в Женеве, было выпущено радикально переработанное и почти что вдвое расширенное издание в 10 частях. Именно это издание и было сожжено рукой палача в Париже; подавляющее большинство позднейших переизданий «Философической и политической истории», ее контрафакций и переводов на другие языки повторяли это женевское издание.

При переработке своей книги и, главным образом, в 1780 году, Рейналь всячески усиливал ее вольнолюбивый, антифеодальный и антиклерикальный характер; все больше вносил он риторических, морально-этических

рассуждений и декламаций, сыгравших немалую роль в популярности книги. Не говорим уже о фактических поправках, новых статистических данных и пр.

Популярностью в передовых кругах русского общества Рейналь обязан был именно изданию «Философической и политической истории» 1780 г. Переводы отрывков из нее, использование ее Радищевым, — всё это имело источником последние издания книги Рейналя. Не удивительно, что Сопиков и другие современники, видевшие, что книга искажена, даже не обратили внимания на первопричину — настолько для них было несомненно, что переводилось издание 1780 года.

Факт перевода на русский язык в начале XIX в. одного из отброшенных вариантов, забракованного самим же Рейналем, конечно, показателен и политический смысл этого очевиден. Достаточно процитировать слова Мартынова (как уже выше сказано, резко переменившего свои взгляды с 1806 г.) по поводу издания 1780 г.: «В сем издании... автор показывает... еще большую злобу к начальникам народов и ко всем предметам народного уважения»¹⁷.

Однако именно переводом с одного из первых изданий и объясняется огромная часть всех тех отступлений от широко известного текста Рейналя, которые бросались в глаза (в том числе, кстати, и пример, приводимый Л. Лехтблау, об индийском субабе). Ни о каких двух тысячах страниц исключений не приходится и говорить — их не наберется и на 300 страниц, причем складываются эти 300 страниц, главным образом, из отдельных абзацев и фраз, разбросанных в разных местах — ни разделы, ни целые главы не выбрасывались. Поэтому в переводе было и то, чего не было в известном тексте Рейналя — то есть то, что он исключил из издания 1780 г.

Помимо явно крамольных с точки зрения александровской цензуры мест, исключению, действительно, подверглись во множестве и такие фразы, в которых встречались какие-либо «злокозненные» слова, хотя бы и употребленные в совершенно нейтральном смысле. Нередко обрубались посредине фразы, в которых упомина-

лось о богословии, о религии, хотя бы и без всякого ее поношения. Часто там, где у Рейналя неодобрительные высказывания о политике или действиях французского короля, Версальского двора, абзац сохраняется, но взамен слов «король» или «двор» подставляется «Франция» или даже «французский народ» и т. п. Но вообще с отдельными словами дело обстояло не так уж элементарно, как нарисовал Л. Лехтблау; например, слово «революция» переводилось и как «переворот», а иногда даже и как «революция».

Неверно было бы также представлять себе, будто в переводе, действительно, не осталось ничего, направленного против деспотизма, угнетения народа, ничего о естественном состоянии человека и т. д. Применялись, главным образом, передержки, дававшие возможность ослабить остроту того или иного конкретного места, нейтрализовать его, а иногда и обесмыслить, внушая при этом представление о либерализме александровской цензуры, пропустившей подобную книгу.

Передовая русская интеллигенция начала XIX в. с возмущением встретила это издание. Так, один из деятельных членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств В. В. Дмитриев, человек с серьезными философскими и социально-политическими интересами, писал в письме из Сибири после выхода первых двух частей: «Рейналь был со мною — всегда при моем сердце. Я делал во многих случаях сравнение с его замечаниями, и чувства мои были согласны с его чувствами. Но каков он у нас в переводе?.. Не похож на Рейналя... Вздыхаю и... молчу». И далее, в том же письме: «Собранные замечания мои должны были выйти в свет под названием «Диких красот отечества моего». Выходит перевод Рейналя... останавливаюсь, пересматриваю их со слезою и в настоящем веке. Того ли ждали мы от тебя, о, благодетель мира!»¹⁸. Отзыв Сопикова мы уже привели выше. В противоположном лагере, наоборот, перевод был встречен сочувственно и даже Мартынов (опять-таки, в 1806 г.) хвалил цензуру и переводчика, придавших сочинению «другой вид, не изменив, впрочем, ни красот подлинника, ни исторической

истины». Под флагом высокой оценки Рейналя Мартынов фактически его дискредитировал, повторяя обычные для противников Рейналя мнения о его «принужденной» декламации против духовенства, правлений, законов и обычаев, о соблазнительных повествованиях, неосновательных правилах, ошибках и неисправностях, и объясняя, как бы между прочим, сочинение Рейналем «Философической и политической истории» его желанием «сделать себе состояние».

Какое же ко всему этому отношение имел Анастасевич?

Перевод «Философической и политической истории» в ряде распространенных справочных изданий, в частности, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона и в первом издании Большой Советской Энциклопедии приписан Анастасевичу. Л. Лехтблау указал, что в действительности переводчиком был Г. Н. Городчанинов, впоследствии бездарный реакционный профессор Казанского университета, и что Анастасевич перевел лишь шестую часть. «В конце VI т. — пишет Л. Лехтблау, — издания 1811 г. имеется следующая приписка: «Сей истории VI том переводил, а сей последний, по отсутствию переводившего, при издании исправлял и извлекал перечень и оба алфавита В. Анастасевич. Издание кончено августа 28 дня 1811 г.» Отсюда вывод: «Участие В. Г. Анастасевича в переводе Рейналя подтверждает, что правительство нарочито подыскивало «благонадежных» переводчиков Рейналя. В. Г. Анастасевич принадлежал как раз к числу наиболее завязанных сторонников самодержавия»¹⁹. Этот вывод Л. Лехтблау и вошел в обиход историков литературы.

О переводе ч. VI-й Анастасевичем и остальных Городчаниновым известно было, впрочем, и раньше. Но не странно ли, что осенью 1811 г. Анастасевича, как известно, чуть не уволили из Комиссии составления законов, чтобы удовлетворить особенно рьяных крепостников (см. ниже, в гл. 2-й), а он, оказывается, почти в то же время занят фальсификацией ненавистного этим же крепостникам Рейналя?

Вчитаемся внимательно в примечание к части 6-й:

«Сей истории VI том переводил, а сей последний, по отсутствию переводившего, при издании исправлял и извлекал перечень и оба алфавита В. Анастасевич» (курсив наш.— М. Б.). Значит, переводил то не он! Значит, он только выполнял техническую работу — вел корректуру, составлял оглавление и указатели! Иначе и нельзя понять это примечание. Правда, получается как будто неясность — кто же переводил? Здесь явный пропуск фамилии, сознательный или скорей, по недосмотру, и легче всего предположить переводчика остальных частей — Городчанинова.

В письме к Городчанинову от 19 февраля 1808 г. Евгений Болховитинов писал: «Оканчивайте скорее последний том»²⁰. Хорошо знакомый уже в 1811 г. с Анастасевичем Сопиков сведений об его участии в переводе не дает. Во втором издании «Философической и политической истории» (1834—1835) никакого упоминания об Анастасевиче нет. В биографии Городчанинова (Н. П. Лихачева) он рассматривается как единственный переводчик книги. Наконец, в сохранившихся в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина письмах Городчанинова к Анастасевичу черным по белому написано, что часть 6-я переведена Городчаниновым в Казани и что Анастасевич, после бесчисленных просьб с его стороны, взялся за корректуру, помог закончить дела по изданию и, сверх того, уже по собственной инициативе, составил общие ко всем шести частям оглавление и указатели²¹.

Казалось бы, дело ясное. Неаккуратно сформулированное примечание вызвало к жизни и неверные библиографические сведения.

И все же Анастасевич, действительно, переводил Рейналя.

Обратившись к «Росписи» Плавильщикова, составленной самим Анастасевичем, мы с удивлением находим в записи о «Философической и политической истории»: «с фр. Г. Городчанинов; а 4-ю ч. В. Анастасевич» (№ 2437). Что же это — опечатка?

С. А. Венгеров частично пересказал, а частично привел уже упоминавшиеся нами собственноручные автобиографии Анастасевича. Механически соединяя отдельные

части и даже фразы той и другой автобиографии, С. А. Венгеров многое существенное оставил в них без внимания. В частности, список трудов Анастасевича он взял только из автобиографии 1819 г., где нет указания на Рейналя; в автобиографии же 1821 г. мы читаем под рубрикой: «Участвовал в переводах с французского»: «Филос. и полит. история Р. Спб., 1805—1811. 4-ю часть всю перевел, а 6-ю издал и к ней составил алфавитный реестр на все 6 ч. (перевод Городчанинова)».²²

Итак, все выяснено: в переводе Рейналя Анастасевич участвовал, однако, перевел он не 6-ю часть, а 4-ю.

Но стоило ли трудиться над этим разысканием, чтобы придти к столь незначительным результатам? Не все ли равно, какую часть он перевел?

Не все равно! Уже потому, что 6-я ч. вышла в 1811 г., а 4-я — в 1806 г. (а, следовательно, переводилась еще раньше, очень может быть — даже в 1804 г.). В 1811 г. Анастасевич — довольно известный переводчик и библиограф, в прошлом — сотрудник прогрессивных журналов, сам издает журнал, связан с рядом ученых и литераторов. В 1804—1805 г. он — недавно приехавший в Петербург недоучившийся провинциал, бедный и едва только нашедший себе по душе службу чиновник, пытающийся делать первые шаги на литературном и ученом поприще. Конечно, по-разному подойдет исследователь к изучению биографии и литературной деятельности Анастасевича в том и в другом случае.

Если же мы обратимся непосредственно к тексту перевода Рейналя, то обнаружим еще кое-что существенное. Анализ всех шести частей приводит к выводу, что 4-я часть значительно отличается от остальных.

Начать с того, что в этой части исключений вкупе не наберется и на шесть страниц. Исключения эти — явно цензурного характера: выпад против духовенства, которое объясняет черный цвет негров тем, что они — потомки Каина; резкий выпад против христианской религии и др. Почти все это — сплошные абзацы; внутри абзацев и фраз исключения можно сосчитать по пальцам, причем все они — бросающаяся в глаза «крамола». Но ни превращения текста в бессмысленный набор фраз, ни пере-

держек, ни алогичных переходов от одной фразы к другой мы не находим. «Деспотизм» здесь, в частности, переведен всюду как «деспотизм» или «самовластие» (в других частях, главным образом, — «самовольство»); внутри абзацев сохранены фразы, подобные которым в других частях подверглись остракизму вроде: «Всё равно, терпят ли христиане или мусульмане, человек только достоин сострадания человека». Или «В Европе, где многие наследственные самодержавия сопротивляются спокойствию избирательных правительств и благосостоянию свободных областей, можно почтеть странном то, что в Африке страны меньше приверженные переворотам суть те, кои сохранили право избирать своих владельцев».²³

Подводя итоги анализу текста, можно с большой долей уверенности считать, что все, в общем незначительные, искажения в части 4-й следует отнести за счет цензуры, а не за счет переводчика. Есть все основания предполагать, что часть 4-я была переведена Анастасевичем без всяких сокращений (в пределах первого варианта оригинала, конечно).

Предположения эти полностью подтверждаются обнаруженной нами дневниковой записью самого Анастасевича, раскрывающей и меру его участия в переводе, и его отношение к этому переводу.

14 июня 1811 г. Анастасевич записал: «При исправлении 6-го тома Рейналя пришла мысль: что *русский Рейналь* столько похож на французский, как если бы самого сего славного философа и глубокого политика переодеть в русский оборванный зипун и прицепить ему бороду. — Действительно, в нем много пропущено и так глупо, что полые места (дыры) нимало не прикрыты, чтоб их как-нибудь можно было не приметить — разорван смысл. Этому причиной не переводчик, добрый, но бедный человек, Григ. Николаевич Городчанинов, а обстоятельства, в коих сделан сей несчастный перевод, делающий стыд тем, кои его произвели в свет. Он его поднес сперва Трошинскому Дм. Прокофьевичу. После его доклада он отдан был министру коммерции гр. Румянцеву Николаю Петровичу, вовсе несмысленному в сих делах, бывшему после канцлером. Еще более несчастным отдано потом в цен-

зуру, которая уже предубеждена была, чтоб боже сохрани позволить чтонибудь противу веры. Яценко и Тимковский — один глупый педант, другой — добрый, но слишком робкий и набожный литератор — немилосердно херили еще и затем, что уже пропустили, сам переводчик. Все они не видели того, что Рейналя все сие бессмертное творение сделано тем интересным, что открыло, сколь суеверие нового света и старого [или лучше]* энтузиазм сделали бедствий для себя взаимно один к другому. При корректуре я имел подл<инное> издание Женевское 1781 г. у Леонарда Пеллета, в 10-ти v. VIII. Не помню, по какому переводил Городчанинов, ибо для него переведенный 4-й том мною оставлен у него в рукописи, где должно быть отмечено. Только по сему изданию пропасть перемен в переводе против текста, и во многих местах от пропусков выходит совершенная ахиня, бессмыслица. — Как жаль, что он так переведен. Я часто напоминал переводчику. Видно, что лучше бы было не браться за такое дело. Чего не делают бедные обстоятельства». ²⁴

Как ни парадоксальны, казалось бы, слова «несчастный перевод, делающий стыд тем, кои его произвели в свет» в устах участника перевода, запись эта нам все окончательно разъясняет. В поисках заработка Анастасевич в 1804 или 1805 году перевел для Городчанинова 4-ю часть по экземпляру, полученному от Городчанинова, и не помышляя ни о каком приспособлении перевода; в дальнейшем он не имел к переводу Рейналя никакого отношения и даже не помнил, с какого издания он переводил. Можно, кстати, допустить, что в 1804—1805 году Анастасевич еще не читал сочинения Рейналя в целом, что он не знал о кардинальных отличиях издания 1780 года; похоже, что и в 1811 г. он только догадывался об этих отличиях; ясно и то, что Городчанинов пытался обелить себя перед впоследствии упрекавшим его Анастасевичем, преувеличивая роль сановных редакторов — иначе 4-я часть, переведенная Анастасевичем, была бы так же переделана, как прочие; да к тому же следует отметить, что Троицкий уже с 1806 г. был не у дел — очевидно все, что

---

* Зачеркнуто.

говорится в записи Анастасевича о нем и Румянцеве, относится только к первым четырем частям, а над последними вкуче трудились Городчанинов и цензура.

С горечью говоря о «бедных обстоятельствах», Анастасевич, вне всяких сомнений, имел в виду не одного Городчанинова, но и самого себя — ведь хотя бы и в роли технического исполнителя он имел отношение к переводу.

Возникают вопросы: если Анастасевич так решительно ссуждал перевод, чем объяснить его согласие помочь Городчанинову в окончании издания и составление по своей инициативе указателей? более того — в 1817 г., очевидно, по просьбе Городчанинова, Анастасевич хлопотал о переиздании Рейналя; если Анастасевич находил, что перевод делает «стыд тем, кои его произвели в свет», чем объяснить упоминание им своего имени в примечании (не в 1804, а в 1811 г.!) и, тем более, в «Росписи» Плавильщикова (1820 г.)?

Ответ на первый вопрос можно, как нам кажется, дать достаточно твердо. Во-первых, судя по приведенной выше записи Анастасевича, «достоинства» перевода в полной мере стали ему очевидны, когда он уже работал над указателями, т. е. когда соответствующие обещания Городчанинову уже были даны. Во-вторых, и это важнее, пример с Городчаниновым является как раз одним из ярких примеров того — назовем его малопринципиальным — отношения Анастасевича к людям, о котором выше уже шла речь. Еще в 1794 г. Городчанинов восторженно отнесся к стихам юноши Анастасевича — во всяком случае хвалил их совершенно неумеренно. Когда Анастасевич приехал в Петербург, Городчанинов был одним из немногих ему знакомых людей. Несмотря на бросающуюся в глаза идейную пропасть между Анастасевичем и тупым ханжой Городчаниновым, последний оставался в глазах Анастасевича «добрым, но бедным человеком».

В ответ на второй вопрос мы решаемся высказать только догадку. Нам думается, что в литературных кругах знали о каком-то участии Анастасевича в издании перевода Рейналя, и Анастасевич хотел подчеркнуть чисто техническую свою роль. Этим и было вызвано необычное примечание с именем корректора и составителя оглавления

ния и указателей. Но, как мы уже знаем, составлено оно было столь неудачно, что только еще больше все запутало. Если в этом примечании свыше ста лет не могли разобратся библиографы и литературоведы, то, вероятно, не более внимательными оказались и современные читатели (ведь так же как и позднейшие исследователи, они не заметили, что перевод сделан не с издания 1780 г.). Поэтому в 1820 г., воспользовавшись случаем, Анастасевич и указал точно, что именно он перевел — за 4-ю часть он, по крайней мере, в значительной степени отвечал.

Впрочем, каково бы ни было объяснение, это уже вопрос чисто биографического — даже, можно сказать, психологического порядка. Но одно, во всяком случае, бесспорно — что перевод «Философической и политической истории» никак не может служить доказательством принадлежности Анастасевича к лагерю реакционных литераторов.

ГЛАВА 2

ПЕРЕВОД КНИГИ «О УСЛОВИЯХ ПОМЕЩИКОВ С КРЕСТЬЯНАМИ»

§ 1.

Участие Анастасевича в переводе книги Рейналя послужило решающим обстоятельством для отнесения его советской историографией к реакционному лагерю. Основными же доводами для характеристики Анастасевича, как сторонника освобождения крестьян, противника крепостного права являются перевод им с польского языка книги Вал. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами» (Вильно, 1809), резкие нападки крепостников на автора и переводчика и едва не состоявшееся, вследствие этого, удаление Анастасевича со службы в Комиссии составления законов.

Факты эти широко и неоднократно использовались в исторической, филологической и библиографической литературе, посвященной первой четверти XIX века. Казалось бы, что, поскольку эти несомненные факты резко

противоречат утверждениям ряда современных исследователей о реакционности Анастасевича, они, во всяком случае, должны были быть объяснены и соответствующим образом истолкованы теми, кто считает Анастасевича «наиболее завзятым сторонником самодержавия». Однако разделяющие эту точку зрения просто игнорируют эти факты.

В чем же тут дело?

Дело в том, что как и многое другое, связанное с Анастасевичем, факты эти обычно вырывают из всего «контекста» его жизни и деятельности. Повторяя друг друга, используя всё одни и те же цитаты, писавшие о переводе книги В. Стройновского не ставили вопроса — а каковы же были взгляды самого Анастасевича на крепостное право, на освобождение крестьян? Совпадали ли эти взгляды со взглядами В. Стройновского? Да и самый эпизод с книгой В. Стройновского, в сущности, не подвергался исследованию; не уточнен смысл книги, не уяснены взаимоотношения автора и переводчика; факты лишь констатировались. В результате вся эта история оставалась только случайным эпизодом и факты эти, действительно, легко было игнорировать — особенно тем, кому они не подходили.

Сопоставим освещение эпизода с книгой В. Стройновского на протяжении 60-ти лет — у В. И. Семевского, С. А. Венгерова и Н. В. Здобнова.

В доньне сохранившей свое значение работе «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» В. И. Семевский заинтересовался Анастасевичем, понятно, лишь между прочим — но для нас важно и то, что сказано им об Анастасевиче, и то, что сказано (очень подробно) о книге в целом.

Разбирая печатные произведения, посвященные крестьянскому вопросу в первой половине царствования Александра I, В. И. Семевский писал: «Чувствовалась... настоятельная потребность в трудах, где было бы подробно объяснено, какого рода изменения желательны в отношениях крестьян к помещикам и как их можно осуществить. Такою целью задался гр. Стройновский, сочинение которого «О условиях помещиков с крестьянами»

О УСЛОВІЯХЪ
ПОМѢЩИКОВЪ СЪ КРЕСТЬЯНАМИ

сочиненіе

ГРАФА ВАЛЕРІАНА СТРЕМБЪНЪ
СТРОЙНОВСКАГО

*Графства Гороховскаго Помѣщика
и Польскихъ орденовъ бѣлаго орла
и св. Станислава Кавалера.*

Перевелъ съ Польскаго

В. Анастасевичъ.

ВЪ ВИЛЬНѢ

Въ Типографіи Іосифа Завадскаго.

— 1809.

Рис. 2. Титульный лист книги В. Стройновского

вышло в свет в Вильне в 1808 г.; в следующем году там же был напечатан и русский перевод этой книги; но доступным публике он сделался позднее, лишь в 1811 году. Переводчик, известный библиограф Анастасевич, в своем предисловии говорит, что «хороший хозяин со вниманием вникнет в мысль сочинителя». Далее В. И. Семевский подробно излагает содержание книги и подводит итог: «Таким образом, Стройновский рекомендует личное, безземельное освобождение крестьян и затем предоставляет заключение договора взаимному согласию обеих сторон. Он думает, будто собственный расчет заставит помещиков предложить крестьянам справедливые условия. .... Каковы бы ни были недостатки книги Стройновского, — писал В. И. Семевский, — издание ее на русском языке было, все-таки, не бесполезно. Из нее читатель мог почерпнуть некоторые исторические сведения о рабстве и его постепенном уничтожении на Западе, о быте крестьян в других местностях Европы, он мог встретить там несколько довольно сильных нападений на крепостное право, указание на экономический вред рабства ... , наконец, требование улучшения быта крестьян». В. И. Семевский высказывает сожаление, что переводчик не попробовал обсудить советы Стройновского в применении к собственно русским губерниям, но тут же оговаривается: «по тогдашним цензурным условиям это было бы, вероятно, невозможно. Мы скоро увидим, что и простой перевод возбудил негодование в крепостниках»¹.

Затем В. И. Семевский рассказывает о попытках запретить книгу, изъять ее из продажи, и приводит несколько цитат из писем попечителя Московского учебного округа П. И. Голенищева-Кутузова А. К. Разумовскому, например: «О книге, негодным поляком писанной, я скажу, что я готов и государю сказать, что все благомыслящие люди говорят: эта книга — набат, зловредная и терпима быть не могущая»; «здесь [то есть в Москве] добрые люди говорят, что и автора и переводчика надобно бы повесить, ибо это зажигатели и враги отечества»; «я в духе моем русский дворянин и уверен в том, что поляки книгу свою выдали с самым злым намерением возмутить целое государство. Зачнется с того, что всех дворян передавят,

а там и более сделают. Вот плоды, коих ждут Стройновские и Анастасевичи».²

Наконец, В. И. Семевский детально рассматривает возражения на книгу Стройновского, вышедшие «из среды консерваторов» (В. М. Волконского, Ф. В. Ростопчина, В. С. Попова), упоминает о возражении О. А. Поздеева.

В другой своей работе В. И. Семевский высказал предположение о влиянии, через книгу Стройновского, «польских идей в крестьянском вопросе» на деятелей тайных обществ³.

С. А. Венгеров добавил к данным В. И. Семевского сведения (известные еще по труду М. И. Сухомлинова) о предложении Анастасевичу со стороны Сперанского подать в отставку, что не осуществилось благодаря падению самого Сперанского. В освещение же интересующего нас эпизода С. А. Венгеров внес эмоциональные, восторженные ноты. «Книга Стройновского, — писал он, — горячо доказывала необходимость освобождения крестьян... Рассматриваемая с точки зрения современной общественной морали, берущей на себя заботу не только о личной свободе низших классов, но и о материальном благосостоянии их, книга Стройновского может вызвать сильные возражения, потому что она говорит по преимуществу о безземельном освобождении крестьян. Но по времени своего напечатания книга Стройновского была явлением высоко-замечательным и перевод такой книги, к тому же еще снабженный сочувственным предисловием, был прямо общественным подвигом. Что это именно был подвиг, лучше всего доказывается тем, что Сперанский предложил переводчику оставить службу и что в крепостнических кругах поднялся шум невероятный». Дальше идет ссылка на В. И. Семевского и воспроизведение тирады Голенищева-Кутузова об авторе и переводчике, которых надо бы повесить⁴.

Н. В. Здобнов, в специальной главе об Анастасевиче, давая его общую характеристику, по вопросу об отношении Анастасевича к крепостному праву ограничился следующим: «Он знал шесть языков и много занимался переводами на русский язык художественной и социаль-

но-экономической литературы. Между прочим ему принадлежит перевод с польского языка книги графа В. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами» (1809 г.). Издание перевода этой книги вызвало сильный шум в крепостнических кругах. Попечитель Московского учебного округа, граф П. И. Голенищев-Кутузов писал и т. д.⁵. О предисловии Анастасевича Н. В. Здобнов даже не упомянул.

Вывод об Анастасевиче как противнике крепостного права, однако, никак не вытекает из того, что между прочими переводами Анастасевич однажды перевел книгу Стройновского, какой бы прогрессивной она ни была, а тем более, что даже сделанный В. И. Семевским разбор книги об особой ее прогрессивности вовсе не свидетельствует. «Общественный подвиг» Анастасевича всем этим — даже шумом, поднятым крайними крепостниками, даже предложением Сперанского — никак не был доказан. Вот почему всю эту историю так легко было отбросить тем, чьим утверждениям она противоречила.

Очевидно, чтобы можно было судить об отношении Анастасевича к крепостному праву, необходимо и самый эпизод с переводом книги Стройновского рассмотреть пристальнее, и вообще выйти за его рамки.

Задача преодоления относительной отсталости России и крестьянский вопрос были неразрывно слиты в этот период русской истории. Поэтому общественная роль любого деятеля эпохи, его прогрессивная или реакционная роль определяется прежде всего (хотя и не единственно) тем, как он относился к крепостному праву — центральной проблеме русской действительности.

Аргументация «высокой замечательности» книги Стройновского впечатлением, которое она произвела «в крепостнических кругах» (или «в лагере консерваторов», говоря словами В. И. Семевского, которого, в сущности, только и повторяют), мало убедительна. Общеизвестно указание В. И. Ленина, сделанное им в связи с оценкой реформы 1861 г.: «Пресловутая борьба либералов с крепостниками, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов,

большую частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*».⁶ Это указание Ленина имеет важнейшее методологическое значение и для рассматриваемой нами эпохи. Указание это не дает, конечно, права полностью отождествлять либералов и реакционных крепостников ни в шестидесятые годы, ни в начале века. И все же, учитывая особенности общественной ситуации десятилетия годов, мы можем сказать, что обычное противопоставление сановников — реформаторов и ярых крепостников отражает не больше, чем разницу во взглядах на способы укрепления помещичьей власти. Только идя на поводу либеральных традиций в историографии можно видеть консерваторов лишь в наиболее оголтелых крепостниках, не разбиравшихся в политике даже с точки зрения своих классовых интересов — а ведь именно они то и подняли шум о книге Стройновского. Но, как мы можем убедиться, позиция Стройновского от позиции крайне крепостнической отличалась не столь уж значительно — скорее по форме, чем по существу.

Для Голенищева-Кутузова, цитаты из писем которого особенно излюблены писавшими об этом эпизоде, даже Карамзин, как известно, был революционером и якобинцем. Голенищев-Кутузов, в качестве доводов и против Стройновского и против Карамзина, писал, что Карамзин превозносит книгу Стройновского и что в кругу Карамзина ее читают с восхищением. Мы не знаем отзывов Карамзина, но знаем, что другая книга Стройновского действительно вызвала одобрение И. И. Дмитриева в письме к Карамзину. Голенищев-Кутузов вынужден был через год с лишним сам признать, что на его истошные вопли так и не обратили внимания, а Стройновский идет в гору. В декабре 1812 г. Голенищев-Кутузов писал тому же Разумовскому: «Наполеоновы прокламации о вольности доказывают ясно, что Стройновский своей книгою и был предтеча злодея Наполеона, готовил ему путь и подкладывал огонь. Сей Стройновский, обличивший себя толь явно агентом и орудием Наполеоновым, остается не только в поксе, но посажен в Межевой департамент [Сената], даны ему столовые деньги, лента и пр. А меня оскорбляют и мучат...» А против В. С. Попова, утверждав-

шего, что «<...> чтение появившейся ныне книги о вольности крестьян произвело во мне ужасные воображения», в защиту Стройновского выступил сам Александр. В письме к Попову Александр категорически заявил: «Писание ваше нахожу я совершенно излишним: позвольте мне думать, что я столько же умею понимать вещи, как и вы. В упоминаемой книге ничего похожего всем вашим опасениям я не нашел». И если подчеркивать шум, поднятый крайними крепостниками, то почему же не подчеркнуть, что книга все же запрещена не была, и что Стройновский был сделан сенатором? Кстати, современники считали, что он сделан сенатором именно за эту книгу (см. письмо И. М. Лонгинова С. Р. Воронцову) ⁷.

С другой стороны, совершенно безосновательна гипотеза В. И. Семева о значении книги Стройновского в развитии взглядов декабристов на разрешение аграрного вопроса. Единственное упоминание декабристами — вернее, будущими декабристами — этой книги мы находим в дневнике Н. И. Тургенева за 1812 г., в его разборе одного из ходивших по рукам рукописных возражений Стройновскому: «Прочел возражение Рост<опчина> против Стройн<овского>. На первой странице увидел уже я, что Р. не знает дела и мыслит, при улучшении состояния полезнейшего класса народа в государстве, о свободе и независимости, которые были проповедываемы властолюбивыми республиканцами и энтузиастами-философами. Далее плохо и безрассудно думает он о благосостоянии России, воображая, что оно основано на рабстве. Плохо и доказывает благоденствие наше примерами бедности нищих других народов. Клепает на Стр., приписывая ему виды и намерения, которых ему приписывать он не имеет права и причины. Конечно, предложение Стр. чрез попов уверить народ в правилах свободы и собственности [§ 28 книги] смешно, но не более. Ложно заключает о выгодах рабства, приводя в пример новейшие несчастья поляков. Есть ли я беден, то я не могу утешаться тем, что есть люди еще меня беднее, и потому стараться оставаться в бедности, а не пещись об улучшении моего состояния». При всей ненависти Н. И. Тургенева к крепостному праву, методы разреше-

ния аграрного вопроса, мыслимые им, были весьма умеренны по сравнению со многими другими декабристами. Поэтому даже сочувствие книге Стройновского не давало бы еще достаточного материала для суждения об отношении к ней со стороны декабристов. Но в записи Тургенева вовсе нет оснований видеть благожелательное отношение к содержанию самой книги. Он убежденно критикует вышедшее из крайнего крепостнического лагеря возражение Стройновскому — однако защищает лишь самые общие положения о вольности и рабстве, а единственное, что сказано о Стройновском — это то, что одно из его предложений смешно. Ту же крепостническую критику высмеял Тургенев в «Опыте теории налогов»: «Если последним [защитникам крепостного права] говорено было о необходимости постепенного дарования крестьянам некоторых личных прав, если говорено было о необходимости постепенного ограничения власти помещиков, которая в действиях своих часто бывает противна религии и человечеству, то они делали восклицания против царства разума во Франции». Но и это не свидетельствует о том, что Тургенев придавал какое-то серьезное значение положительным доводам Стройновского.

Замечания Ростопчина на книгу Стройновского послужили также впоследствии поводом для В. Ф. Раевского написать «Рассуждение о рабстве крестьян <...>». Здесь уже вообще нет никакого упоминания о самом Стройновском и его книге — только возмущение Ростопчиным, защищающим крепостное право.

Ничего больше связанного со Стройновским у декабристов мы не находим⁸.

Книга Стройновского — в ней об этом прямо сказано — была в большой мере связана с указом 1803 г. о свободных хлебопашцах. Указ этот, как известно, требовал обоюдного согласия помещика и крестьян на условия выхода, обставленные к тому же исключительными формальностями и проволочками; никаких пределов требованиям помещиков указ не ставил, хотя и запрещал безземельное освобождение; всевозможные ограничения в применении этого указа, фактическое использование его помещиками для прямой личной выгоды и, как резуль-

тат, совершенно ничтожное количество крестьян, переведенных в разряд свободных хлебопашцев; наконец, дававшая себя знать в правительственной практике тенденция к расширению дворянских прав по указу 1803 г. — все это не позволяет расценивать его ни как серьезную попытку улучшения состояния крестьян, ни как значительную веху на пути ликвидации крепостного права⁹.

Впрочем, крайние крепостники были недовольны даже этим указом. Но рецепты Стройновского сравнительно с указом 1803 г. были еще более консервативны и откровенно-эгоистично должны были служить помещичьим интересам, хотя он много распространялся в своей книге об интересах крестьян и государства. В. И. Семевский, в соответствии со своей народнической позицией, критиковал Стройновского, главным образом, за его пренебрежение общинным крестьянским землевладением и обратил основное внимание на его программу безземельного освобождения; но при этом Семевский совершенно недостаточно оттенил основное практическое предложение Стройновского — о закреплении барщины, а также его советы о размерах этой барщины. Стройновский сам признавал, что крестьянам барщина «противна» и что она «недостойна людей» — тем не менее только в ней видел он «прибыльность» для помещиков¹⁰.

Поэтому ни в коем случае нельзя ставить в один ряд книгу Стройновского с выдающейся книгой И. П. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России», как это сделано в книге К. Аксенова о Северном обществе («И. П. Пнин ... Стройновский ... Кайсаров ... доказывали экономическую невыгодность крепостного права, выступали за отмену крепостного права») ¹¹. Книга Стройновского вовсе не была выступлением за действительную отмену крепостного права; еще в меньшей степени можно сводить смысл книги Пнина к аргументации экономической невыгодности крепостной системы.

Трудно сказать, прав ли был Лонгинов, называя иронически Стройновского «поборником свободы русских крестьян и величайшим тираном крестьян собст-

венных». Предисловие к своей книге Стройновский заканчивал таким обращением к читателям: «Труд сей, имеющий в виду общественное благо, был для меня приятен в той надежде, что он некогда достигнет сей цели. В моих пожилых летах я не могу себе обещать того удовольствия, чтоб мне самому увидеть обоюдные блага миллионов людей, отсюда имеющие возникнуть; но меня утешают уже благое желание и надежды». Но при этом известно, что несмотря на неоднократные упоминания об освобождении своих крестьян Стройновский, владелец многих тысяч душ, так и не перевел их в «свободные хлебопашцы». В апреле 1812 г. он, действительно, предоставил личную свободу 7213 крестьянам, без права переселения и с обязанностью барщины в течение 30 лет; однако, когда в 1814 г. потребовалось оформить этот шаг (для чего надо было подтвердить согласие со стороны крестьян), Стройновский своего проекта не осуществил. Видимо, перспективы, открывавшиеся для крестьян в его «условиях», никак их не соблазнили¹².

Но чем же, все-таки, при этой, как видим, очень скромной постановке вопроса об освобождении крестьян столь разгневал крепостников перевод книги Стройновского?

§ 2.

Как уже было сказано, перевод вышел в свет с предисловием. Оно озаглавлено «От переводившего».

В передаче В. И. Семевского получалось, будто основным содержанием предисловия Анастасевича было обращение к здравому смыслу помещиков, «хороших хозяев». Между тем вовсе не это было центральным в предисловии: «Многим покажется — начинал Анастасевич — предмет, как и самое название сей книги, новым, а иным смелым, и всяк будет судить о том и о другом относительно к своим чувствам и познаниям. Благоразумный друг людей взглянет на цель ее с умилением и пожелает счастливого достижения». Как видим, первым из адресатов книги назван «друг людей» и раньше всего речь идет не о хозяйственном расчете, а об «умилении». «Хороший хо-

зьяин—продолжал действительно. Анастасевич — вникнет со вниманием в мысли сочинителя, написавшего ее после долговременного и великого испытания, а не по одним мечтаниям и мысленным в комнате расчетам. Он свесит пользу свою на весах собственной опытности и последует за ее склонением. Знающий же отечественную историю удобно припомнит, что желание свободы крестьян в России, мимоходом здесь [т. е. у Стройновского] упомянутое, если бы когда либо и вовсе исполнилось, было бы только возвращением им того блага, коим они вообще наслаждались не слишком в давние времена, то есть менее 200 лет»¹³.

Центральной темой предисловия и оказывается историческое обоснование желания крестьянам свободы. «Я заблагорассудил — пишет Анастасевич — поместить здесь о прежнем вольном состоянии крестьян в России выписку из «Древней Российской Вивлиофики» более для тех, коим не случилось вникнуть в сие огромное хранилище драгоценных памятников любезного нашего отечества, и в самой древности гордящегося такими примерами, коим теперь удивляются только в просвещеннейших народах по большей части те, кои стараются лучше знать даже самые мелочи в чужих краях, нежели в своем Отечестве главное его основание»¹⁴. В. И. Семевский напрасно сокрушался, что переводчик книги Стройновского не попробовал обсудить его советов применительно к собственно России— Анастасевич именно это и сделал: своим предисловием он пытался дополнить Стройновского, дополнить обоснованием права русских крестьян на свободу. В сущности, он даже полемизировал со Стройновским, подчеркивая, что тот, уделив в своей книге значительное внимание истории западноевропейского крестьянства, ни слова не сказал о русском. Впоследствии, в ходе конфликта, возникшего между Анастасевичем и Стройновским, Анастасевич намекал на эту свою полемику. Именно в связи с интересующим нас предисловием он так отстаивал право переводчика давать дополнения к своим переводам: «Такое известие обыкновенно, когда хотят, присовокупляют к своим переводам все издающие их в свет, и даже

объясняют их собственными примечаниями, часто с опровержением мыслей самого автора»¹⁵.

Собственно предисловие Анастасевича на этом и заканчивается. Далее следует, свыше чем на 20 страницах, выписка из «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова, из статьи «Холопи и крестьяне». Содержание выписки — доказательство насильственного прикрепления крестьян к земле в XVI в. и того, что прикрепление, произведенное из экономических соображений, не давало помещикам никаких прав рассматривать крестьян как свою собственность. В несколько более смягченной форме Анастасевич, таким образом, осуществил то, что пытался сделать И. П. Пнин в своих добавлениях ко второму изданию «Опыта о просвещении относительно к России», т. е. обосновать историческими свидетельствами право русских крестьян на свободу. Известно, что второе издание его книги было запрещено к печати — главным образом, за эти добавления. Добавления Пнина увидели свет лишь в 1934 г.

Но выписка из «Вивлиофики» сделана была Анастасевичем далеко не механически. В своем предисловии он писал, что помещает эту выписку «более для тех, коим не случилось вникнуть в сие огромное хранилище драгоценных памятников». Это его объяснение — просто тактический ход. Сравнительный анализ текста показывает, что Анастасевичем была проделана обдуманная редакционная работа. Помимо стилистической правки, не имеющей принципиального значения, он произвел в статье значительные сокращения, свидетельствующие о четкой целенаправленности этой его редакционной работы.

В статье «Холопи и крестьяне» ряд страниц был посвящен объяснению причин, заставивших правительство отменить право перехода крестьян. На этих страницах так много и красноречиво сказано о смутах и мятежах, бывших результатом права перехода, приведено столько примеров необузданности «черни», когда она «выходила из подчиненности», что объективно прикрепление крестьян не столько объяснялось, сколько оправдывалось. Да автор статьи так даже и формулировал: «Между тем,

прибавим мы к вышеозначенным причинам и еще несколько, которые столько же оправдывают правительство в ограничении вольности»¹⁶.

Анастасевич сводит десяток страниц к двум с небольшим, исключает все примеры, сухо и деловито формулирует основные причины, по которым действовало правительство, не ставя вопроса о его оправдании.

Нас не может слишком интересовать правильность или ошибочность исторических воззрений Анастасевича. Концепция возникновения крепостного права, из которой исходил Анастасевич, принадлежала И. Н. Болтину и, как известно, влияла на русскую историографию в течение многих десятилетий. Но переделывая текст статьи, Анастасевич и не заботился о той или иной трактовке исторических событий — речь шла о современности. Подлинный смысл этого сокращения становится ясен в свете других, на первый взгляд мелких, в действительности же очень существенных изменений текста.

Начиная изложение причин, побудивших правительство к запрещению перехода крестьян, автор статьи риторически спрашивал: «Но не было ли причин со стороны правительства, понудивших в начале ограничить право вольности?» И далее излагал эти причины. Анастасевич радикально переделывает эту фразу: «Важнейшие причины, побудившие правительство в тогдашнее время ограничить право вольности крестьян и холопей, а потом и укрепить их помещикам привязанием к землям их *полагаются* (курсив наш. — М. Б.) следующие».

Утверждая, что лишь просвещенный народ может разумно воспользоваться вольностью, автор статьи прибавлял: «каковые причины остаются еще и поныне». В этой фразе, как и в приведении следом за ней подкрепляющей цитаты из И. Н. Болтина, сказалась ограниченность дворянского просветительства. Текст Анастасевича в данном месте полностью соответствует «Вивлиофике» — только слова «каковые причины остаются еще и поныне» и цитата из Болтина исключены. Иначе говоря, Анастасевич отказывается считать, подобно автору статьи «Холопы и крестьяне», будто «и поныне» вольности народа должно предшествовать его просвещение.

Вовсе исключены Анастасевичем страницы, — построенные на цитатах из того же Болтина, — где успехи западно-европейского земледелия объясняются попечением правительств, а не тем, что «вольность крестьян ... довела хлебопашество до совершенства», как «скажет кто».

Наконец, примечательно иное использование Анастасевичем приводимой в «Вивлиофике» цитаты из Ж. -Ж. Руссо. В «Древней российской вивлиофике», в целиком исключенном Анастасевичем разделе о чреватой опасностями вольности непросвещенных, «грубых сих людей», последний пример — «нынешняя Франция» — заканчивался словами Руссо: «Свобода есть прекрасная пища, но требуется хороший желудок, чтоб ее сварить, а его то не все люди имеют». Закрывая пример о французской революции и перекликаясь с приведенной выше фразой «каковые причины остаются еще и поныне», цитата из Руссо служила в статье подтверждением опасности злоупотребления свободой — и в прошлом, и в настоящем. Анастасевич, отбрасывая последние слова («а его то не все люди имеют»), помещает цитату в другое место и тем самым, по смыслу всего контекста, ограничивает ее значение прошлым.¹⁷

Мы видим, что редактируя текст «Древней российской вивлиофики», Анастасевич тщательно исключал все, что мешало постановке вопроса об освобождении крестьян, перестраивал текст потому, что точка зрения автора статьи — сначала просвещение, а затем уже освобождение — противоречила идейной задаче его предисловия.

Таким образом смысл прибавлений Анастасевича к переводу — его собственных страниц и отредактированной им выписки — в усилении политического звучания книги, можно даже сказать — в попытке превращения практических хозяйственных советов Стройновского в политический памфлет.

Негодование крепостников и вызвано было, в первую очередь, этими прибавлениями Анастасевича.

В письме к Анастасевичу 27 января 1814 г. Евгений Болховитинов писал: «Благодарю за известие об источнике вашего предисловия к книге Стройновского. Оно то и взбунтовало наших дворян».¹⁸

Но, быть может, Болховитинов ошибался или, по крайней мере, очень преувеличивал?

Оказывается, действительно, острие всех возражений на книгу Стройновского было направлено главным образом против предисловия и, в частности, против выписки из «Вивлиофики».

Так, В. С. Попов писал в своем письме Александру I: «В России не созрели еще умы к восприятию лестного, но и опасного дара вольности: умствования о ней воспалительны, а следствия злоупотребления ею могут быть ужасны . . . Истина историческая! *неоспоримо, что крестьяне в России за двести лет были вольны* (курсив наш. — М. Б.), но что тогда в ней происходило?» Это, в сущности, единственное возражение Попова относится именно к предисловию.

Так, В. М. Волконский почти не касался предложений и вовсе не касался расчетов Стройновского, хотя и упомянул о них в начале своего возражения. Его основные доводы — плачевные результаты «царствия разума» во Франции и убеждение, что «не крепостное состояние крестьян наших и лишение их свободы переходить с места на место, а, напротив, неограниченная свобода расселяться . . .» — вот причина отставания экономики России. Но Стройновский решительно ничего не говорил о лишении русских крестьян права перехода. Все последующие конкретные возражения Волконского также относятся к страницам Анастасевича и «Вивлиофики». Лишь издевка над параграфом 28, над которым смеялся и Н. И. Тургенев, да сравнения с Италией относятся к тексту самого Стройновского.

В архиве Института русской литературы Академии Наук СССР хранится неопубликованный и неизвестный до сих пор современный отклик на книгу Стройновского. Отклик этот свидетельствует, что читатели понимали: критики Стройновского по существу в крепостнических выступлениях нет. Написанное «от берегов Волги» в форме письма к другу в Петербург, в марте 1812 г., возражение на возражение Волконского представляет поэтому определенный интерес. Неизвестный нам автор — деревенский житель, как он себя называет — не видит в рас-

суждениях Волконского ничего, кроме «насмешек и укоризн в лицо Стройновского», упреков Польше и полякам, порицаний умствователей XVIII в. Вместо того, чтобы разобрать задачу: «может ли дворянство с выгодой для себя удерживать над крестьянами своими право собственности», Волконский, по мнению автора письма, смущает Россию постыдными расколами и вызывает вражду между русскими и поляками.

Только Ростопчин останавливается подробнее на некоторых предложениях и расчетах Стройновского (не случайно, поэтому, его возражение и сравнительно более сдержанно). В общих же рассуждениях Ростопчина основной пафос направлен против изображения вольности как естественного состояния человека, против исторических доказательств блага вольности русских крестьян. Хотя, правда, и Стройновский в одном месте, вскользь, писал о «природной личной вольности», но Ростопчин явно имеет в виду страницы предисловия, нападая на Ж.—Ж. Руссо, цитируемого в «Вивлиофике», и на конкретные примеры, приведенные в тексте самого Анастасевича и в выписке.

В архиве Института русской литературы находится еще один неизвестный отклик на книгу Стройновского. Отклик этот ярко иллюстрирует различное впечатление, которое производили на читателей предисловие Анастасевича (вместе с немногими первыми, декларативными страницами самого Стройновского) и основное содержание книги.

В большом послании другу какого-то помещика, датированном маем 1812 г. и посвященном этой книге, сказано, в частности: «Книга сия при первой встрече взбесила меня до крайности... Переводивший заблагорассудил отрекомендовать ее резкими, острыми и самыми уморительными выражениями на лица наших помещиков. В 3-х первых главах самого сочинения [32 страницы из 280.— М. Б.] смелые и разнузданные черты о свободе крестьян наполнили душу мою такою досадою, таким негодованием и даже презрением, что я, вышед совершенно из терпения, оставил дальние статьи той книги, и отверг сердцем сие, как мне казалось, адское к нам послание... Взвол-

нованный ум, взволнованные мысли мои представляли мне повседневно ужасные бедствия, изготовляемые отечеству нашему общим развращением крестьян наших» Далее в письме рассказано, что под впечатлением прихода к автору его зажиточных крестьян, занимающихся перевозкой товаров за границу, и просивших отпустить их на волю на таких условиях, которые будут им обоюдно выгодны, автор внимательно прочитал всю книгу Стройновского до конца. Тогда он обнаружил, что совершенно напрасно поносил Стройновского, который вовсе не враг отечеству, что его мысли очень здравы и соответствуют видам правительства, полезны для помещиков и т. д. После длинных рассуждений на тему об отношениях между землей, ее владельцами и ее «возделывателями», автор письма убеждает своего друга вникнуть «в настоящее содержание средств, изысканных гр. Стройновским в примирении прав владельцев с правами земледельцев и с общими правами правительства»¹⁹.

Уже когда всякие разговоры о запрещении книги прекратились, Виленскому университету все же пришлось долго оправдываться перед министром народного просвещения за ее пропуск, причем в центре внимания Разумовского были именно прибавления против оригинала, сделанные при переводе²⁰.

Но наиболее показательный материал дает нам сам Стройновский.

Через несколько лет, в 1819 г., в своих объяснениях по поводу жалобы на него Анастасевича по другому поводу (на этом очень выразительном конфликте мы еще остановимся в дальнейшем) Стройновский писал петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу о русском издании книги «О условиях помещиков с крестьянами»: «А-ичь, для получения большей пользы от продажи книжек сего сочинения, прибавил к оным свое предисловие, какового в подлиннике моего сочинения на польском языке не было и каковое в представленных им мне книжках не находилось, и выставил оное как бы мое, не известив, что есть добавка его выдумки. Предисловие сие заключало в себе не только строгую критику против рос<сийского> дворянства, но и ругательства выдуман-

ными укоризнами. Угадал он, Анч, что чрез то книжки его удобнее пойдут в продажу, ибо в 3 дни продал все экземпляры; выкупили оные более всех крестьяне графов Шереметева и Орлова, и напоследок не более 10 листов печатных, в сей книжке заключающихся, продавал по 25 рублей. Распространенные сии книжки с столь неприличным предисловием сделали справедливое нареkanie и неудовольствие в публике, ко мне же возродили вражду и неудовольствие, кои я чувствовал, и сносить был принужден. Сносил же сие неудовольствие для охранения Ан-ча от дальнейшего преследования. Ибо он хоть только мнимый [?] переводчик, удален был тогда же от занимаемой им должности и, пришед ко мне, со слезами жаловался на свое несчастье, предвещающая для него еще дальнейшее то, что ему велено будет выехать из Спбурга, почему и просил меня не объявлять, что он сам есть сочинитель предисловия, к моему сочинению приложенного и возродившего неудовольствие публики. Я, быв руководствуем единственно сожалением, не только умолчал о сем его преступлении, но старался помочь ему <нрзб.> он после удаления от службы. Молчал я поныне и не объявлял о таком поступке Г. Ан-ча, что он фальшиво к переведенному моему сочинению добавил свое невольное предисловие и выставил оное моим без моего о нем сведения; что им обманул публику и навел на меня неудовольствие оной; что обманул обе цензуры, ибо такового его предисловия сим не показывал, приобщил после к сочинению, а потому обманул таким образом и полицию»²¹.

Грубое извращение Стройновским фактов (например, будто бы предисловие было напечатано, как принадлежащее Стройновскому) свидетельствует, конечно, о его неблагоприятной роли в конфликте с Анастасевичем. Но в данной связи для нас важно другое — свидетельство самого Стройновского о роли предисловия Анастасевича к его книге. Не столько перевод книги на русский язык — конечно, и это имело значение — но, главное, опубликование предисловия Анастасевича, поднимавшего общие вопросы свободы крестьян — вот что было истинной причиной того, как встретили книгу. Не удивительно, что в сен-

тябре 1811 г., как видно из дневника Анастасевича, в Петербурге циркулировали слухи об его аресте.

Эти же общие вопросы, подчеркивание права русских крестьян на свободу, обусловили восторженный прием книги со стороны превращавшейся в буржуазию зажиточного оброчного крестьянства.

В результате всего изложенного можно утверждать, что сознательный и прогрессивный характер общественно-го выступления Анастасевича не подлежит сомнению; роль Анастасевича была значительно серьезнее, чем просто переводчика; и хотя инициатива перевода и самого издания книги В. Стройновского принадлежала не Анастасевичу, а брату В. Стройновского, Иерониму, Анастасевич отнесся к этому изданию не как к случайной литературной работе, а как к возможности пропаганды своих взглядов.

Прибавления Анастасевича к переводу позволяют судить не только о том, что он повторил — и осуществил — попытку Пнина, но и о том, что в 1809 г. позиция Анастасевича по вопросу об освобождении крестьян не отличалась, по существу, от позиции поздних русских просветителей, группировавшихся вокруг Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

Но между этими позициями есть существенное расхождение.

Для Пнина, скажем, основное в вопросе об освобождении крестьян — человеческое достоинство. «Снять оковы с народа, возвратить людей человечеству, граждан государству есть такое благодаяние, которое делает царей бессмертными, уподобляет их божеству и налагает дань благодарности на потомство...» — писал он в «Опыте о просвещении относительно к России». И он обращается к Александру I: «Исправить сие зло и возвратить земледельцу его достоинство состоит во власти правительства». Для Анастасевича основное — в материальной стороне этого же человеческого достоинства. В июне 1810 г. он записывает в путевом дневнике, проезжая по Псковской губернии: «В отношении к хозяйственной части и устройению поселян сколь видна крайняя незначительность правительства. Избы бедны, дурно и даже противно зрению

построенные. Одно слово могло бы сохранить по одной сей части здоровье и жизнь многих семей. Дай им свободу... Они гораздо более тогда позаботятся о себе и бережении себя для себя — но теперь... они не дорожат чужим добром»²².

§ 3.

С переводом книги В. Стройновского связано еще одно печатное выступление Анастасевича. Выступлению этому была посвящена статья Н. К. Замкова «Иван Иванович Варакин, поэт — крепостной конца XVIII и начала XIX века»²³. Материалы, опубликованные Н. К. Замковым, представляют несомненный интерес и необходимо о них напомнить — кое в чем дополнив работу Н. К. Замкова, по существу же с ним не соглашаясь.

Крепостная интеллигенция конца XVIII — начала XIX в. была далеко не однородной социальной группой. И. И. Варакин — характерный представитель той ее части, которая выделялась из верхушечного слоя крепостного крестьянства, образуя своего рода раннюю буржуазную интеллигенцию. Отец Варакина свыше пятидесяти лет управлял обширными имениями князей Голицыных в Пермской губернии и принял активное участие в борьбе с войсками Пугачева. Из скупых строк автобиографической записки самого И. И. Варакина (записка эта была передана им Анастасевичу в связи с хлопотами по освобождению Варакина от крепостной зависимости)²⁴ явно проступает образ талантливого и изобретательного человека, остро чувствовавшего свое состояние крепостного. «О даровании ему свободы на остаток жизни — писал Варакин о себе в третьем лице — многие господа упрасивали его князей — Александра и Сергея Михайловичев Голицыных <...> но господа его непреклонны, хотя уже семь лет он странствует по плакатным пашпортам; некоторые из добродушных давали за него выкуп до 12 тысяч рублей, только бы, доставя ему свободу, доставить и государству полезного гражданина; господа его и на то не согласились». Сознанием собственного достоинства дышат слова Варакина: «Сей старец Ютец

Варакина] жив еще и поднесь, имеет одного вышеупомянутого сына, и оба томятся под игом рабства; так погибают у нас в безвестности полезные сыны Отечества»²⁵. Еще примечательнее слова Варакина в письме к Анастасевичу: «Не мы виновны, что не имеем случая показать в себе Колумбов и Картезиев или Катонов, Сципионов и Суворовых; но виновны сковавшие нас»²⁶.

Совершенно естественно, что потерявший связи с деревней, не заинтересованный в вопросе о земле, оброке и барщине, видимо, довольно состоятельный человек, упорно и тщетно добивавшийся личной свободы, Варакин восторженно встретил книгу Стройновского. Он послал Стройновскому и Анастасевичу благодарность за издание и перевод и посвятил Стройновскому стихи, которые Анастасевич напечатал в номере 16 «Улья» (апрель 1812 г.)*.

Стихи были очень сильно переделаны Анастасевичем. Н. К. Замков увидел в этой переделке лишь осторожность, старание выкинуть везде имя Стройновского.

Осторожность здесь, конечно, была, но была и другая причина, более глубокая. Отсутствие конкретного имени усиливало идейный смысл стихотворения; вся переделка носит совершенно очевидный идеологический характер и отнюдь не ограничена исключением имени Стройновского.

Начнем с того, что в самом заглавии Анастасевич подчеркивает этот идейный смысл, применяя характерную для просветительства начала XIX в. фразеологию. Вместо заглавия Варакина «Стихи на случай издания книги ... мудрым графом Стройновским» стихотворение названо «Другу людей В. С.»** Вспомним первого адресата книги, согласно предисловию Анастасевича — «благоразумный друг людей». Замена адресата сопровождается переводом стихотворения из морального плана в общественный. Понятие «права природного» пронизывает всю переделку.

---

* О журнал «Улей» см. следующую главу.

** Ниже, в цитатах курсив наш.

Приведем один пример. Вместо строк Варакина:

Твое в них имя воспаряет
И с мудрыми да станет в ряд!
Превзойдет многих, воссияет
Среди блаженства и отрад.
Изрек ты истину неложну!
Гордыню обличил безбожну

Анастасевич пишет:

Твой дух превыше воспаряя,
Стал в первом с мудрыми рядом,
Ты *глас природы* повторяя,
Прав чад ее открыл чреду
Вещая истину неложну,
Ты *алчность* обличил безбожну.

Анастасевич удаляет наивные царистские иллюзии Варакина и, мобилизуя весь арсенал просветительской фразеологии, не столько переделывает, сколько пишет наново, заменяя, в частности, в одном месте, шесть строк Варакина тридцатью своими.

У Варакина:

Внимай желанию цареви!!!
Уже нет места злобе, гневу
Под сильным скипетром его!
Деспоты!— стали мудры музы
И рабства тягостные узы
С народа снемлют твоего.

Переделка Анастасевича:

Где гнусные бездейства чада:
Надменность, наглость и корысть
Исторгшись из заклепов ада,
Связь обществ нападают грызть;
Где в *общей лестнице нет к нижним*
Вниманья степеням — и к ближним
Не уважается любовь;
Где целолюбия нет тени,
Но, верхней чтоб достичь ступени,
Дол обагрят братня кровь.
Ты рёк, что злу сему виною,
Что губит более народ,
Чем язва, овладев страню —

Невежество, тщеславья плод?
Оно, на случай опираясь,
Идет средь бездн, не озираясь,
На тучи, бременны дождем.
Дождит... на первом скользком шаге
В ближайшем гибель ждет овраге
Слепого путника с вождем.
Ты рёк, и разложив отраву,
Как мудрый врач — противуяд
Открыл *в повиновеньи праву*
Своей родительницы чад.
И тот, кто внял сему совету,
Уже ступил шаг первый к свету;
Ему *содействует закон,*
К нему текут на помощь музы
Расторгнуть предрассудков узы,
Которых лишь боялся он.

У Варакина:

Среди восторгов их чистейших
Несется имя августейших!
Несется — к самым небесам:
«О, Александр! Елисавета!
Державные монархи света:
Вы дали жизнь и благо нам:»

Ликуй, Стройновский! Плод твой спеет;
Монарх к тебе благоволит!
Народ за правду благ радеет
И имя всем твое твердит.

Переделка Анастасевича:

Стеклись, объемлятся, взирают,
Твое лишь имя повторяют,
Ты дал им *цену звать труда.*
Ликуй, *людей друг,* плод твой спеет,
В сердцах признательных созреет,
И в них твоя проявнет мзда.

Наконец, в приводимой ниже переделке Анастасевича несомненны цензурные соображения. Варакин угрожал крепостникам, намекая не то на восстание Пугачева, не то на французскую революцию:

Почувствуют ли те уроки,
Сколь бедства были там жестоки,
Где сильный бедного теснил.

В гробах не уцелели кости.
Где скрыто было имя злости,
Всеобщий вихрь их поглотил,
Но да не узрит, о! Россия!
Ужасных толь и грозных дней;
Законы озарят благие
Твоих возлюбленных детей.

Анастасевич сначала пытался даже усилить политический смысл этих строк; намек на восстание Пугачева здесь уже очевиден. В черновике переделки читаем:

Ты Клии вспомнил нам уроки,
Сколь бедства были там жестоки,
Где в иго обращалась власть,
[Что и в гробах крушились кости]*
Что людоедов, полных злости,
В гробах не уцелели кости.
Всеобщий вихрь их поглотил.
Но ты, блаженная Россия,
Столь грозных дней не узришь вновь,
Когда твои исчадья злые
Свою взаимно лили кровь.

Но, в конце концов, Анастасевич заменяет эти строки значительно более осторожными и туманными:

Ты Клии указал уроки,
Сколь бедства были там жестоки,
Где все преодолагала страсть
Врагов людей — страсть буйства, злости.
В гробах их сокрушились кости, —
И сколь тех стран плачевна часть.

Как бы ни проявилась во всех этих изменениях осторожность Анастасевича, совершенно ясно, что он пытался превратить текст Варакина в стихотворное изложение теории естественного права²⁷.

Неприятности, связанные с переводом и изданием книги В. Стройновского, Н. В. Здобнов назвал «уроком за либерализм», полученным Анастасевичем. Мы видим, однако, что «урок» этот вовсе не парализовал его активности, как следует из утверждений Н. В. Здобнова. Через полгода после событий, сопровождавших выход книги,

---

* Зачеркнуто.

Анастасевич вновь демонстрировал свое отрицательное отношение к крепостному праву — теперь уже непосредственно в своем журнале.

ГЛАВА 3

ЖУРНАЛ АНАСТАСЕВИЧА «УЛЕЙ»

§ 1.

В конце 1810 г. Анастасевич вернулся в Петербург из поездки в Вильно и в Кременец. Чарторьский в Петербург не вернулся. Надо было искать себе нового покровителя.

Покровитель нужен был тем более, что Анастасевич задумал издавать журнал, а средств на это, конечно, у него нехватало.

Мысль о журнале появилась у Анастасевича, вероятно, еще до поездки, так как едва вернувшись в Петербург, он уже ведет подготовку к его изданию. Побывав с Чарторьским в различных городах Виленского учебного округа, Анастасевич мог обеспечить участие в журнале ряда лиц (главным образом, учителей истории и русского языка), заготовить материалы для переводов, получить обещания подписки. К такому заключению можно прийти, зная содержание самого журнала, круг его авторов и подписчиков. Мы не располагаем какими либо документами, относящимися к периоду подготовки издания «Улья», за исключением программы журнала, разосланной в конце 1810 г.¹ Основную задачу журнала, как явствует из этой программы, Анастасевич видел в реализации огромного количества накопившихся у него библиографических и документальных материалов, преимущественно по русской литературе и филологии, по вопросам просвещения, польской культуры и русско-польских связей. Кроме того, Анастасевич еще не расставался с мыслью о поэтическом поприще, как ни очевидна была полная его к этому неспособность. Преобладание в «Улье» его собственных сочинений и переводов, как в прозе, так и в стихах — почти три четверти всего содер-

жания журнала — таким образом, не только явление, вообще характерное для русской журналистики начала XIX века.

В программе «Улья» привлекают внимание три обстоятельства. Во-первых, то, что библиографические опыты Анастасевича («замечания») должны были «быть подражанием или дополнением опытов г. Новикова». Во-вторых, что «исторические отрывки и замечания» он рассматривает, прежде всего, как материал для сопоставления русских и польских источников по древней русской истории и истории Украины. В-третьих, что специальным отделом, посвященным «созерцанию хода просвещения», Анастасевич хотел как бы продолжить «Северный вестник» и конкурировать с «Периодическим сочинением...», отказывавшимся от обобщающих материалов и ограничивавшимся частными сведениями. В программе не была подчеркнута, но современникам была понятна и задача информации о польской литературе — так, говоря об «Улье» в «Библиографических листах», П. И. Кеппен выдвинул на первое место стремление Анастасевича «короче познакомиться соотечественников наших с польскою словесностью, и тем самым подкрепить естественную связь между литературами двух единоплеменных народов». В 1818 г. Анастасевич и сам рассматривал эту задачу журнала как основную.

Но, несмотря на серьезное отношение к журналу со стороны П. И. Кеппена и П. А. Ефремова, на попытки С. А. Венгерова и Н. Колюпанова положительно оценить журнал, несмотря даже на обстоятельную работу Н. К. Замкова с ее выводом: «Изучение содержания «Улья» дает полное право ... признать в «Улье» одно из незаурядных и ценных явлений русской журналистики начала XIX века» — несмотря на все это, доньше, в сущности, имеет силу уничтожающий отзыв Ф. Ф. Вигеля: «Улей, журнал непозволительно безобразный и глупый, как по содержанию своему, так и по наружной форме».²

«Улей» так и остался начисто обойденным в истории русской журналистики.

Выходил «Улей» в 1811—1812 гг. Сам Анастасевич объяснял прекращение «Улья» военными обстоятельства-

ми.³ Справедливо это только отчасти. Конечно, распространение «Улья» преимущественно в губерниях, входивших в состав Виленского учебного округа, было подорвано войной. Да и вообще, как известно, недолговечность существования отличает большинство журналов начала XIX в., а войну 1812 г. смогли пережить лишь немногие периодические издания, главным образом, официальные. Но причина прекращения журнала Анастасевича была глубже.

Нет никаких сомнений, что «Улей», как справедливо писал Н. К. Замков, «с заметным преобладанием польского элемента мог найти признание только в среде польских деятелей и ограниченного круга ученых и литераторов; это сразу же обрекло журнал на малую распространенность».⁴ Кроме того, в «Улье» особенно явственно сказались неумение Анастасевича сосредоточиться на одном предмете, характерный для него постоянный уход в сторону, привлечение частных и случайных сведений «по поводу», что должно было затруднять читателей. И все же, дело было не только в ограниченности круга подписчиков и читателей, в академичности журнала, в его сухости, в том, наконец, что Анастасевич был, по выражению Евгения Болховитинова, «несчастливым издателем».

Анастасевич не ограничился вопросами просвещения, истории, библиографии. Журнал не мог существовать без «словесности». Собственно, «словесность» в «Улье» была немногим хуже словесности ряда журналов начала века. Как оригинальная, так и переводная поэзия и художественная проза журнала в значительной части находилась в русле преромантизма и нередко даже произведения самого издателя были не столь уж архаичны. И тем не менее именно вопросы словесности принесли «Улью», а вместе с тем и Анастасевичу, печальную славу.

На беду Анастасевича материальную помощь ему в издании «Улья» оказал, вне всяких сомнений, пресловутый граф Д. И. Хвостов. Это можно вывести из записных книжек Анастасевича, из писем Хвостова периода «Улья» и из дневника самого Хвостова. За помощь — считал Анастасевич — надо было быть благодарным. Он напечатал в «Улье» более чем сочувственные отзывы о творчест-

У Л Е Й

ПОМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

на 1811 годъ.

№ I.

МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ.

Ament meminisse periti.

ЧАСТЬ I.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цен-
зурнаго Комитета.

Въ С. Петербургѣ.
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи
1811 года.

Рис. 3. Титульный лист журнала В. Г. Анастасевича «Улей»

ве Хвостова (перевод из немецкого журнала и статью Я. М. Лыкошина), список его произведений, составленный самим Хвостовым, и несколько его стихотворений (Хвостов, впрочем, печатался почти во всех журналах, даже в самых передовых — в «Цветнике», «Невском зрителе» и др.).

Результат оказался самым плачевным. Анастасевич попал в сатиру К. Н. Батюшкова и А. Е. Измайлова «Певец в беседе любителей русского слова»:

И с польской лирою своей
Холуй Анастасевич.

Строфа эта была написана Измайловым; в его первоначальном тексте: «и с польской торбою своей». С. А. Венгеров и Н. К. Замков пытались доказать, будто слово «холуй» было только намеком на полонизмы в переводах Анастасевича. Это, конечно, не так. Употребление Анастасевичем этого слова (в смысле «слуги», «челядь») было удачно использовано Измайловым в прямом смысле — холуй Хвостова.

Анастасевич попал также в сатиру А. С. Пушкина, «Тень Фонвизина», в которой Хвостов признавался, что

Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.

Но даже высмеивавшие Анастасевича арзамасцы отделили его, в сущности, от «Беседы», вышучивая, главным образом, его польские интересы (ср.: «Но одни ли славяне гибнут в сей бездне, в ней погрязли и Макаров московский, и Анастасевич польский» — из речи Д. Н. Блудова в «Арзамасе»). Косвенным подтверждением именно этой причины отношения «Арзамаса» к Анастасевичу являются слова Ф. Булгарина в письме его к Иоахиму Лелевелю 11 апреля 1823 г. Оправдываясь в изменениях, внесенных им в критику Лелевеля (при печатании ее в «Северном архиве») «Истории...» Н. М. Карамзина, Булгарин писал: «На мои опасения не обращайтесь внимания, ибо я боюсь, чтобы меня не обвинили в из-

лишнем поляцизме, тогда придется проститься с доверием публики и пасть без восстания, как Анастасевич, который фигурирует в известной сатире Батюшкова «Прочь с музой польскою своею, холоп Анастасевич»⁵.

Здесь уместно отметить, что впоследствии декабристы и близкие им литераторы совершенно иначе отнеслись к «поляцизму» Анастасевича. Умея отделить польскую аристократию от демократической Польши, они, как известно, сами проявляли живейший интерес к польской культуре. И, в частности, «Вольное общество любителей российской словесности» широко предоставляло свою трибуну, а «Соревнователь просвещения и благотворения» — свои страницы для переводов с польского, для сообщений о польской литературе, истории и т. д., в том числе и Анастасевичу.

Тем не менее Анастасевич, с легкой руки Н. И. Греча и Ксенофонта Полевого, вошел в историю русской литературы как шишковист, как сотрудник или же «клевет» «Беседы». Полевой писал об Анастасевиче: «был заклятый славянофил или, лучше сказать, шишковианец, то есть приверженец мнений Шишкова, неизменный член Беседы любителей русского слова» — и это все повторяют. Между тем, Анастасевич не только не был членом «Беседы», но и не посещал ее собраний, никогда не отзывался о ней сочувственно.⁶ Лишь в цитате из предисловия Б. С. Линде к его словарю сохранен сочувственный отзыв о «Рассуждении» Шишкова. Анастасевич даже иронизировал над «Беседой» в своих записных книжках и в «Улье» (см. эпиграммы «Молодой человек» и «Беседы» — № 13 за 1812 г.); весьма возможно, что так же следует понимать ироническую фразу в статье «Что желательно в пользу русского языка»: «Не орудие виновно в произведении какого-либо зла, но тот, кто во зло употребляет. От того-то может быть название Славенофила принято за эпиграмму».⁷

В записных книжках Анастасевича мы также находим иронические отзывы о Российской Академии. Правда, иногда источником этой иронии, видимо, были мысли Хвостова — и в этом нет никакого противоречия. Надо помнить, что Хвостов вовсе не был таким убежденным

беседчиком, как это рисовало старое литературоведение. Будучи безнадежно устарелым в своей поэтической практике, Хвостов в теоретических вопросах и в литературных оценках был значительно шире и, можно сказать, современнее, чем ортодоксальные члены «Беседы»⁸.

Неправ и Б. В. Томашевский, будто Анастасевич «с большой угодливостью исполнял поручения маститых шишковистов, в частности, Хвостова».⁹ Нет решительно никаких данных, подтверждающих услуги Анастасевича кому-либо из шишковистов, кроме Хвостова.

Впрочем, иная и совершенно несходная с «Беседой» позиция журнала явствует из его содержания.

§ 2.

Не останавливаясь на всех статьях, переводах и художественных произведениях, попытаемся характеризовать основное направление «Улья».

Одним из наиболее ценных был отдел «Народное просвещение». Открывался он «Введением», представлявшим, в сущности, изложение «Предварительных правил Министерства народного просвещения»; затем следовали исторический очерк народного образования в России, статистические сведения о числе учебных заведений, учащихся и учащихся и правительственных расходах на образование с 1803 по 1809 г.; наконец — ряд статей по отдельным вопросам образования и воспитания.

Сводка сведений по истории народного образования в России была сделана впервые («Северный вестник» обещал такую сводку, но обещания не выполнил); впоследствии работу Анастасевича продолжил П. И. Кеппен в своих «Материалах для истории просвещения в России». Не говорим уже о том, что в этом очерке Анастасевич активно ратовал за общественное воспитание, подчеркивал его преимущества; что впервые в русской печати он обратил столь серьезное внимание на статистику просвещения, объединил разрозненные материалы «Периодического сочинения» и широко использовал недоступные широкой публике материалы министерских канцелярий; что сведения его далеко выходят за рамки ведомственных

интересов, касаясь всех учебных заведений России. Гораздо существеннее та тенденция, которую очень осторожно — не столько прямыми высказываниями, сколько самими цифрами — проводил Анастасевич.

Не в меньшей мере, чем это имело место в «Северном вестнике», все перечисленные материалы «Улья», на первый взгляд, служили пропаганде просветительной политики правительства, прямому восхвалению российских государей. Однако центр тяжести напечатанных в «Улье» материалов не в этих общих суждениях, а в фактах, цифрах, сведениях. Сведения эти демонстрировали далеко не блестящий, медленный ход успехов народного просвещения, затруднения при реализации «предварительных правил», недостаточность одного бюрократического попечения об образовании. Неудовлетворенность бюрократическими заботами о народном просвещении и стремление привлечь к этому делу общественность — основная идея всего «созерцания хода народного просвещения», как называл Анастасевич эти статьи. Недовольство состоянием русских учебных заведений Анастасевич высказывал и позже, в своих письмах Болховитинову.

Те же идеи о недостаточности бюрократического попечения о просвещении лежат в основе статьи Анастасевича «Мысль о пособии воспитанию юношества», посвященной вопросу об издании учебных пособий. Анастасевич утверждает, что Главное правление училищ не в состоянии справиться с подготовкой учебников и учебных пособий, и, опираясь на польские примеры, предлагает создание для этой цели специального общества из педагогов и ученых. Но нельзя не отметить, что основное внимание Анастасевича уделено переводам, а не созданию оригинальных русских учебников, что являлось в это время насущнейшей задачей. Тем самым по этому вопросу Анастасевич фактически оказывался в плену той же бюрократической концепции.

Некоторое значение имело переведенное Анастасевичем и помещенное в примечании к биографии польского ученого Почобута предисловие к уставу Польской Эдукационной комиссии. Комиссия эта сыграла значительную роль в организации национального государственного об-

разования в Польше периода разделов; деятельность этой комиссии была особенно ощутима в борьбе с иезуитским и другими католическими орденами в области народного образования.

Несколько статей посвящены женскому образованию и воспитанию (оригинальные и переводные). Обращает на себя внимание категорическая постановка вопроса: «все великое дело народного просвещения будет свершено только до половины, пока не будет учреждено столь же систематическое воспитание и для другой, прекрасной половины человеческого рода». Анастасевич ополчается против недооценки способностей женщин к образованию, против неверия в то, что женщина может быть ученой. Статьи в «Улье» об учености «прекрасного пола», так же как предисловие Анастасевича к переведенной им и изданной еще в 1808 г. «Славе прекрасного пола» Легуве, заострены против сентиментальной журналистики; очень характерен выпад Анастасевича в статье на совершенно другую тему, «О повременных изданиях»: «Бывает еще неловкое подлипальство, состоящее в обещании в таковых изданиях особенной статьи во вкусе прекрасного пола; или даже исключительных журналов для милых. Сей поступок, просить за маленький стол, чтоб потчевать лакомством, закусками, конфетами означает желание подсластить глупую приторность посредственности. Сказать об нежчой части своих читателей, что будет приложено старание сообразаться с понятием их, не то же ли, что заключить об них слишком мало, а о себе слишком много. Ум не имеет различия пола».¹⁰

Анастасевич выступает (так же как и в ряде других статей и стихотворений) против увлечения иностранными учителями и воспитателями, которые прививают своим воспитанницам нравы и взгляды, делающие их чуждыми своему отечеству; в частности, Анастасевич пропагандирует организацию подготовки русских учительниц и воспитательниц. Но вместе с тем он подчеркивает, что общественное воспитание, необходимое мужчинам, не подходит для женщин, отстаивает для них воспитание домашнее.

Ряд статей (оригинальных и реферативных, с примечаниями Анастасевича) посвящен вопросам первоначального воспитания. Основная их тенденция — «наилучшее устройство народного просвещения не принесет великой пользы, если будет дурно домашнее воспитание».¹¹ Исключительная роль воспитания, обычные аргументы в духе просветителей XVIII века против предостережений о врожденных способностях; изложение учения Руссо, ссылки на Гельвеция, сочувственное отношение к взглядам и деятельности Песталоцци; ряд здравых практических советов — таково содержание этих статей. Для начала второго десятилетия XIX века все это имело несомненное передовое значение.

Подбор материалов, посвященных вопросам просвещения в Виленском учебном округе, отвечал одной из основных задач Анастасевича — служить делу русско-польского сближения. Поэтому Анастасевич печатал в «Улье», в собственных переводах, лишь такие материалы, в которых подчеркивалась общность исторических судеб России и Польши и давние связи славянских народов.

В том же отделе «Народное просвещение» была помещена примечательная статья Анастасевича, мало привлекавшая до сих пор к себе внимание, «О книгопечатании». Аннотация к ней Г. Н. Геннади была краткая и категорическая: «Общие места о пользе и значении книгопечатания»¹², и за 140 с лишним лет лишь Н. К. Замков уделил ей один абзац. Под невинным заглавием и под флагом усердных похвал цензурному уставу 1804 г., статья Анастасевича представляла собой развернутую и горячую апологию свободы печати и научного исследования.

Цензурный устав 1804 г., несмотря на свои широковещательные параграфы, уже в первые годы действия не препятствовал борьбе правительства с попытками обсуждения актуальных общественных и политических вопросов. Как и в прочих мероприятиях начала александровского царствования, внешний либерализм устава прикрывал широкие возможности охранительной политики. Ко времени появления статьи Анастасевича истинная цена устава уже не вызывала сомнений. Поэтому похвалы уставу 1804 г. на страницах журнала в 1811 г. должны

были восприниматься как недвусмысленное напоминание о невыполненных обещаниях со стороны правительства.

Такое понимание статьи Анастасевича подтверждается, в частности, его письмом Евгению Болховитинову (правда, несколько более поздним, 1814 г.): «Есть много таких слабых умов, что боятся даже рассуждать о том, что по их мнению противно или несходно с законом. И сими правилами руководствуется самая наша столичная цензура, не вникая в смысл божественной статьи устава Александра I, где позволено рассуждать благоразумно к общей пользе <нрзб.> пером. Сии рабские души хотяют своим невежеством показать свое повиновение <нрзб.> В своей статье Анастасевич использует наиболее либерально звучащие параграфы устава не только для того, чтобы доказать, что науки обязаны усовершенствованием лишь свободе тиснения. «Народоправитель, стесняющий оное— пишет Анастасевич — вместо того, чтобы пещись об усовершеннии нравственности и правления, грешит против своего народа». Апеллируя к «просвещенному» народу, раздражаемому несправедливыми унижениями, Анастасевич делает вывод: «Я раздражаюсь только тогда, если меня несправедливо лишают собственности моего имущества, моей жизни и моей свободы. Тогда и раб восстанет против господина, и червь силится защищаться». Такой вывод, конечно, далеко выходил за рамки похвал цензурному уставу 1804 г. В 1811 г., когда уже было учреждено министерство полиции, в функцию которого входила и цензурная ревизия, наблюдение за тем, чтобы не обращались пропущенные цензурой, но противные порядку и спокойствию книги, и особенно строго цензуровались издания по политическим вопросам, Анастасевич напомнил в своей статье о словах профессора К. Германа в «Статистическом журнале» за 1806 г., звучавших в 1811 г. вызовом: «Всякий мыслящий гражданин рассуждает о правительстве. Никто не может его лишить сего права».¹³

Наглядной иллюстрацией к мыслям о свободе печати служит и помещенная в другом отделе статья Анастасевича «О повременных изданиях». Под этим заглавием скрывается очень обстоятельный, и, в отличие от многих других статей Анастасевича, ясный и логически постро-

енный очерк развития английской нравственно-сатирической журналистики. Ее успехи объясняются прежде всего утвердившейся в Англии с середины XVII века «свободой тиснения».

Центральные фигуры очерка — Стиль и Аддисон, которые «были для своего отечества полезнее Марлбурга и кавалера Роберта Вальполя. Они обозначали недостатки, обезображавшие природу и вдохнули добродетели, доставившие государству величие и твердость. Относясь к мыслящим главам, они произвели переворот в умах». Анастасевич никогда не упускал случая подчеркнуть исключительное значение, какое он придавал периодическим изданиям. В данном очерке это ему наиболее удалось. «Обстоятельства, в каких писали первые сочинители сих нравственных изданий, их характер и состояние, давали им право принять со своим народом некоторый тон учительский». В итоге обзора, подходя уже к современности, Анастасевич делает вывод: «Итак, желая открыть какие либо новые виды на нравственные науки, кажется, нельзя приличнее со всех точек зрения избрать себе места, как на поприще периодических изданий». Статья «О повременных изданиях» дает возможность очень ясно представить себе позицию Анастасевича. Он находится целиком во власти просветительского представления: мнения правят миром. Но убеждение в высоком общественном долге журналистики сочетается с ограничением ее, главным образом, морально-нравственной стороной жизни общества — хоть это и противоречит его же статье «О книгопечатании». Призыв к издателям периодических изданий «служить человечеству в самом полезнейшем роде» сочетается с такой — явно одобрительной — характеристикой Стиля: «Он почувствовал, что гораздо лучше избирать читателей, нежели умножать число их: он уклонился от толпы, беседовал только с изящными умами и — остался писателем хорошего общества» (под «хорошим обществом» подразумевались, конечно, не великосветские читатели, а образованные)¹⁴.

Стремление к широкой просветительной работе при активном участии образованных слоев общества; отстаив-

вание воспитания в национальном духе, защита свободы печати и научного исследования; наконец, руководящая роль, отводимая журналистике в достижении «общественного благоденствия» и серьезные требования к ней — все это идеи одного порядка. Нельзя не признать, что материалы «Улья», связанные с вопросами просвещения, отличаются определенной последовательностью.

Этого нельзя сказать по отношению к более общим проблемам — философским, эстетическим. Ссылки на «великих философов» Франции, упоминания о «великих энциклопедистах» и некритическое изложение Канта, классицистические воззрения, идущие от Батте и Лагарпа, и преромантические рассуждения — эклектизм Анастасевича проявился здесь в полной мере. Отдельные замечания политического характера Анастасевич неоднократно высказывал там, где находил предлог; например, в статье «Что желательно в пользу русского языка» мы находим формулировку, близкую появившимся на страницах «Северного вестника»: «Хорошие граждане образуются ясными законами»; в упоминаниях об английской и французской революциях тенденция та же, что была присуща многим русским просветителям начала века, т. е. полное неприятие революции. Однако в программу «Улья» политические вопросы не входили и специального политического отдела в журнале не было.

Отечественная война 1812 г. нашла отражение в двух последних номерах журнала, в двух стихотворениях: в четверостишии, посвященном Кутузову, и в переводном с польского «Воззвании к соотчичам», призывавшем поляков защищать Россию от французских войск.

Многочисленны в «Улье» материалы лингвистического характера. Все это статьи самого Анастасевича. Они интересны заботой о разработке русской научной и технической терминологии, о создании разнообразных словарей, об очищении русского языка от варваризмов и галлицизмов. Но и здесь, как по вопросу об учебной литературе, переводческая работа находится во главе угла. Следует заметить, что отдельные статьи лингвистического характера особенно наглядно иллюстрируют неспособность Анастасевича к столь высоко уважаемой им жур-

нальной деятельности. Так, например, статьи, посвященные «Словарю польского языка» Б. С. Линде, могли заинтересовать буквально лишь несколько человек в России и в Польше, были в полном смысле слова только примечаниями, комментариями к этому «Словарю».

В соответствии с общим направлением журнала, в одном из номеров было напечатано также специальное рассуждение о необходимости для поляков изучения русского языка и русской литературы.

Несомненную ценность для информации русских читателей о польской культуре представляли переводы с польского — обзоры важнейших литературных явлений, в особенности перевод обзора Казимира Хроминьского из «Виленского денника». Один перевод был посвящен чешской литературе.

Значительное место занимает в «Улье» исторический отдел. Весь он объединен, в сущности, одной темой — история древней Руси и Украины. Основное здесь — переводы отрывков из работ польских историков, главным образом из известной книги А. Нарушевича (сочинение А. Нарушевича было переведено Анастасевичем целиком и впоследствии он надеялся издать его при содействии Н. П. Румянцева); а также публикация русских рукописных историй Украины. Материалы, относящиеся к одному и тому же эпизоду, даются, как правило, в сопоставлении; многочисленные примечания Анастасевича свидетельствуют о солидной его эрудиции в области русской и польской истории. Однако такая система печатания всех этих отрывков, несомненно, представляла исключительные трудности для чтения, и все эти исторические материалы, в неменьшей мере, чем лингвистические, могли быть ценны только для специалистов. Представлял ценность перевод большей части работы К. Богуша «О литовском народе».

Для библиографии в «Улье», согласно программе, должен был быть выделен специальный отдел «Био и библиографические замечания или известия о жизни и трудах писателей Российских и Польских». Реально библиографическое содержание журнала было значительно шире. Во-первых, в этом отделе Анастасевич вовсе не ог-

раничился био-библиографическими замечаниями, а помещал там и теоретические статьи; во-вторых, библиография пронизывала и прочие отделы.

Некоторые статьи, посвященные истории, воспитанию, лингвистике представляли собой, в сущности, библиографические обзоры основной литературы по данному вопросу. Таковы, например, статьи «Нечто об истории вообще», «О словарях» (переводная) и др. Много библиографических примечаний встречаем мы при других статьях и даже при некоторых стихотворениях. Особенно насыщены библиографией примечания к переводам из польских историков. Примечания превращались здесь в прямую библиографию вопроса.

Но основное все-таки было сосредоточено в отделе «Био и библиографические замечания». Н. К. Замков характеризовал этот отдел весьма неточно: «Анастасевич поместил в этом отделе — писал он — множество библиографических очерков и статей: о Княжнине, Хераскове, Богдановиче, Сумарокове, Кантемире, гр. Д. И. Хвостове и о многих других русских и иностранных, преимущественно польских, писателях и ученых»¹⁵. Однако, кроме перечисленных Н. К. Замковым имен, в «Улье» даны справки не о «многих» русских писателях, а только о двух: ничем не замечательном члене Российской Академии Г. И. Шиповском (справка написана Хвостовым) и ректоре Харьковского университета И. С. Рижском. Итого — за оба года в журнале были помещены всего лишь восемь очерков и справок о русских деятелях. Нельзя не отметить, что они представляли собой, главным образом, указатели к изданиям сочинений, иногда даже — просто оглавления. Ограниченные перечнем произведений и внешних событий, эти очерки никак и ничем не напоминали «Опыт исторического словаря» Н. И. Новикова. Все же остальные био-библиографические очерки и справки посвящены были польским писателям и ученым. Эти очерки и справки представляли некоторый интерес для польских читателей, так как в большинстве случаев касались деятелей конца XVIII — начала XIX в., о которых в польской библиографии не было еще сведений. Русским же читателям они давали ма-

ло. Правда, ряд значительных явлений в польской литературе Анастасевичем был освещен, но выбор писателей и размещение справок были случайны, а оценка их зачастую отсутствовала.

Зато большой интерес вызывают статьи, посвященные библиографии. Все они принадлежат самому Анастасевичу. В них с отчетливостью проявилось его понимание роли журналистики, подчеркивались задачи критической оценки литературы, общественная польза библиографии. Анастасевич сам, видимо, придавал этим статьям особое значение. Недаром «Био и библиографические замечания», один из центральных отделов журнала, открывались программной статьей «О библиографии».

Так как статьи эти представляют основной материал для изучения библиографической позиции Анастасевича, они будут подробно рассмотрены ниже, в главе 5, специально посвященной вопросам теории библиографии.

§ 3.

Во многих статьях и, особенно, в художественных произведениях получила отражение высокая оценка русского народа и борьба журнала с подражанием иноземному, за свой язык, за отечественные нравы. Идея строгого выполнения каждым своих обязанностей по отношению к отечеству («Ведь ты для должности, не должность для тебя»¹⁶) пронизывает все эти произведения. Мы не будем подробно разбирать отдел словесности «Улья». Но необходимо отметить, что сатиры и басни, напечатанные в журнале, отличаются несомненным общественным звучанием. Ряд басен и эпиграмм зло обличает лихоимство чиновничества, спесивость знатных невежд, лицемерие и низкопоклонство, царящие в обществе. Привлекают внимание и несколько сравнительно крупных сатир («Польза медиков» П. Взметнева, «К моему другу», «Кривой костыль» — перевод с польского), критически рисующих современную действительность (не случайно «Польза медиков» вызвала цензурные затруднения). Антидворянская тенденция перечисленных сатир и некоторых басен очевидна. Строка из «Кривого костыля»: «Что сердце, дар

ума с породой не друзья»¹⁷ могла бы послужить эпиграфом ко всем этим произведениям.

Приведем для примера два отрывка из «Полезы медиков»:

Порок и здесь, и там! посмотрим ли на знать:
Мы видим и на ней сего врага печать,
Вот нежная княжна идет под кружевами,
Она замечет вас французскими словами.
Беги ты, мужичок! скорее! Ты Русак,
Сиятельным глазам противен твой армяк.
Никто не говори наречием природным,
Приятным лишь для нас, для знатных не угодным.
Ну кстати ль русскому по русски говорить?
Дай лучше всяк свой дом французам разорить,
Чтоб знать хоть сотню слов каких-нибудь; так должно;
Без этого ни жить, ни умереть не можно.
О жалкие!—но мы то женщинам простим,
А спросим, для чего подобны стали им
И те, от коих ждет Отечество опоры?
Зачем отец княжны диктует только вздоры?
Смотрите на него! какой почтенный вид!
Какая поступь, стан! паркет под ним трещит.
Он князь, а предок был владельцем Казани,
Доколе грозный царь не простирал к ней длани;
Жаль только одного, что тучный, древний князь
Так блещет разумом, как ночью светит грязь,
Иль лучше: он и сам составлен весь из оной,
Хотя в печати герб мы видим под короной.
Он толст, богат: и всё достоинство его,
К чему же хвастовство? а гордость для чего?
Обязаны ли мы, с почтением глубоким,
Сгибаться пред волом ленивым, полнобоким,
За то, что некогда и самые цари
В Египте Апису воздвигли алтари?
В палатах княжеских казны увидя груды
И горы золотой, серебряной посуды,
Кто дать захочет верх ему над мужиком,
Который делится последним пятаком?
Ни воин раненый, ни бедные вдовицы
Не ведают щедрот Снятельной десницы!
Гонимы нищетою, они к нему идут,
Толпятся у дверей; но бесполезен труд!
Не видишь? — тяжело ступая по паркету,
Как с холма Полифем, с крыльца идет в карету;
Уже его стопы подножку тяготят,
И скоро шесть скотов седьмого потащат!

. . . . .
. . . . .

К чему же хвалишься ты предков именами?
Скажи нам, шел ли сам вперед пред знаменами?
Не хвастайся и впредь породю своей;
Народ хотя молчит, но знает цену ей.
Полезно ль, что свой род выводил из Добрыни.
Когда ты сам, бедняк, гнилой не стоишь дыни:
Изнежен, прихотлив, бессилен, вял и туп,
В сражениях — труслив, в делах гражданских — глуп.

В сатире «К моему другу» (самого Анастасевича) выражены размышления интеллигента — разночинца начала XIX столетия. В горькой констатации того, что в современной ему русской действительности не нужно образования, что для достижения успеха не чуждо и ума, присутствует, несомненно, автобиографический элемент — но это не снижает общего смысла сатиры. Приведем несколько отрывков:

К моему другу (о многом учении).

Ты все, любезный друг, твердишь о просвещеньи,
Всегда за книгами, от них лишь в восхищеньи;
Взглянись ка в зеркало; ты высох, как кашей;
Нет время, говоришь, хлебнуть горячих щей;
Хлопочешь — все прочесть словесности новинки,
Поденные листки (не позабыв старинки);
Все объявленья книг по лавкам, по рукам,
Успеть тож в Талиин иль в Мельпоменин храм;

Ты уверяешь, что наук на свете краше?
Так, так, ученье свет, а неученье тьма,
И в свете жить никак не можно без ума...
Науки юношей и ум и дух питают...
И только то? но, все, которые читают,
С сей пищи в полсыта, и то лишь до поры;

Ведь музы, я слыхал, все девять сестр девицы,
И вся де их семья: актрисы да певицы;
Кто знает, наши ли переняли у них,
От наших ли они; но нравов все одних:
Голубят только тех, которым счастье машет.
Иной учености весь век свой ниву пашет,
Все урожаю нет. А умный секретарь,
Уклав Минерву спать, лишь в торг... уже мытарь.
Теперь смеется сам, что прежде за науки,
Имеv и день и ночь в трудах башку и руки,
На свой насущный хлеб едва заделать мог;
Уже чуть двигался и не ставало ног

Из дому бегать в дом, чтоб разносить уроки,
Аз-буки складывать и уставлять их в строки,
Или французщины топорной научить,
Да в лавку книжную листа два настрочить.
Бросался на Парнас, лизал следы там древних
И с музою своей мычал в листках недельных.
Теперь... не знаю, *ах!* сказать или *увы!*
Он, досылая век, не мучит головы,
Пушистое перо от мошек заслоняет...
В иную пору лишь сам на себя пеняет,
Что время лишнее убил для тощих муз,
И что чрез них вступил с чахоткою в союз...
Но чем же, говоришь, он то стяжал?— безделкой:
Служа глубокою и мелкою тарелкой...
А на Парнасе что? Пока заслужит лавр,
Скорее с голоду *издохнет* Бакалавр,
Там не дают аренд, ни лент, ни сытных званий,
По Стиковым брегам гуляй с сумою знаний!
Пока знакомая тебя приметит *тьнь*...

Я мог бы тысячи подобных насчитать,
Но правду явную устанет всяк читать.
Все видят на небе днем солнце, ночью звезды,
Все знают, что везде счастливее невежды
Давно чрез Княжнина сказала им сама
Болтунья Талия: «жить можно без ума,
Без счастья же никак; оно все строит в свете».
Оно их, матушка, качает и в карете,
Всегда лелеет их и явно и тишком;
Ум, счастья пасынок, едва бредет пешком;
О счастья глупцов нет спору, жить им сладко;
Нет кочек им нигде... Для них все ровно, гладко.
Так больше жаль для них напрасно тратить слов,
Гусей нельзя дразнить — советует Крылов.

Примечательна здесь отсылка к одной из самых откровенно антидворянских басен Крылова «Гуси». Направленная в основном против неграмотного чиновничества, сатира тем самым переводится в иной, более широкий план.

Еще более характерна басня «Нищий у цирюльника», также самого Анастасевича. Неуклюже, столь же архаично, как и в других его сатирах и баснях, но не без своеобразной силы, высказаны в ней чувства «маленького человека», бедного разночинца, вынужденного принимать милость высших и болезненно это переживающего:

Не сладив нищий с бороною,
С другою в нищете бедою,

Увидел вывеску цирюльника и рад:
 Он в погребу живет, так видно наш де брат.
 Наружность, говорят, у нищих на примете
 Гораздо более, чем на *великом* свете;
 На ветхой ленточке у них и крест не в честь.
 Но если так тому всегда и быть, как есть,
 Заслуга истинна на счастье пусть пеняет.
 Однако ж нуждица закон переменяет.
 Наш нищий лишь вступил в цирюльню на порог.
 Хоть видит нищету и вдоль и поперек,
 Но голову свою низенько наклоняет
 И, приняв постный вид, по нищенски дрожа,
 Из милости побрить его смиренно просит.
 По счастью добрая цирюльничка была душа.
 Он тотчас нищему скамеечку подносит;
 Хвать бритву и скорей, чтоб с рук его свалить.
 Не выправив ее, без мыла! ну, скоблить!
 По нищему мороз; но средства нет инаго;
 Ему натвержено: *даянье всяко благо*.
 Вдруг, что есть мочи кот в стряпучей закричал.
 Кой черт! чай, кипятком мне Ваську обварили?
 Хозяин спрашивал — а нищий отвечал:
 Нет, видно и его *из милости побрили*.¹⁸

На стихах И. И. Варакина Стройновскому в переделке Анастасевича мы уже останавливались. Незадолго до этого эпизода, в январе 1812 г., Анастасевич напечатал в журнале и собственное стихотворение, посвященное Варакину, с которым Анастасевич лично познакомился: «И. И. В..., сочинителю «Пустынной Лиры» (книга стихов Варакина называлась «Пустынная лира забвенного сына природы»; одно из стихотворений носило заглавие: «Глас несчастного к счастливому другу»).

Приведем из этого стихотворения Анастасевича лишь некоторые строки:

Не ты забвенный сын природы,
 Она таких, как ты, лишь мать;
 Есть светло-чтимые уроды;
 Они ей не хотят внимать.
 Она не признает сынами
 Тех, коих держит с счастьем связь;
 Гнушается их именами;
 Пред ней равны — невольник, князь.
 «Мы-то созданья превосходны!»
 Кричат одной тщеты друзья;

С мечтой их всех ли мненья сходны?
Ты первый против — как и я.

В[аракин], в мыслях благородный!
Вот лучший в свете твой диплом.
Ты не несчастен: дух свободный
В ярме не может быть волом.
Сей дух твой с лирой возлетает
Туда, где впуск не по чинам;
В ряду с бессмертными читает
Определенье именам...
Ты зришь с улыбкой, с сожаленьем,
Сколь мало на Олимпе тех,
Что век свой здесь живут лишь мненьем
Невеж — рабов своих утех.
Так песни нищего Омира
Преодолели цепь веков.
Так и твоя Пустынна лира
Преодолела звук оков¹⁹.

Конечно, упоминание имени Варакина рядом с Гомером вызывает только улыбку. Но стихотворение Анастасевича в целом — еще более яркий протест против крепостного права, еще более откровенная пропаганда антикрепостнических взглядов, чем переделка стихов Варакина. И переделка эта, и стихотворение Анастасевича вновь заставляют вернуться к аналогии с деятельностью Пнина. Вспомним, хотя бы, его оду «Человек».

В октябре 1812 г. в «Улье» было напечатано еще одно стихотворение того же Варакина «Глас истины к гордецам». Думаем, что Н. К. Замков был прав, когда характеризовал его так: «Стихотворение это является необычайно ярким для того времени выражением непримиримой ненависти к носителю крепостной власти — помещику. Только слова: «помещик», «крестьянин» заменены прозрачными синонимами — «гордец» и «бедные».²⁰

В некоторых других стихотворениях и в статьях мы также находим осторожные выпады против крепостного права («личного рабства») — прямые и завуалированные.

В итоге можно констатировать демократическую и антикрепостническую направленность журнала, пропаганду им передовых педагогических идей, борьбу за национальную самобытность русской литературы и просвещения вообще. Выступления Анастасевича в «Улье» по вопросам

языка и воспитания — это отнюдь не солидарность с шишковистами, а продолжение той же борьбы с галломанией, за просвещение сердца, которую вели «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», «Северный вестник» и «Журнал российской словесности», которую вел на страницах двух последних журналов сам Анастасевич. При всей политической ограниченности Анастасевича, журнал для 1811—1812 гг. был несомненно прогрессивным явлением. Антидворянские же взгляды выражены в «Улье» даже резче, чем в каком бы то ни было журнале первого десятилетия.

Однако литературное несовершенство и мелочный педантизм, присущие журналу, очень ограничили его реальную роль.

ГЛАВА 4

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНАСТАСЕВИЧА В 1812—1820 гг.

§ 1.

К середине десятых годов окончательно укрепилась репутация Анастасевича как знатока книги, как весьма эрудированного библиографа. К нему обращаются за советами, он черпает из своих картотек и выписок материалы для ученых и писателей, которые называют его «единственным путеводителем в запутанном лабиринте библиографического мира» (слова А. А. Дельвига), «библиографом Российской империи» (слова А. Ф. Воейкова);¹ его привлекают для работы Публичная библиотека и книгопродавец В. А. Плавильщиков; Анастасевич не раз выступает на страницах журналов «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения», реже в «Благонамеренном» (хотя, надо сказать, что тематика этих выступлений значительно уже, чем в 1805—1806 и в 1811—1812 гг.); его выбирают в ученые общества, именуют в печати «ученым литератором, посвящающим труды свои исключительно русской библиографии». 1814—1823 годы следует считать периодом наиболее интенсивной и плодотворной деятельности Анастасевича.

Каковы идейные позиции Анастасевича в этот, наиболее плодотворный, период его деятельности? Что занимало его мысли? О чем он писал в своих письмах, что было постоянным предметом его бесед?

До сих пор основным источником сведений об Анастасевиче в рассматриваемый период являлись опубликованные в 80-х гг. письма к нему Евг. Болховитинова за 1813—1815, 1817, 1819—1822, 1824 гг. Но это все же лишь косвенный — хотя и очень важный — источник.

Богатый материал (относящийся, правда, лишь к первой половине десятилетия), характеризующий общественную позицию Анастасевича и круг его интересов, заключен в сохранившихся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина двух его записных книжках. Это различного рода заметки и отпуски писем за 1809—1814 гг.²

В одной из своих автобиографий Анастасевич писал: «Занимаюсь также по непрерывно продолжаемому журналу с 1801 и несколько лет до того + некоторые письма в копии сохраняю». Свои записи Анастасевич вел, очевидно, до самой смерти — ср. в воспоминаниях И. П. Сахарова, относящихся к последним годам жизни Анастасевича: «Вел свои дневные записки в продолговатой книге, которых он мне показывал две».³ Таким образом, известные нам две записные книжки — только ничтожная часть этого дневника. Остальное либо еще не обнаружено, либо, что вернее, погибло. Да и в этих двух книжках кое-что нам не удалось прочитать.

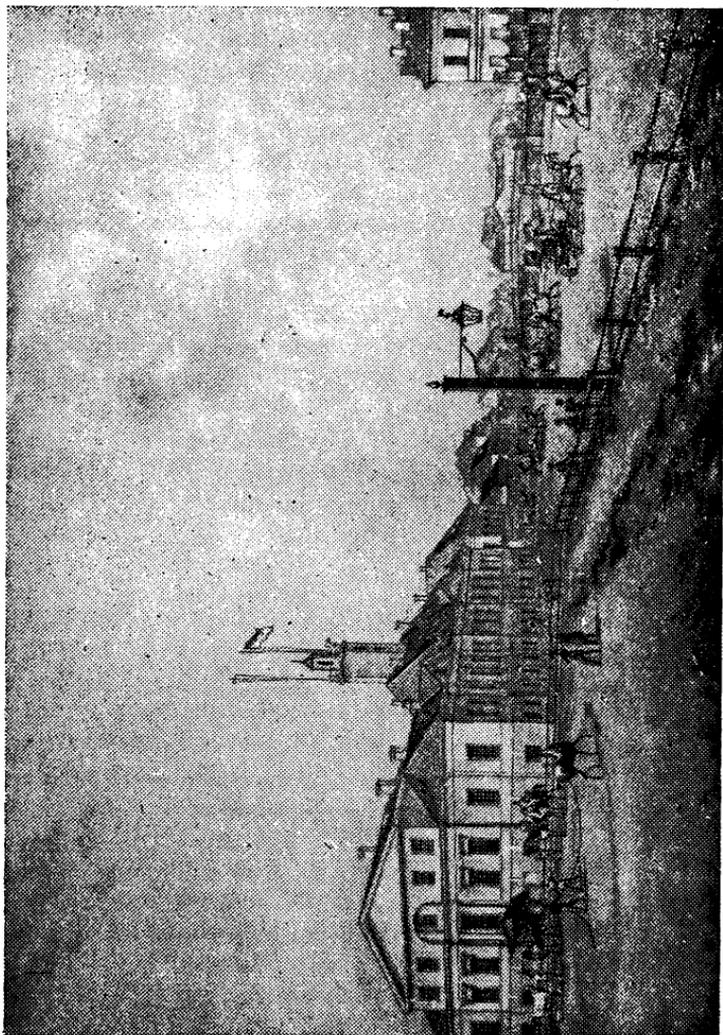
Анастасевич, несомненно, придавал своим записям и письмам определенное общественное значение — иначе зачем было писать об этом в автобиографии в разделе «Литературная работа»? Из записных книжек видно, что те же вопросы, которым он посвящает свои записи, служили предметом бесед и переписки. Содержание заметок и отпусков писем в использованных нами записных книжках Анастасевича разнообразно. Это словарные проекты, подготовительные материалы к библиографической классификации, записи различных сведений из истории русской литературы, политических толков, газетных известий; размышления, касающиеся отдельных

областей знания — иногда довольно глубокие, нередко же поверхностные и мелочные. Большинство заметок свидетельствует о непримиримой вражде Анастасевича к любым проявлениям крепостничества; многие из них — обоснованная, аргументированная и, вместе с тем, наивная критика административных и экономических порядков России конца XVIII — начала XIX вв.

Записные книжки отражают связи Анастасевича с литераторами и учеными, в частности, с В. С. Сопиковым, Н. И. Гнедичем, гр. Д. И. Хвостовым, Евг. Болховитиновым, а также с чиновничьей интеллигенцией.⁴

Первое, что бросается в глаза при чтении записных книжек Анастасевича, — нескрываемое презрение ученого разночинца к дворянству, к помещикам. Других эпитетов, кроме как «кичливые», «невежественные», «закосные» Анастасевич для дворянства не находит.

Излишне напоминать, что почти вплоть до конца царствования Александра I иллюзии о его серьезных намерениях провести освобождение крестьян были распространены в самых различных слоях русского общества. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что в 1812 г. Анастасевич противопоставляет помещиков, в их отношении к крепостному праву, Александру I. Ненависть к «гидре» крепостничества и надежды, возлагаемые на Александра, приводят Анастасевича к мысли о возможности участия Наполеона в деле освобождения крестьян. 30 июня 1812 г. Анастасевич записывает: «у Ив. Ив. <Оз?> рассуждение, что заключают из <поступи?> сей кампании отступления и переговоров, нет ли согласия с Н<аполеоном> впустить его нарочно для низложения кичливости дворян и освобождения крестьян от рабства, чего А<лександр> сам собою не смел сделать, хотя с самого вступления сей план в числе первых, и уже был несколько крат трактован <Государственным> Советом и всегда находил столько противников, сколько помещиков, закосневших в привычке управлять судьбою рабов как скотов». Как видим, подобные толки и с той же мотивировкой («сам царь боится помещиков») были распространены не только среди солдат, что уже отмечалось в литературе, но и в среде разночинной интеллиген-

Р и с. 4. Набережная Мойки
Район жительства В. Г. Анастасевича в начале 20-х гг.
Литография К. Бегрова (1822—1824 гг.)

ции и чиновничества. Разумеется, ни о каком сочувствии Наполеону у Анастасевича нет и речи. Запись продолжается на следующий день: <Но?> 1-го июля с А. Е. <Сал?> рассуждение, что тайное о сем согласие с Н<аполеоном> было бы пустить козла в огород или (с моей стороны замечание) похоже было бы на баснь. что лошадь просила человека отместить оленю, по смерти коего сама осталась рабою победителя. При этом самая прокламация Н<аполеона> показывает правильность сей догадки. Он в ней явно восстает на А<лександра>, хотя и льстя народу, говоря, что он идет освободить от ига народ, имеющий над собою недостойного управляемых государя, — народ, давно уже не имевший внутри своих пределов неприятеля». О том же упоминает Анастасевич и в мае 1814 г.: «Александр, благополучно кончивший поход в Париж, возвратится с большими силами, чтобы сразиться с домашнею гидрою, конечно страшнейшею Наполеона, дорого заплатившего за глупое свое поведение с Россией, коей он мог самым тиранством своим принести много добра, если бы успел свергнуть с нее иго рабства».⁵

Таким образом, еще в мае 1814 г. Анастасевич продолжал возлагать надежды на Александра. Но это было до возвращения Александра из Парижа. Иллюзии очень скоро рассеиваются. Уже в письме от 29 июля того же 1814 г. (цитируем по черновому отпуску, адресата установить не удалось) он рассуждает, что Иван Грозный «из всех поместьев сделал одно, но он не учредил благоустроенной монархии, не дал образа народного правления — вовсе не знал правил народного хозяйства, словом, он был помещик, а не государь, и таковы все его преемники, *даже доньне*» (курсив наш. — М. Б.). Рассеиваются постепенно иллюзии о содействии освобождению крестьян со стороны правящих кругов: «Первостепенные еще мыслят, что в России рабство необходимо. <...> Продажа людей остается, сколько ни выходит указов с запрещением оной, особливо при Александре I». Из записи того же 1814 года (6 мая) видно, что Анастасевич к этому времени уже довольно верно представлял себе истинную цену указа 1803 г. о свободных хлебопаш-

цах: «Показанный пример делания условий худо успева-ет; ибо какие условия могут делать глупые хозяева, не знающие истинных хозяйст<венных>выгод ни своих, ни крестьянских, и потому сия, впрочем благая, мера обращена уже во зло, и даже во вред».⁶

Среди записей и отпусков писем можно встретить размышления более практического характера, своеобразные проекты первоочередных мероприятий по освобождению крестьян. Размышляя об этом, Анастасевич исходит прежде всего из тезиса, что переход принадлежащих дворянству земель в другие руки обеспечит России экономический прогресс.

«Освобождение крестьян от рабства в России должно начать», считает Анастасевич, с раздачи казенных земель в аренду, дробя земли на участки. Если при этом дать простор частной инициативе, оставив сельской полиции «блюсти только порядок и безопасность лиц, а не хозяйственными заниматься делами <...>, и дать свободу внутренней торговле, тогда земледелие пойдет исполнинскими шагами».⁷ Насколько можно понять эту запись, хотя Анастасевич говорит как будто о раздаче земель участникам Отечественной войны 1812 г., но имеет в виду вообще государственных крестьян — к следующим своим предложениям он переходит фразой: «В-вторых, касательно крестьян помещичьих».

Как предварительную меру к освобождению помещичьих крестьян Анастасевич, сколь это ни неожиданно, выдвигает разрешение «всем состояниям покупать дворянские земли с людьми» и даже пытается найти некоторое оправдание торгу дворовыми.

Положение крепостных, приписанных к заводам, и в арендных имениях было в начале XIX в. особенно тяжелым. Почти безконтрольной была также власть мелких владельцев — не дворян — над отпускаемыми к ним фиктивно в услужение людьми (или купленными на чужое имя). При расширении круга лиц, имеющих право владения крепостными, была очевидна опасность еще более интенсивной продажи крестьян без земли и по одиночке. Поэтому представители прогрессивного дворянского лагерь неоднократно выступали в эти годы против такого

расширения. Одновременно против этого же — но исходя из других побуждений, оберегая монопольные права «благородного сословия» — выступали крайние крепостники.

Размышления Анастасевича противостоят и тем, и другим. В расширении круга лиц, владеющих крепостными, Анастасевич видит, во-первых, ту выгоду, что поскольку «одну или две души скорее находят честные люди, даже из недворян, покупать на чужое (дворянское) имя, и оттого скорее сии бедные люди могут попасться к добрым хозяевам, могущим хоть в награду за службу их даровать свободу. Ибо есть из них и такие, кои без роду и племени умирают и чрез то самое оставляют людей своих свободными, хотя бы по скоропостижной смерти своей и не успели свершить нужного акта. — Такая раздробная продажа более может содействовать их свободе, нежели бы сии рабы, оставаясь при большем имении целом, переходили из рук в руки по наследству».⁸ Надежда на смерть владельцев без роду и племени в качестве меры, ведущей к освобождению крестьян — конечно, доказательство крайней политической наивности Анастасевича. Но вместе с тем в этих мыслях есть очень своеобразный оттенок, какого не дают известные проекты, дневники, записки. Здесь проявилась, как нам кажется, вера Анастасевича в «маленького человека», который лучше дворянина, лучше богача, лучше знатного вельможи. Эта вера в «маленького человека» ярко иллюстрируется такой, например, записью: «И теперь мы видим, что когда законные проценты положены 5%, есть тысячи богачей, кои берут по 25%, а есть многие даже недостаточные люди, кои одолажат других без всякого росту».⁹ Вторым — и более важным — результатом, по мнению Анастасевича, было бы то, что «давая право всем состояниям в государстве приобретать права помещиков, сопряженные с владением над людьми равного состояния, как сие легко может случиться с самыми владельцами, т. е. с такими же крестьянами, можно для сих новых помещиков гораздо смелее предписать и новые правила, как поступать с ними, т. е. ограничить власть помещиков на правилах природного права, чего теперь по одному простому страху не смеет сделать правитель-

ство; якобы из уважения к собственности, а паче потому, что сие правительство состоит из самих помещиков, следовательно, имеющих в том свою корысть».¹⁰

Таким образом Анастасевич, на первый взгляд, предлагает как будто то же, что предлагал в своей известной записке Н. Д. Киселев (в 1816 г.). Но Киселев не шел столь далеко и ограничивал круг таких «новых помещиков» купцами и промышленниками, «капиталистами всех званий».¹¹ Анастасевич же, как следует из приведенной записи, имеет в виду «все состояния» — включая крепостных крестьян. Он подчеркивает, что, в сущности, перешедшие к новым владельцам крестьяне из крепостных превратятся в арендаторов, и при этом возлагает надежды на то, что разница в положении крестьян у «старых» и «новых» помещиков сама по себе окажет неизбежные действия. «Такие правила для новых помещиков мало помалу будут действовать и на старых; ибо данный пример лучшего состояния нечувствительно увлекает других последовать оному по необходимости, стыдясь явного тиранства над своими рабами, кои тогда более будут в состоянии восчувствовать разность своего положения с крестьянами новых помещиков из разночинцев, коих власть ограничена будет законами так, чтобы они не могли употребить ее во зло, как скоро крестьянин, не будучи рабом, а только как бы держателем земли; будет иметь голос в суде, прося защиты законов, чего теперь не могут делать нынешние крестьяне, принадлежа помещикам одного разбора». Своеобразные «психологические» обоснования приводит Анастасевич, касаясь результатов проектируемых им мер при судебных спорах: «К сей же справедливости в отношении к жалующимся крестьянам много послужит самый главный порок нынешнего дворянства, то есть презрение к прочим состояниям недворянским, которое тем более усугубится, когда они увидят сих разночинцев, имеющих такие же или еще богатейшие поместья. Тогда, конечно, скорее доставлена будет, по сему самому, большая справедливость по жалобе крестьянина на своего нового владельца: «ибо суды <нрзб.> останутся, положим, в нынешнем состоянии, по выбору из дворян...»¹²

Итак, никаких реформ обще-административного, судебного характера Анастасевич, видимо, с освобождением крестьян пока что не связывал.

Все это свидетельствует о весьма ограниченных — в начале десятых годов — выводах Анастасевича. Если учесть, тем более, что это писалось не для официальных проектов, а для себя — может быть и для друзей, — трудно его размышления 1814 года характеризовать как особо передовые; в общем они недалеко отстоят от столь же мертворожденных реформаторских проектов, рассчитанных на десятилетия, на постепенное «врастание» вольнонаемного труда в систему экономических отношений.

Но в обосновании их — существеннейшая разница. За весьма ограниченными выводами Анастасевича стоит не опасение взрыва народного гнева, как в сановных проектах, а вынужденное признание реальной политической силы дворянства, с которой он не видит возможности не считаться — хочет он этого или не хочет. И если в основе всех сановных проектов, чем бы и как бы они ни отличались друг от друга, мы видим поиски методов укрепления помещичьей власти, то о размышлениях Анастасевича этого никак не скажешь.

С другой стороны, сравнивая размышления Анастасевича с проектами и мыслями будущих дворянских революционеров, Н. И. Тургенева и И. Д. Якушкина, мы видим также принципиальную разницу. Например: «Я не полагаю, чтоб из слов моих о крепостном состоянии крестьян кто-нибудь был так несправедлив и заключил о моем недоброжелательстве к сословию дворянскому», размышлял Тургенев. «Благотворная связь крестьян с помещиками, потеряв все, что было в ней противно нравственности и правам человечества, изменивши существо свое, останется невредимой и сохранит все то, что в ней полезно было» — писал Якушкин.¹³ Но оставаясь «доброжелательными» к дворянству, видя именно в лучших людях из дворян силу, способную сокрушить крепостное право, и Тургенев, и Якушкин своей основной целью ставят улучшение состояния крестьян, перемену в хорошую сторону их нравственного бытия (слова Тургенева). обеспечение их личной свободы и собственности (слова

Якушкина). К этому направлены все их стремления. Для Анастасевича же, при всем его антидворянском пафосе, при всем, не подлежащем сомнению сочувствии положению крестьян, при том, что их право на свободу само собою разумеется, на первом плане — экономическая сторона. Основное для него — историческая необходимость ликвидации дворянского землевладения, перехода земли в другие, более рачительные и действительно хозяйские руки; вплоть до крестьянских — но вовсе не обязательно в крестьянские.

§ 2.

Вопрос об уничтожении крепостного права, при всей его неоспоримой важности, был при этом лишь частью более общей проблемы — перестройки экономики России на новых началах. По словам Н. В. Здобнова, Анастасевич в своих статьях по общественно-политическим вопросам развивал «мысль о необходимости промышленного развития России и соответствующих реформ».¹⁴ Но так ли это?

Никаких статей Анастасевича по общественно-политическим вопросам мы, собственно, не знаем. Об интересе его к экономическим проблемам можно судить только по его переводам, по многочисленным записям в его дневнике и по письмам к нему Евг. Болховитинова.

Основными переведенными Анастасевичем политико-экономическими работами были сочинения эпигонов физиократического учения, братьев Иеронима и Валериана Стройновских.

Написанное еще в последней четверти XVIII в. сочинение Виленского епископа и ректора Виленского университета Иеронима Стройновского «Наука права природного...» представляло собой краткий курс всех «политических и нравственных» наук. И. Стройновский, в общем, не шел дальше либеральствовавших помещиков из «левого» крыла Вольного экономического общества. Но все же русские власти сочли его книгу вредной и опасной, так как в ней была обстоятельно изложена теория Руссо об общественном договоре и отражена

идея народного суверенитета. Поэтому в числе некоторых учебников, запрещенных к дальнейшему употреблению в польских учебных заведениях, оказалась и книга И. Стройновского.¹⁵

В 1805 г. Анастасевич занялся ее переводом. Сохранившиеся в ЦГИАЛ материалы свидетельствуют о том, что, взявшись переводить сочинение И. Стройновского, Анастасевич заранее заручился одобрением Главного правления училищ. Это одобрение, полученное при помощи Чарторьского, обеспечило беспрепятственное прохождение ранее запрещенной книги через цензуру и привело даже к включению ее в число рекомендованных для университетов учебников. Однако она по-прежнему казалась опасной и Анастасевичу пришлось, например, выслушивать характерные упреки со стороны его приятеля В.Н. Каразина. «<...> Кажется, не худо бы поменьше заниматься теперь, и особливо молодые, и без того уже взбаламученные умы занимать понятиями права природного. Эти понятия довольно наделали бед в других местах; и верьте, у нас близко к тому... А лучше бы говорить более о чем-нибудь другом».¹⁶

Переводя книгу И. Стройновского, Анастасевич, видимо, впервые приобщился к политической экономии и уверовал в положения Стройновского, как в незыблемые «правила» народного хозяйства, незнанием которых он в дальнейшем и объясняет все российские неполадки и непорядки.

В 1813—1814 гг. Анастасевич, по личной просьбе Валериана Стройновского, переводит с рукописи его объемистое сочинение «Всеобщая экономия народов».

Перевод «Всеобщей экономии народов», выполненный Анастасевичем, был через три года издан В. Стройновским без упоминания имени Анастасевича, без его разрешения, без уплаты какого-либо гонорара. На этой почве между ними возник серьезный и длительный конфликт, закончившийся не в пользу Анастасевича. Столкновение вельможи с литературным пролетарием начала XIX в., характерные оттенки их поведения и аргументации небезынтересны. В первоначальном варианте своей жалобы Милорадовичу Анастасевич иронизировал над стилем и

многословием В. Стройновского. Понимая, что все это звучит несколько странно, поскольку он сам же переводил его сочинение, Анастасевич всячески подчеркивал, что он выполнил лишь подстрочный перевод, что перевод этот проверялся и исправлялся В. Стройновским при помощи его «соотечественника» (А. К. Повстаньского), что при печатании В. Стройновским были внесены изменения. Пытался Анастасевич иронизировать и над его физиократической позицией.¹⁷

Но тем не менее влияние на Анастасевича братьев Стройновских — в частности, их тезиса о неограниченной свободе торговли — несомненно. Записи в дневнике 1814 г. и черновые отпуски писем, а также ответные письма Е. Болховитинова говорят об этом достаточно красноречиво, хотя из того же дневника видно, что Анастасевичу была довольно широко известна новейшая политико-экономическая литература вообще, в частности — труды А. Смита, Ж. Б. Сея, А. К. Шторха.

Представители русского помещичьего либерализма в конце XVIII и в начале XIX в., принимая феодальную внешность физиократизма за его сущность, использовали отдельные положения физиократов для защиты крепостнической отсталости России, против развития крупной промышленности.

В десятых гг. XIX в. помещичьи публицисты, борющиеся против запретительных тарифов, ожесточенно аргументировали принципом свободной торговли. Но под свободной торговлей они понимали только возможность расширения вывоза продуктов сельского хозяйства и беспрепятственного ввоза промышленных изделий. Поскольку при этом о гражданских свободах, разумеется, не было и речи, объективный смысл их фритредерства был реакционным. Он вел к закреплению отсталости России, к закреплению ее экономической зависимости, к отказу от развития промышленности.

В противоположность этому фритредерская позиция большинства декабристов была объективно позицией прогрессивной. Виднейший представитель декабристского фритредерства, Н. И. Тургенев, требуя свободы торговли в интересах земледельцев, эти интересы понимал как ин-

тересы освобожденного крестьянства, работающего на себя (пусть даже на арендованной земле). Ликвидация феодально-крепостнического строя вызвала бы, по Тургеневу, рост сил и возможностей России, а с тем вместе и возможного подлинного роста промышленности. Естественно, поэтому, что промышленный протекционизм в условиях александровской России, в обстановке общей скованности страны феодально-крепостническим строем, Тургенев воспринимал лишь как еще одно насилие над свободой ее граждан.

Приближаясь к позиции декабристов, Анастасевич, в своих возражениях против протекционистской политики правительства Александра I, заботился не о судьбе «дворянских кошельков», страдающих от этой политики (о чем писали помещицы «Дух журналов» и «Русский инвалид»). Он обеспокоен ущербом, который наносят монополии широким слоям народа — в частности, ремесленникам и мелкому купечеству. «Кто богаче, тот в I-й гильдии, тот имеет большее право грабить народ»¹⁸ — вот, в сущности, смысл доводов Анастасевича против протекционизма. Хотя и повторяя аргументы Стройновского против протекционистской политики, Анастасевич ополчается, однако, главным образом, на личное обогащение купцов — фабрикантов во вред интересам народа. Все, конечно, пошло бы на лад, «если б только у нас была удобная внутренняя и совершенно свободная внешняя торговля», но главный источник зла — монополии. Приводя в пример ухищрения, пущенные в ход, в конце XVIII в. неким купцом Владимировым, обманувшим, по словам Анастасевича, народ (а, заодно, министров и Екатерину), Анастасевич издевается над подобным показным «патриотизмом». Для сбережения же денег внутри государства он предлагает заводить фабрики компаниями с продажей товаров не дороже заграничных, чего бы это ни стоило.¹⁹ В поощрении купеческой промышленности со стороны правительства он видит личную заинтересованность правительственных деятелей, прикрывающихся патриотическими фразами.

Характерна постоянная критика Анастасевичем системы гильдий и цеховой системы, против которой ополча-

лись и декабристы. Интересна его запись от 6 мая 1814 г.: «Кто не удивляется еще и теперь учреждению о губерниях Екатерины II. Привыкли называть все, что подписано ее рукой, великим <...> Где тут свобода личная и собственность, когда все разделено на классы и означено печатью достатка <...>? Цехи на таком же основании отняли последний кусок хлеба у бедного ремесленника, который не собрал нужной суммы для zapлаты в свой цех за привилегию работать». Антಿದворянские предпосылки экономических рассуждений разночинца Анастасевича ярко выступают в записи, где он, высмеивая (не в первый раз) Екатерину II, вновь возвращается к мыслям о помещичьей сущности русского самодержавия: «Премудрая Екатерина наиболее доказала свою пагубную мудрость учреждением вспомогательных банков для дворян своих бумажными деньгами. <...> Верящие или думающие во всем находить более тонкостей, нежели есть на самом деле, оправдывают эту мнимую мудрую меру тем, что цель такового учреждения состояла якобы в том, чтоб под сим благим предложением содействовать освобождению от рабства крестьян, кои с задолжавшими и просроченными имениями, входя в казну, чрез то самое зависели уже от воли государя, переставая быть частною собственностью. Но снято ли иго рабства хоть с одной такой деревни? Не отдавались ли почти целые уезды в рабство новым и еще может быть большим тиранам в потомственное владение? Столько было ее любимцев, столько сатрапов, поглощавших кровавые труды тысяч несчастных их земледельцев. Польша падшая для сего не могла своими староствами и вотчинами насытить жадности к рабам. Что сказать о царствовании Павла, все ниспровергавшего сделанное матерью, и сие зло еще более распространившего <...>». ²⁰ Эти и подобные рассуждения Анастасевич вызвали категорические возражения его постоянного корреспондента Болховитинова, но Анастасевич оставался при своем мнении.

Однако по центральному вопросу — о путях экономического развития России — Анастасевич не смог преодолеть влияния Стройновских. Об этом свидетельству-

ет ряд его записей. Еще более рельефно это видно из одного его выступления в печати. В середине 1814 г. в «Сыне отечества» появился, без имени автора, сокращенный перевод главы 52 третьей части «Всеобщей экономии народов» В. Стройновского, под заглавием «Предопределение счастья и благоденствия России». Отрывок этот помещен был Анастасевичем.²¹

Появление этого отрывка на страницах наиболее распространенного тогда журнала было приурочено к моменту всеобщего торжества победы над Наполеоном и к возвращению Александра I в Россию; напечатан этот отрывок на первом месте в номере — тем самым ему была придана программная роль, он явился как бы передовой статьей в этом ответственном номере журнала.

Смысл отрывка — в надеждах на успехи России в обстановке всеобщего мира. Всё богатеющая земледельческая страна, вывозящая сельскохозяйственные продукты и ископаемые — такова будущая Россия в книге Стройновского в целом, и в главе 52-й в частности.

При сокращении текста В. Стройновского Анастасевич исключил все неумеренные похвалы Александру, «наилучшему из монархов, мудрому своими постановлениями», исключил такие, например, фразы: «О, если б пример великого государя остался навсегда уроком для всех царствующих» или «...ныне царствующий потомок Петра Великого предназначен самим небом. Ни один монарх по доброте и расположению к добру не был столько способен ко внушению подданным своим толиких чувствий обязанности» и т. д. При этом Анастасевич не ограничился исключениями, но дополнил текст Стройновского собственной вставкой. Сохраняя, конечно, обязательное упоминание об Александре, он писал: «Совершение сего великого дела благоденствия России без сомнения предназначено небесным промыслом ныне царствующему благословенному и препрославленному ее монарху Александру I. Никто из великих предшественников его не имел столь счастливого стечения благоприятных обстоятельств, чтоб внушить подданным своим и всей Европе вдруг чувство благодарности и обязанности в такой мере. Пал кумир легкомыслия, которому приносились столь

тучные жертвы: должно, кажется, уменьшиться и число поклонников. О, есть ли бы вошло у нас в обыкновение: любить свое отечественное, а перенимать чужое только истинно полезное! столь великому народу, каков Российский, прилично быть примером и образцом других, как он и был еще в колыбели своей — при св. Владимире. Ему, по мере исполинских сил своих, ныне приличны одни великие подвиги...»²². Итак, небесный промысел сказывается только в том, что Александр находится в более благоприятных обстоятельствах, чем его предшественники. Это, конечно, далеко не то, что «предназначенный самим небом потомок Петра Великого». Вместо «примера великого государя» мы читаем о «примере великого народа».

Все эти исключения и замены — собственная правка Анастасевича, а не Греча, как можно было бы предположить. Это ясно, поскольку черновик журнального текста мы находим в записных книжках Анастасевича.

Однако дальше любовь к отечественному раскрывается Анастасевичем как отказ от развития промышленности, причем с аргументацией, значительно более близкой к В. Стройновскому и к «Духу журналов», чем к Н. И. Тургеневу: «<...> последуя щедрой природе, достойной его [русского народа] наставнице, не ослепляться мечтами суемудрия и вымыслов, не завидовать крупичам бедных промышленников: но доставлять им от себя богатые припасы для труда из своих избытков, и наслаждаться, как подобает властелину столь пространной и обильной земли, самыми источниками богатств из трех царств природы, призывающими его только для почерпания. Он за одни сии избытки своих суровых естественных произведений может привлечь к себе все произведения искусственные, доколе в нем собственная людность умножится столь достаточно, что под сень его изобилия преселятся все искусства и художества; ибо между народами, как и между частными людьми, занятия, служащие способами к их содержанию, распределяются или избираются по способностям; кто нарушает сей естественный порядок, тот вредит себе и другим. Народы созревают веками и последованием тому правилу, чтоб полезное предпочитать приятному, и не жертвовать боль-

шею и верною пользою за меньшую и ожидаемую... Сии истины тем ощутительнее, что они видны на ежедневном опыте каждого».²³

Уже одна эта цитата доказывает, что несмотря на все отличия фритредерских суждений Анастасевича от помещичьих, несмотря на очевидные демократические основы его позиции, по вопросу о путях экономического развития России он оказывается ближе к консервативному лагерю, чем к подлинно передовому. Недаром столь сочувственно отзывался о статье в № 31 «Сына отечества» Евг. Болховитинов (считавший ее произведением самого Анастасевича). Так, по крайней мере, обстояло дело в 1814 г.

§ 3.

В период усиления правительственной реакции и формирования тайных обществ, либерально-помещичьи настроения выдыхались; в домашней расправе крепостников откровенных с крепостниками либеральными верх одержали первые.

Антикрепостническая же позиция Анастасевича именно в эти годы приобретает большую четкость и заостренность. Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, при всей их отрывочности, позволяют в этом убедиться.

Ряд заметок и писем Анастасевича (многие из них, к сожалению, не полностью поддаются прочтению) затрагивал вопрос о собственности. «Личная собственность» — эта основа основ буржуазного правопорядка — не только находится в центре всех политико-экономических размышлений Анастасевича; «собственность» трактуется им и в некоем философском плане — как отношение лиц к вещам и вещей к лицам; таковы его черновые попытки разобраться в соотношении понятий. Характерно в этом смысле большое его рассуждение на тему о свободе, которую он определяет, как «право употребления личной собственности каждого».²⁴

Все это, конечно, весьма не оригинально. Есть в этом и отзвуки модного тогда И. Бентама, Сея, прямые повторения Детю де-Траси и, прежде всего, азбука физиократического учения. Анастасевич догматически выдвигает

понятие собственности даже в тех случаях, когда, казалось бы, это противоречит его же убеждениям. Так, отрицательно относясь к секуляризации монастырских имений в Польше и в России, Анастасевич только во вторую очередь приводит довод (приводившийся и декабристом М. А. Фонвизиным), что монастырские крестьяне оказались в худшем положении. На первом же плане для Анастасевича — нарушение права собственности. И добро бы еще права непосредственных владельцев — монастырей! Но, оказывается, речь идет о дворянских правах.²⁵

Однако, в отличие от своих учителей, Анастасевич пытается так понять смысл утверждаемых ими «правил хозяйства», «чтоб всяк имел беспрепятственность в приобретении недвижимой собственности» (из письма Евг. Болховитинову от 18 июня 1814 г.²⁶). Поскольку уже с 1801 г. в России «всяк», кроме крепостных крестьян, имел право приобретения земли (без крестьян), ясно, что острее этих размышлений Анастасевича направлено на разрешение крестьянского вопроса. Размышляя о всеобщем праве на землю, Анастасевич не делает различия между «капиталистами всех званий» и крестьянами; исходя из этого, он утверждает необходимость раздробления имений, что вызвало со стороны Болховитинова резкую отповедь.²⁷

В 1814 г. Вольным экономическим обществом были рассмотрены ответы на поставленный им вопрос о сравнительной выгодности вольнонаемного и крепостного труда. В этом же году Анастасевич закончил работу над переводом сочинения В. Стройновского. Однако придти к мыслям о беспрепятственном владении крестьянами землей и раздроблении имений Анастасевич мог только под влиянием значительно более передовых идей, чем идеи, развивавшиеся и Стройновским, и Якобом, автором премированного ответа на вопрос Вольного экономического общества. Вспомним предисловие Анастасевича к первой книге Стройновского. Естественно, что вновь всплывает аналогия с книгой И. П. Пнина.

Как справедливо писал В. Н. Орлов, если бы идейное содержание книги Пнина исчерпывалось объяснением

первопричины общественного зла невежеством, признанием сословной монархии, отрицательным отношением к революционной Франции, апологией собственности, то Пнина следовало бы считать «всего навсего заурядным либералом». «Но в том то и заключается сложность и двойственность его идеологического облика, что, признав законность имущественного неравенства и сословной монархии, он не мирился с рабством и в решении этого вопроса не шел ни на какие компромиссы». Пнин вовсе не отрицал прав крестьян на землю, когда писал о движимой собственности в качестве первоочередной меры.²⁸

Многое заставляет нас сближать имена Пнина и Анастасевича. Конечно, не то, что, Анастасевич, как и Пнин, объясняет «невежеством» общественное и хозяйственное неустройство России или видит в вождях французской революции «мнимых философов», а основной результат ее — в тиранстве Бонапарта. Все это — общие места ограниченной просветительской идеологии начала XIX в. Но повторение попытки Пнина доказать законное право русских крестьян на свободу от крепостной зависимости — это уже не общее место. И так же, как у Пнина, у Анастасевича вопрос о собственности неотделим от уничтожения рабства, перерастает в вопрос о крестьянской собственности на землю. Как и у Пнина, у Анастасевича вопрос о просвещении неотделим от задачи приуготовления «для России россиян, а не иностранцев» и не должен служить препятствием к освобождению крестьян. В рассуждениях Анастасевича об «истинном просвещении» несомненны отзвуки мыслей Пнина.

Мы не располагаем документами, которые доказывали бы знакомство, а тем более близость Анастасевича и Пнина, демонстрировали бы оценку Пнина Анастасевичем, личное влияние Пнина. Пнин служил в департаменте министерства народного просвещения, И. И. Мартынов был его начальником и старым приятелем. В главе первой мы уже касались связей Анастасевича с Мартыновым и того, что оба они принимали непосредственное участие в разработке и реализации начинаний нового министерства. И Анастасевич, и Пнин печатались в одних и тех же жур-

налах. Впрочем, для воздействия на Анастасевича книги Пнина совершенно не обязательно его личное влияние. И суть даже не в том, действительно ли влияла на Анастасевича именно книга Пнина — суть в самой аналогии их взглядов и устремлений.

Аналогия с Пниным не может быть, однако, проведена до конца. Иная социальная позиция, иной — следующий — этап русской исторической действительности определили и серьезные отличия общественно-политических взглядов Анастасевича. Идея сословной монархии Пнина претерпевает у Анастасевича значительную метаморфозу.

Прежде чем перейти к материалам, позволяющим это утверждать, необходимо остановиться еще на одной возможной аналогии — иного рода.

Нами было уже сказано, что вопрос о собственности неотделим в записях Анастасевича от вопроса о крестьянской собственности на землю. О крестьянской собственности на землю думали Радищев, Пнин, декабристы. С другой стороны, понятием крестьянской собственности оперировали и В. Стройновский, и В. Н. Каразин; понимали они под этим прикрепление крестьян к земле, с введением обязательных и обусловленных повинностей по отношению к помещикам. Понятием крестьянской собственности оперировал и М. М. Сперанский.

Сперанский был — правда, недолго — начальником Анастасевича по Комиссии составления законов. Бумаги Сперанского, после его высылки из Петербурга, попали в руки А. И. Тургенева, младшего члена Совета Комиссии. Казалось бы, есть основание предположить, что в какой-то мере содержание проектов Сперанского могло дойти до Анастасевича. Но следует учесть, что хотя Анастасевич служил в Комиссии много лет, повышался в чинах, а последние годы был одним из ее редакторов, т. е. старших служащих, он оставался рядовым работником настолько, что в специальном исследовании, посвященном деятельности Комиссии, его имя даже не упоминается. Как велика была пропасть между либеральным сановником А. И. Тургеневым и бедным чиновником Анастасевичем, иллюстрирует такой факт: в 1814 г., для того, чтобы получить нужный ему документ, который, как он предпола-

гал, может добыть только А. И. Тургенев, Анастасевич обращается не к нему — долголетнему своему сослуживцу и в какой то мере начальнику, а к А. И. Михайловскому-Данилевскому, чтобы тот помог ему «через друга» своего, А. И. Тургенева²⁹. Поэтому ясно, что проекты Сперанского, обсуждавшиеся лишь в самых высоких сферах, а частично не доходившие и до такого обсуждения, были, конечно, Анастасевичу неизвестны.

Практическим предложениям по крестьянскому вопросу В. Стройновского Анастасевич если и сочувствовал в 1809—1811 гг., то в 1814 году он уже ими не мог обольщаться — мы уже приводили (стр. 89) его отрицательное мнение о результатах указа о свободных хлебопашцах.

С В. Н. Каразиным же у Анастасевича были самые длительные и дружеские отношения, начиная с 1804 г. и вплоть до окончательного удаления Каразина из Петербурга в 1820 г. (переписывались они и впоследствии, хотя редко — см. об этом в письме И. М. Снегирева Анастасевичу от 17 февраля 1828 г.³⁰. Близость к Каразину — один из серьезных доводов для отнесения Анастасевича советской историографией в лагерь реакции.³¹

Поэтому участь «возможность влияния Каразина на Анастасевича во взглядах на крестьянский вопрос совершенно необходимо, тем более, что этот вопрос был коньком Каразина.

Что же понимал Каразин под крестьянской собственностью? Сугубо «либералистски» Каразин не раз подчеркивал свое убеждение, что земля есть собственность народа, наравне с помещиками, что помещики всегда были только распорядителями земли и других угодий; Каразин возмущался попытками отнять земли «у народа, которому они принадлежат, поелику в поте лица из века оные возделывал»; утверждал, что он не рассматривает своих людей как собственность и не видит пользы для себя считать зависимость своих крестьян рабством. Исходя будто бы из этих положений, Каразин предлагал (и ввел у себя в имении) передачу крестьянам в наследственное пользование земельных наделов, утверждая, что система эта обеспечивает «права человечества» в помещичьих крестьянах, вводит у них собственность, ставит пределы

их зависимости. За предоставляемый ежегодно капитал в виде земли, усадьбы и пр. крестьяне должны были работать на Каразина 150 дней в году (т. е. в точности по указу Павла I о трехдневной барщине) или платить в год 45 р. (т. е. примерно в два раза больше среднего оброка тех лет). По прошествии 10 лет крестьянам разрешалось закладывать и даже продавать участки, но только «земледелец или покупатель... должен уже быть или сделаться жителем моего села», и новые владельцы обязывались теми же условиями помещику. При этом помещик оставался, по выражению Каразина, «наследственным чиновником, которому верховная власть, дав землю для населения, чрез то вверила <...> попечение о людях (поселениях), на оной жить имеющих, и за них во всех случаях ответственность, <...> одним словом, в отношении к государству, он есть их генерал-губернатор в малом виде», т. к. «помещики для благоденствия селений земледельческих почти столько же нужны, сколько монарх для подданных вообще». Каразин даже допускает пролажу помещиком людей другим «наследственным полицмейстерам». Как видим, у Каразина были все основания заявлять, что он не имеет причины раскаиваться во введении у себя такого порядка.³²

И можно легко понять Н. И. Тургенева, которого Каразин «не пленил» рассказами об устройстве своей деревни. В письме брату Сергею Н. И. Тургенев писал 30 ноября 1820 г.: «Каразин читал мне устав, которым он управляет своею деревнею. Я видел, что этот устав должен быть разорителен для крестьян. Харьковские жители подтверждают это».³³

Ни о каком «своеобразном крепостном демократизме» каразинских проектов, поэтому, говорить не приходится. Считать, как это утверждал И. Г. Блюмин, что у Каразина «передовые, прогрессивные идеи, по существу направленные против крепостного права, облекались в весьма реакционную крепостническую форму» — это значит перевертывать все с ног на голову. И если уж говорить о «маскараде», то скорее в противоположном смысле: весьма реакционные крепостнические идеи облекались Каразиным в будто бы прогрессивные формы.³⁴

Зная об активности и настойчивости Каразина в пропаганде своих мнений, о свойственной ему напористости, превращавшейся подчас даже — мы бы сказали — в хлестаковщину, трудно поверить, что эти каразинские идеи не повлияли на Анастасевича, столь склонного, к тому же, серьезно размышлять над всем, что бы и кем бы ему ни говорилось. Такому предположению противоречит, однако, не только обличительный смысл всех обычных отзывов Анастасевича о дворянстве. Противоречит и явно неодобрительная оценка им позиции Каразина в крестьянском вопросе, высказанная в поздней заметке Анастасевича, написанной им для И. Е. Бецкого в 1843 г.³⁵ И все таки было бы рискованно делать какие-либо положительные выводы, если бы в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина не сохранился следующий автограф Анастасевича, возвращающий нас к вопросу о дальнейшем развитии его общественно-политических взглядов:

ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ СВОБОДЫ КРЕСТЬЯН

1818

Для В. Н. Каразина, но другие мои мысли по сему предмету.

1. Цена души с ее участком по тому, как закладываются в банке, или средняя цена между закладной и продажной на воле.

2. Всякий выкупившийся двор или семья делается полным гражданином, подлежащим общему закону по роду действия, а не по состоянию или званию.

3. Дворянин, купец, мещанин, поселянин — все, как граждане одного государства, равны перед Законом. Посему все особенные суды, тильдии, цехи, пожирающие доходы общественные, не нужны. Люди награждаются по своим заслугам, и наказываются по своим преступлениям, следственно и судятся не по чинам, а по делам их перед общим судьей, а оберегаются общей полицией.

4. Судьи должны избираться также не по чинам, а по сведениям в законе. Непременность их места до-

ставляет им более опытности, доверия и уважения. Он отвечает за нарушение закона, а не за мнение. Впрочем, должен быть где либо конец и этому.

5. Судопроизводство и все акты должны быть каждому отверсты. Хранители их отвечают за целость. Меньше средств к подлогам, облегчаются справки. Теперь больше грамотных, следственно меньше дела с лицами свидетелей. Нужны только правила получения верных свидетельств.

6. Уменьшение <нрзб.> ныне пошлин при покупке земельной собственности ободрит приобретателей оной, а казне вознаградится сей для нее в <нрзб.> доходов маловажный и мнимый убыток сторицею от оживленного земледелия и умножением чрез то государственного богатства.

7. Дворянство чрез разрешение в с я к о м у иметь собственность, какую они ныне почти одни имеют, как будто монополисты, приобретет (разумеется, без собственных заслуг) гораздо большее число покупателей, и при вольном соискании имени получат справедливую свою цену. Находящиеся ныне безоплатными должники удовлетворят кредиту, приведут в известность свое состояние, и земледелие, доставшись в руки рачительных хозяев, процветет сторицею.

8. Все казенные имения, в том числе и удельные, подходят под сей же распорядок.

9. Владельцы вообще — дворяне и все прочие звания ведаются о собственности одним путем. На сей случай закон должен быть ясный и судопроизводство кратчайшее. Число инстанций соразмерно достоинству предмета. Высшее звание в обществе не должно давать права в угнетении низшего согражданина.

10. Купечество и ремесленники по промыслам своим разбираются пред братьями, а по злодеяниям пред общим судом, чтоб не было *status in statu*.^{*36}. Все эти замечания Анастасевича, как небо от земли,

---

* Государство в государстве (лат.).

отличны от представлений Каразина о положении «свободных» крестьян.

Документ этот, правда, оставляет нас в неведении, как представлял себе Анастасевич самый ход освобождения крестьян. Неясно также, что подразумевает он под «участком» — только усадебный участок, как это было, например, во втором (или, по другому счету, третьем) варианте конституции Никиты Муравьева, или же какой-то небольшой надел — как в третьем (или, по другому счету, четвертом) ее варианте. Скорее, все таки, последнее, поскольку замечания свои Анастасевич противопоставляет каразинским проектам, где речь шла именно о наделах. Не раскрыт и характер выкупных операций, хотя следует отметить установление максимума выкупной цены. И все же документ этот свидетельствует о том, что для 1816—1818 гг. мысли Анастасевича по крестьянскому вопросу были максимально радикальны — хотя об их революционности не приходится и говорить. Только значительно позднее аграрный проект Н. И. Пестеля — вторая редакция «Русской правды», да критика в «Северном обществе» конституции Никиты Муравьева шли дальше.

Центр тяжести этого документа — в программе ликвидации феодально-крепостнических порядков, в программе капиталистического пути развития России, оставляющей далеко позади сословную монархию Пнина.

В 1818 году особенно усилились толки о предстоящих государственных реформах; полиция доносила о слухах «об уничтожении рабства и о вольности крестьян». Усилившиеся крестьянские волнения, проведенное незадолго до этого «освобождение» крестьян в прибалтийских губерниях (кстати говоря, по заслугам оценивавшееся Анастасевичем — как это можно заключить из ответного письма Евг. Болховитинова от 16 августа 1818 г.), речь Александра на польском сейме питали подобные толки. Возможно, что в общество просачивались слухи о проектах реформ, разрабатывавшихся в это время по поручению Александра. В 1818 г. вышли книги Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», К. И. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства» и первая часть курса А. П. Куницына «Естественное право».

Все это объясняет, почему именно в этом году Анастасевич — может быть, в споре с Каразиным — сформулировал и свои мысли. Но обдумывал он их не первый год; возможно, что имелись, но нам остались пока неизвестны или вовсе не сохранились, материалы более широкого характера. По крайней мере уже в 1815 г. Каразин отправил ему любопытное письмо, касающееся каких то далеко шедших социально-политических размышлений Анастасевича: «Пишу в постеле, любезнейший Василий Григорьевич, и потому совершенно без всяких церемоний буду отвечать на письмо ваше. Сообщенные вами мне мысли на бумаге останутся мне одному известны: в том вас уверяю всем, что есть свято! Но для чего нужно, чтоб я имел дополнение к тому, что уже вы мне дали; дополнение, конченное в тех началах точно, которое вы мне объяснили на словах, без малейшей перемены. А это вот на какой конец; я хочу убедить вас в той великой для меня самой истине, что дабы создать план государственных перемен, мало еще доброй воли и порядочного умозрения, а надобно многое видеть на самом деле, надобно самому на себе, так сказать, искутиться <...>. Любя и почитая вас искренне, желая вам успехов и добра, я хочу убедить вас (и вот на какой конец единственно, без возражений вас выслушивал), что произведение в действо вашего предложения произвело бы (при всей возможности и при особливом покрове божием!) такое замешательство в частном и государственном домоводстве, которое ничем бы уже поправить нельзя было. Только чур слушать»³⁷.

Доносчик по натуре, Каразин явно хочет, на всякий случай, заручиться «документиком», хоть и пишет закадычному приятелю. Но это как раз и позволяет думать, что размышления Анастасевича были не столь безобидны — что, впрочем, вытекает с достаточной убедительностью из самого текста письма Каразина.

Нам неизвестно, нашел ли Анастасевич другое применение своим проектам 1815 и 1818 гг., кроме ознакомления с ними реакционера и авантюриста Каразина. Но зато мы знаем, что принципиальные идеологические расхождения не помешали их длительной дружбе. Дружба эта вскоре, в 1820 г., вовлекла Анастасевича в конфликт

с наиболее передовыми людьми его времени — с литераторами декабристского лагеря.

§ 4

Исследованиями последнего времени окончательно и бесспорно доказано, что Вольное общество любителей российской словесности («Общество соревнователей просвещения и благотворения») было фактически одним из «вольных обществ», созданных Союзом благоденствия. Роспуск в 1821 г. этой тайной организации не изменил характера Общества — наоборот, оно как бы приняло на себя «функции распущенного Союза благоденствия по отрасли просвещения, изящной словесности и ученых упражнений».³⁸

Являясь своеобразной школой политического свободомыслия, Общество соревнователей широко вовлекало в свои ряды петербургских литераторов. Откровенные реакционеры, за единичными исключениями, если и не избегали Общества, то во всяком случае не работали в нем активно. Но наряду с передовыми писателями здесь подвизались также — пользуясь выражением А. А. Бестужева — «поползни». Левое крыло вело с этими «поползнями» систематическую борьбу.

Анастасевич был принят в Общество соревнователей в качестве действительного члена в 1819 г. и, как видно из архива Общества, на первых порах очень добросовестно отнесся к своим обязанностям. Особенно интересовался он журналом, «Соревнователем просвещения и благотворения», и в начале 1820 г. был избран в т. н. цензурный комитет Общества цензором (т. е. редактором) библиографии. Судя по письмам к нему Евг. Болховитинова, в 1819—1820 гг. Анастасевич принимал близко к сердцу дела журнала, старался о его распространении. С 1819 по 1825 гг. Анастасевич сравнительно часто печатался в «Соревнователе»; в отдельные годы посещал чуть ли не каждое собрание.

Участие Анастасевича в Обществе соревнователей явилось, однако, важным аргументом для доказательства реакционности его общественно-литературной позиции.

Б. С. Мейлах и В. Г. Базанов раскрыли политический смысл внутреннего конфликта, разыгравшегося в Обществе в 1820 г. в связи с выступлением в собрании 1 марта вице-президента В. Н. Каразина и закончившегося вынужденным уходом Каразина из Общества. Впервые реакционный смысл этого выступления Каразина был отмечен Н. К. Кульманом еще в 1908 г.³⁹

Изложим вкратце этот эпизод по книге В. Г. Базанова.

В собрании соребнователей 1 марта 1820 г. Каразин читал рассуждение «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России». В рассуждении этом Каразин призывал членов Общества к «более мужественным занятиям», чем писание шарад, стихов в альбом и соблазнительных элегий, критиковал некоторых поэтов за отсутствие «возвышенной цели», действующей на сердца и умы сограждан. Речь эта была внешне посвящена «необходимости иметь самобытную литературу, способную отражать прошлое и настоящее России, воспитывать чувство национальной гордости». Вместе с тем, Каразин свое рассуждение о литературе связал с «политическими предметами», иронизировал над «любимыми основаниями наших писателей» — мнимыми, по его словам, правами человека и свободой совести.

«Рассуждение» Каразина было одобрено «по литературным достоинствам», хотя и не все голосовали за это одобрение. В чрезвычайном же заседании 15 марта вместо обсуждения практических предложений Каразина об улучшении «Соребнователя...» развернулись ожесточенные прения. За прошедшие 2 недели Каразин напечатал свою речь отдельной брошюрой, причем, как выяснилось на заседании, в части экземпляров добавил примечание, представлявшее, по существу, намек на республиканские симпатии некоторых членов Общества. Левое крыло выступило против Каразина, правое — за него, сказано у Базанова. Протокол чрезвычайного заседания формулирует: «председатель Общества предложил на благоуважение гг. членов поступок г. Каразина, заключающийся в том, что он читал сие оскорбительное для общества рассуждение <...>, напечатал с вариантами, для общества предосудительными, без позволения сего сосло-

вия, пустил экземпляры в публику и через правительственное место поднес оное и попечителю графу В. П. Кочубею. А как г. Каразин, объявив, что рассуждение его по литературному достинству в заседании 1 марта избрано, просил разрешения, примет ли его общество как предложение; то по сему произведено было баллотирование, по коему рассуждение сие большинством голосов отвергнуто. Когда же общество приступило к рассмотрению поступка г. Каразина, тогда он и гг. члены И. М. Лобойко, князь А. И. Цертелев, А. П. Гевлич, А. Ф. Рихтер, Б. М. Федоров, В. Г. Анастасевич и Д. В. Сахаров самовольно оставили собрание, объявив, что они после сего не могут быть в обществе». Остальные члены единогласно определили сделать Каразину строгое замечание, заменить его на посту вице-председателя давшим на это согласие А. Е. Измайловым и внести в журнал поступок «гг. членов, самовольно вышедших из собрания», предоставив на их усмотрение «оставить навсегда общество».

Обсуждение поступка Каразина было возобновлено на следующих собраниях. «Правые» заявляли, что Общество по отношению к Каразину допустило явную несправедливость, предлагали прекратить спор, уничтожить соответствующие журналы заседаний и пригрозили коллективным уходом из Общества. «Под давлением такой значительной группы действительных членов, — пишет В. Г. Базанов, — Глинка, Никитин, Кюхельбекер и Греч должны были пойти на уступку и уничтожить «памятники раздора».

Далее В. Г. Базанов доказывает, что конфликт в Обществе соревнователей представлял собой, по существу, защиту передовой русской литературы, А. С. Пушкина в первую очередь, и самого Общества от опасного врага, которым оказался Каразин. Защита эта была настолько активной, что неожиданный итог — арест Каразина и удаление его из Петербурга — можно рассматривать как дело рук Ф. Н. Глинки.⁴⁰

Поддержка Анастасевичем Каразина в этом конфликте дала серьезные основания и Б. С. Мейлаху и В. Г. Базанову рассматривать его как одного из реакционных членов Общества соревнователей. Не учитывать объек-

тивного смысла позиции Анастасевича, обходить молчанием самый факт поддержки Каразина в его столкновении с прогрессивными литераторами невозможно. Между тем именно так и обстоит дело в истории русской библиографии — хотя известен этот факт уже с 1908 г.

Тем не менее, при всей убедительности картины, нарисованной Б. С. Мейлахом и В. Г. Базановым, картина эта во многом неточна.

За выступлениями против Каразина Ф. Н. Глинки, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, А. А. Никитина, П. А. Плетнева и др. действительно скрывалось не отстаивание чести Общества и не оскорбленное самолюбие затронутых Каразиним поэтов (как думал дореволюционный исследователь С. Л. Брайловский);⁴¹ за этими выступлениями скрывалось возмущение политическими выпадами Каразина и его — фактически — доносом на Общество, на его левое крыло. Удаление Каразина с поста вице-президента и его, по существу, исключение из Общества (хотя формально он сам прекратил посещение собраний) было сознательным политическим шагом со стороны Ф. Н. Глинки, А. А. Никитина и многих поддерживавших их членов. В этом Б. С. Мейлах и В. Г. Базанов безусловно правы.

Насколько, однако, столь же сознательной политической демонстрацией было поведение защитников Каразина? Действительно ли они были столь сплоченным «правым крылом», как получается у Б. С. Мейлаха и В. Г. Базанова, а Каразин был кандидатом в президенты от правого крыла Общества? Такой ли уж ясной и определенной была расстановка литературно-общественных группировок в 1820 г. в петербургских литературных обществах? — вот во всем этом можно усумниться.

В сугубо четкой картине расстановки общественных сил, нарисованной Б. С. Мейлахом и В. Г. Базановым, есть значительный элемент модернизации, упрощающей истинное положение вещей. Исследователи преувеличили степень политической сознательности рядовых петербургских литераторов начала XIX в. и увидели вполне завершившееся общественно-политическое расслоение там, где оно только намечалось.

Фактические детали, приведенные в книгах Б. С. Мейлаха и В. Г. Базанова, подчас требуют уточнения, а иногда — иного истолкования. Между тем именно эти детали, взятые в совокупности, и создают столь убедительную картину четкого политического расслоения среди петербургских литераторов начала 20-х гг.

Так, по словам Б. С. Мейлаха, после высочайшего утверждения Общества соревнователей 1818 г., оно «принуждено было <...> открыть широкий доступ в него для правой части литераторов <...> например, Б. М. Федоров, И. А. Цертелев, Д. А. Воронов, гр. Хвостов и др.»⁴² В действительности правые литераторы и раньше участвовали в Обществе. Даже из перечисленных самым же Б. С. Мейлахом, Воронов и Хвостов были членами Общества с 1816 г.; до 1818 г. состояли в Обществе Гевлич, Лобойко — несомненно «правые».

Так, например, по словам В. Г. Базанова, в другом литературном объединении 10-х—20-х гг., в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств была правая группа писателей, куда входили Б. Федоров, Д. Воронов, В. Панаев, П. Яковлев, В. Каразин, В. Анастасевич, И. Лобойко, в какой-то мере А. Е. Измайлов, бессменный председатель Общества⁴³. Но Анастасевич никогда не был членом этого общества и ни разу не посетил даже его собраний.

По словам В. Г. Базанова, «в 1820 г. состоялся своеобразный обмен членами: левые переходят из общества Измайлова в Вольное общество любителей российской словесности и, наоборот, правые из Общества соревнователей переключиваются в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств».⁴⁴ Но далее сам же Базанов пишет лишь об ослаблении и усилении активности тех и других — соответственно — в обоих обществах. Однако даже это не вполне точно. В действительности правые писатели усердно посещают собрания соревнователей и во второй половине 1820 г., и в 1822—1823 гг. С другой стороны, В. Г. Базанов приводит данные о Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, из которых видно, что в 1820 г. Глинка присутствовал на собраниях этого общества всего 3 раза,

Кюхельбекер и А. А. Бестужев по 4 раза, Никитин — 2 раза, а в 1823 г. Глинка, Бестужев и Кюхельбекер не были вовсе, Дельвиг и Плетнев — по одному разу. Но вся эта арифметика мало что доказывает. И до 1820-го года перечисленные писатели не так уж часто посещали собрания Общества Измайлова. Глинка и Никитин, как президент и секретарь соревнователей, естественно, больше уделяли внимания своему Обществу; однако, например, О. Сомов, близость которого к декабристам общеизвестна, в 1820 г. посетил собрания соревнователей 8 раз, а общество Измайлова — 16 раз; А. А. Бестужев, соответственно, — 2 и 4; Кюхельбекера как известно, в 1823 г. в Петербурге не было, и аргументировать его именем никак не приходится.

Если привлечь более показательные данные — чтения в собраниях Общества соревнователей, то оказывается, правые — В. Панаев, Цертелев, Хвостов и др. были довольно активны и в 1821, и в 1822 году.

Положение об обмене членами надо понимать только в самом общем плане. Постепенно крепло декабристское крыло соревнователей; приняты были А. О. Корнилович, К. Ф. Рылеев, Н. А. Бестужев; руководящая роль перешла к ним, и лишь в 1824 году декабристы, действительно, вытеснили консервативно настроенных членов. Постепенно покидали декабристы Общество Измайлова. Но даже в 1824 г. К. Ф. Рылеев выступил с имевшей большое принципиальное значение рецензией на «Мнемозину», а Кюхельбекер — с полемической статьей против «Сына отечества» в журнале Измайлова «Благонамеренный». Тем более нельзя говорить в такой категорической форме о расслоении петербургских литераторов применительно к 1820 г., и конфликт с Каразиным вовсе не произвел такого решающего впечатления на петербургских литераторов.

По словам Б. С. Мейлаха и В. Г. Базанова, в чрезвычайном заседании 15 марта 1820 г. в защиту Каразина выступали «правые». В списке их числятся Д. В. Сахаров и А. Ф. Рихтер. Поинтересуемся, что пишет о Сахарове в другом месте своей книги сам же В. Г. Базанов. О речи Сахарова «Об успехах просвещения в новейшие

времена», произнесенной в обществе в 1818 г., читаем: «Сахаров говорил об успехах французских просветителей, о важности политических наук, называя имена Рейналя, Монтескье, Бентама, Беккария и Адама Смита. Коллежский секретарь Д. В. Сахаров был знаком с настольными книгами декабристов <...> «Человеколюбие» (говорил Сахаров) пробудилось в сердцах людей: они вооружились против нарушителей прав природы — и негры заняли должное место на степенях человечества» <...> Несмотря на ряд оговорок, касающихся французской революции, Сахаров доказал своей речью ревность к просвещению и понимание задач «сего сословия». ⁴⁵ 3-го мая 1820 г., в самый разгар конфликта, Сахаров читал в Обществе свое сочинение «О Петре I», напечатанное впоследствии в «Соревнователе», и опять таки вполне отвечавшее передовому духу «сего сословия».

Еще более любопытны данные о титулярном советнике А. Ф. Рихтере. Справедливо пишет В. Г. Базанов, что оссианизм, как и обращение к образу Бояна, для декабристов, для прогрессивного романтизма был пропагандой высокой патриотической поэзии. «Образ народного песнопевца поэты-декабристы противопоставляют поэтам с эпикурейскими и лирическими темами, так же как и «Слово о полку Игореве» они противопоставляют субъективной лирике карамзинистов, отказывавшихся от тем большого общественного содержания и замкнувшихся в мир личной скорби». Именно эти идеи оказываются основным содержанием рассуждения А. Ф. Рихтера, читанного в 1821 г., «О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков». Столь же близкими к декабристскому прославлению Новгорода и Пскова, как очагов древней свободы и сохранения истинно-национальных нравов, являются мысли Рихтера в статье «Влияние монголов на Россию» (1821 г.) и в его письмах. В 1824 году Рихтер поддерживает А. А. Бестужева против гр. Хвостова и высмеивает Б. М. Федорова и А. Е. Измайлова. Наконец, в 1825 г. Рихтер своим переводом «Опыта истории инков» помогал декабристской пропаганде, так же как помогали ей Сомов, Григорьев, Туманский, когда писали о греческом восстании: «Появление в 1825 году

переводной статьи Рихтера в журнале «ученой республики» вполне соответствовало рылеевским настроениям». ⁴⁶

Опять таки сам же В. Г. Базанов отмечает на стр. 170 своей книги, что в числе подписавших коллективное заявление с угрозой ухода из Общества был О. Сомов — явно прогрессивная в это время фигура. И не характерно ли, что увлеченный своей концепцией об окончательном размежевании двух обществ в 1821 г., В. Г. Базанов забывает на стр. 218 о том, что он писал на стр. 168 и 170: «Из старых членов Общества, *принимавших непосредственное участие в полемике с Каразиным*, продолжают сотрудничать и разделять взгляды «ученой республики» А. А. Никитин, В. К. Кюхельбекер, О. М. Сомов, П. А. Плетнев, П. И. Кеппен, Н. И. Греч и Д. В. Сахаров». (Курсив наш. — М. Б.)

В. Г. Базанов считает, что критика Каразиным «легкой поэзии» была направлена против Пушкина и его друзей. Очевидно, это так и было. Но воспринимали эту критику члены Общества вовсе не столь определенно. Сравним, например, обширное выступление в собрании 15 марта М. Н. Загоскина. Слегка иронизируя по поводу преувеличенного представления Каразина о «взорах всей России, обращенных» на «Соревнователь просвещения и благотворения», Загоскин в общем одобрил его мысли по поводу «легкой поэзии»; но при этом никаких признаков критики в адрес «левого крыла» в выступлении Загоскина мы не обнаруживаем. В числе покинувших заседание он также не оказался, хотя к «левому крылу» его никак не отнесешь. В заявлениях Хвостова и Лобойко, покинувших заседание 15 марта (но, между прочим, уходом из Общества вовсе не угрожавших) ясно видна, главным образом, забота о «чести» Общества, подрываемой несогласиями. ⁴⁷

Подписал заявление от 2 июня и А. Е. Измайлов — однако в собрании 15 марта не только подавший голос за порицание Каразину, но и выбранный единогласно вице-президентом. Правда, вскоре он «вооружился» против Общества соревнователей, но все же самый факт избрания его 15 марта взамен Каразина свидетельствует,

что конфликт не воспринимался членами Общества во всей его глубине.

Очевидно, что поддержка Каразина в конфликте 1820 г. сама по себе еще не дает оснований зачислить каждого из участников этой демонстрации в «правые», а тем более в реакционеры.

Анастасевич, в частности, оказался упорнее других. До конца 1820 г. он так и не посетил собраний Общества (за 1821 г. сведения не сохранились). Остальные покинувшие собрание 15 марта члены Общества еще до завершения конфликта возобновили свои посещения и чтения — Анастасевич же отказывается от звания цензора библиографии и собирается вместе с Каразиным издавать журнал «Друг просвещения» в пику «Соревнователю». Означает ли это, что его позиция была наиболее реакционной? Конечно, нет. Личная дружба с Каразиным, обида за Василия Назарьевича и вообще за старшее поколение, осмеянное молодежью, определила его поведение. Это ясно видно из писем Болховитинова 1820 г. Житейски практичный Болховитинов издевался над Каразиным и Анастасевичем: «Итак, мое предсказание над В. Н. и вами сбылось в обществе соревнователей <...>. Итак, поздравляю вас, что мнимые ваши ребятишки высекли своих учителей. Но сим, думаю, еще не кончится. Что ни пишете вы, что будто по городу их осуждают, а я больше верю, что везде над вами смеются, а до начальства доведут уже в карикатурном виде. <...> А вас не станут принимать в ученые общества. Прочие же, теперь вас тешащие уверением, что будто и они не хотят быть общества членами, изменят вам и возвратятся в заседания». Или: «Писавши вам прежде о возможности соревнователей оболгать вас и у высшего начальства, я как будто угадал, судя по тому, что вы сами теперь мне о сем пишете. Крамольная молодежь всегда больше стариков успевает, потому что она крикливее их и больше имеет на своей стороне дерзких. А шум и по всей натуре больше обращает на себя внимания, нежели безмолвная тишина <...>. Я рад, что соревнователи раскаялись в своем пьяном протоколе» и т. п.⁴⁸ По всем этим ответам на несохранившиеся письма Анастасевича можно, конечно,

догадаться о брюзгливо-старческом тоне в его отношении к левому крылу сореvнователей — но не больше. И даже выражение «крамольная молодежь» в ряду таких эпитетов, как «крикливые», «дерзкие», «пьяные» трудно понять в прямом политическом смысле — да, собственно, у нас ведь и нет оснований считать эту характеристику принадлежащей Анастасевичу.

Следует отметить, что, поддерживая Каразина, Анастасевич тем не менее не последовал за ним в Общество Измайлова и через некоторое время примирился с сореvнователями.

Из эпизода с выступлением Каразина можно сделать вывод, достаточно определенный при всей его внешней расплывчатости: говорить об Анастасевиче как о реакционном литераторе — подобно тому, как это мы говорим о Хвостове, о Федорове, о Цертелеве — рассмотренные материалы оснований не дают; однако ничего положительного к тому общественному облику Анастасевича, который вырисовывается из предыдущего изложения, материалы эти также не прибавляют.

Правда, в позднем воспоминании о Каразине Анастасевич высказал прямое политическое осуждение врагов Каразина в Обществе сореvнователей: «<...> вооружение против себя Общества сореvнователей (рушившегося 14 декабря 1825 года), в котором был почти общий на него заговор за статью об ученых обществах (самой неприятной сцены я сам был свидетелем в бурном оногo же Общества заседании, из коего и я тогда же вышел вместе с Василием Назарьевичем, давно заметив, что там многие члены таились от непричастных с чем-то недобрым)»⁴⁹. Нельзя забывать, однако, что это писалось в 1843 г.; Анастасевич явно пытается здесь себя обелить — можно, действительно, подумать, будто он покинул Общество сореvнователей задолго до событий 14 декабря. Между тем, в 1822 и в 1823 гг. он очень активно участвовал в Обществе, в 1822 г. он после Глинки, Никитина и Рылеева усерднее всех посещал собрания, в 1822 и 1823 гг. неоднократно читал там переводы и собственные статьи, печатался в «Сореvнователе».

И только лишь в 1824—1825 гг., когда деятельность

Общества соревнователей приняла откровенно декабристский характер, активность Анастасевича резко падает, в делах Общества мы не встречаем больше его имени.

Однако, дело в том, что в это время падает активность вовсе не только консервативных членов Общества соревнователей. В связи с тем, что литературная деятельность декабристов приобретает все более революционный характер, в конце 1823—1824 гг. появляются признаки размежевания и в рядах передовых литераторов. Как формулировал Ю. Г. Оксман, начинается «процесс отхода либерально-настроенных литераторов от писателей революционного лагеря». К этому времени, например, относится отход от К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева Дельвига и Плетнева; Рылеев и Бестужев порывают отношения с А. Ф. Воейковым.⁵⁰ Процесс этот нашел отражение и в деятельности Общества соревнователей — снижается активность и его либеральных членов.

Радикализм общественно-политических воззрений Анастасевича приобрел особенную остроту в годы усиления правительственной реакции; это одно уже не позволяет рассматривать его как обычного «либералиста». Но от революционного пути декабристских литераторов Анастасевич оказался также очень далек.

ГЛАВА 5

АНАСТАСЕВИЧ И ВОПРОСЫ ТЕОРИИ БИБЛИОГРАФИИ

§ 1

Теоретические вопросы библиографии находились в центре внимания Анастасевича уже с первых лет его активной литературной деятельности.

Статьи, посвященные целиком или частично библиографии, были напечатаны им в журнале «Улей» в 1811—1812 гг., в «Трудах Казанского общества любителей отечественной словесности» в 1815 г. и в журнале «Благонамеренный» в 1820 г. Мы имеем в виду следующие статьи:

«О библиографии», «Из французской библиографии. Барбье», «О начале ведомостей и повременных изданий (газет и журналов) в Европе», «О повременных изданиях», «О словесности (литературе)» и «О необходимости в содействии русскому книговедению».¹ Все эти статьи могут с полным правом рассматриваться как зарождающиеся библиографической теории в России.

Важнейшее положение, развивавшееся Анастасевичем — положение о критической библиографии как истинном начале библиографической деятельности. Анастасевич отказывается от привычной традиции вести начало библиографии от первых росписей книг «по названиям», хотя и не отрицает их пользы и даже видит в них некие зародыши «сей науки и памятники успехов тиснения». Но наукой о книгах, по его мнению, библиографию можно назвать только с возникновения журналов. «А сии-то трудолюбивые пчелы, с умножением книгохранилищ и по мере вновь издаваемых творений, посвятившие свои труды и время, чтоб, извлекая содержание или сущность оных, судом своим предохранять других от обмана по пышным только названиям книг, могут почестся основателями библиографии». Исходя из этого, Анастасевич рассматривает парижский «Журнал ученых» («Journal des Savants») как первое издание, положившее основание подлинно научной библиографии; перечисляет подобные издания в разных странах, особенно отмечая немецкие «ученые ведомости»; вскользь, в одном из примечаний, упоминает он и русские журналы (Академии наук), содержащие «ученые известия».

Вместе с тем Анастасевич подчеркивает высокие требования к библиографии. Тонкость вкуса, ученость и вежливость, «одна любовь к науке» должны руководить библиографами; ученый журнал должен быть «судилищем критики и вкуса». Хотя он и видит начало истинной библиографии в критических журналах, но вовсе ими не ограничивается.

Он исходит из той оценки значения книгопечатания, которая была дана деятелями эпохи Просвещения. «Со времени изобретения книгопечатания вид света переменялся. <...>. Ибо оно то быстрым расположением одного

предмета расторгнув узы однократности или многотрудного повторения рукописей, прежде связывавшие сообщение, с одной стороны открыло обильную жатву умам, а с другой надобность выбирать при таком изобилии полезных плоды, по суждению приобретших доверие к своему вкусу». Поэтому «библиографию можно почесть юною девою — дочерью обутревшего просвещения Европы».

Библиография, как средство учета успехов просвещения, причем учета, обеспечивающего и облегчающего критическое рассмотрение литературы, — основной тезис Анастасевича. «Есть ли бы дан был вопрос: какая часть наук преимущественно возделана в России?, то разрешающему оный необходимо нужно было бы сперва знать, по какой части находится у нас больше сочинений, и каким образом какой предмет представлен. Но как для сего неудовлетворительны будут одни названия книг, то ему предлежало бы иметь по крайней мере точное об них понятие, дабы сделать сравнение, а из того вывести свое заключение, которое послужило бы ответом. Поелику же самому извлечь из множества книг содержание и дать об них суд — есть труд несоразмерный с силами немногих людей, а тем паче одного человека: то следовало бы ему искать готового пути, то есть изображения сущности всех сочинений по их предметам. И сие то называется библиографией или книгоописанием, однако же только в теснейшем смысле».

Анастасевичу удалось найти слова, ярко и образно выражающие убеждение в общественной ценности труда библиографа — слова, и сегодня звучащие с той же силой: «Таковых трудов их [библиографов], по-видимому легких, чтоб только выписывать готовое, ни мало нельзя без несправедливости назвать ремеслом компиляторов, или, как просто говорится, живущих чужим добром. Но паче должно почесть истинною услугою для облегчения писателей и читателей, словарем творений, ручным и удобоносимым книгохранилищем, нитью Ариадны, руководствующею в неисходимом лабиринте толико многих и толико различных мнений разных веков и умов, иногда об одном предмете, — мнений. коих всякому зани-

мающемуся познанием оных надлежало бы самому искать в горах книг, для сличения с ними своего собственного, дабы вывести из того какое-либо заключение. Разве трудолюбивая пчела не заслуживает наше уважение за собиранье меду с толикою неусыпностью из бесчисленных полезных и вредных цветов, для составления приятного своего сота? — Разве искусный библиограф не достоин всей нашей благодарности за сбережение своим бдением нашего времени, за доставление нам средства, в краткие часы отдохновения, прейти обширное поприще сведений, собранных им под одну точку зрения?»

Бегло касается Анастасевич литературной критики в России и резко выступает против распространенных в журналистике начала XIX века методов разбора книг. «Выписать несколько строк, раскрыть книгу наудачу, схватить несколько слов и так сказать осиротить их, оторвав от смысла, поставить при них целый строй восклицательных и заключить тем, что книга дурно писана, не значит еще дать об ней надлежащее понятие, которого ищет читатель в разборе (анализе) или в рецензии». Объяснение распространенности подобной критики Анастасевич видит в недостаточной просвещенности и учености: «Везде, при малом числе ученых и просвещенных критиков роятся тучи грамотных насекомых, живущих только одними жалениями» и противопоставляет таким методам «ученую критику»: «Всякий журнал словесности и критический, чтоб мог назваться справедливым и заслужить доверенность, должен быть писан по примеру [«Журнала ученых»], сего произведения общества ученых, разделивших между собою предметы и предлагавших свое мнение о том, в чем кто был сам силен; ибо всеобъятности вовсе нет». Залогом справедливой оценки служат только специальные знания: «<...> огромные примеры [библиографического разбора] известны на французском и немецком языках, собранные многими летами и многими сотрудниками, не полиграфами, но приобретшими особенное имя, каждый по своей науке, и не обинуясь подписывающими оное на своих приговорах». Анастасевич писал о необходимости «единодушного сословия или общества, которое разделило бы <...> биб-

лиографический труд между своими членами по способностям и знаниям каждого в отношении к разным отделениям наук».²

С этим связана высокая оценка им реферата, как лучшего средства дать точное понятие о сочинении. «Выписки<...> или извлечения не что иное, как безобразный отрывок — клочок. Точное понятие о сочинении дает только сокращение, или уменьшение целого по размеру, дабы сохранить, как в миньятюре, надлежащее сходство всего с подробными частями». Это позволяет Анастасевичу назвать библиографию «сокращенною библиотекою, систематически представляющею ученые труды какого-либо народа или вообще всего ученого света».

Библиографию Анастасевич рассматривает, поэтому, как часть «ученой истории» (в статье «О словесности»). Впоследствии, в «Росписи» Плавильщикова, Анастасевич поместил «Библиографию» в отдел «История и География», рядом с «Историей ученой». ³

Существеннейшим моментом в разбираемых статьях Анастасевича надо считать также его трактовку систематического расположения материала в библиографических трудах. Из самого определения библиографии, данного Анастасевичем: «Книгописание или наука знать книги и по их содержанию полагать в приличных разрядах по общей или принятой системе»,—вытекало не просто указание на систематическое расположение, как один из библиографических приемов. Систематизация в библиографии вытекала из этого определения, как основной библиографический метод, как единственный, позволяющий достичь главной ее задачи—«изображения сущности всех сочинений по их предметам». Собственно только благодаря систематическому порядку, по Анастасевичу, библиография и превратилась в науку, поскольку этот способ, привлекая внимание на разные сочинения, приносит ту выгоду, что представляет читателю успех просвещения во всяком роде». Другой же способ, «азбучный порядок» — пишет Анастасевич, — «необходимо должен казаться обыкновенным словарем».

Заслуживает внимания постановка Анастасевичем, применительно к русской действительности, вопросов об

издании библиотечных каталогов и библиографической регистрации на основе незадолго до того узаконенного обязательного экземпляра.

Поднимал он (правда, не в печати) и проблему репертуара русской книги, причем характерно обосновывая культурно-историческое значение такого свода широкими, типично просветительскими чаяниями победы разума над заблуждениями. 23 июня 1814 г. Анастасевич писал Гречу по поводу его «Современной русской библиографии»: «Вы премного одождаете любителей науки помещением современной библиографии по порядку издания в свет книг. Может быть сие кого-нибудь побудит в таком же порядке расположить и издать погодно все доселе вышедшие у нас книги, тем паче, что едва только протекло сто лет от введения у нас гражданской печати, которую начались предаваться тиснению так называемые светские книги. Г. Сопиков изданием своего опыта рос. библиографии, 1-й части о изданиях церковной азбуки и рачительным трудом для изданий гражданских по алфавиту заслуживает истинную признательность в ином отношении. На первый случай, в каком бы порядке ни были собраны наши рассеянные памятники успехов просвещения, сие собрание всегда будет драгоценно и легко уже из готовых вещей строить по каталогу системы, которые только перемещают вещи, а не переменяют существа оных. <Нрзб.> приятною надеждою, что со временем люди больше будут доискиваться точного <означения?> по странам года и места издания какой-либо полезной книги, нежели выигранного даже оружием своей нации славнейшего сражения. Если то истинно, что у солнца не могут отнять света чрез все время тенистые, закрывающие его облака, — и разум должен когда-либо восторжествовать над заблуждением»⁴.

Наконец, Анастасевич выдвинул задачу библиографирования журнальных статей. В 1820 г., в «Благонамеренном», он предложил организовать такое библиографирование силами специального общества. Постановке им этого вопроса в печати предшествовали пространные рассуждения, беседы, письма и различные проекты, отраженные в записных книжках. Анастасевич пишет об отборе л у ч -

Во вторыхъ, время употребляемое нынѣ часто понапрасну для нѣсколькихъ красивыхъ переводовъ уже переведенныхъ спашей, или мѣлкихъ сочиненій о какихъ либо открытіяхъ, и т. п. сэкономлено было бы для перевода еще неизвѣстныхъ намъ на Россійскомъ языкѣ предметовъ. Въ третьихъ, при недостаткѣ у насъ исключительнаго критическаго обзоренія Россійскихъ книгъ, оно составилось бы изъ многихъ сего рода спашей, помѣщенныхъ въ разныхъ нашихъ журналахъ.

Но сіе предпріятіе, превышая силы не только одного человѣка, но и многихъ прудящихся порознь, требуетъ единодушнаго сословія, или общества, которое раздѣлило бы такой трудъ между своими членами по способностямъ и знаніямъ каждаго, въ отношеніи къ разнымъ отдѣленіямъ наукъ.

20 Марта 1820.

В. Анастасевичъ.

~~~~~

Рис. 5. Страница журнала «Благонамеренный» (1820 г.) со статьей В. Г. Анастасевича

ш и х статей из повременных изданий с 1755 г. При этом, одобрительно ссылаясь на опыты П. И. Кеппена, Шторха и Аделунга, на указатели к «Трудам Вольного экономического общества» и оглавления «Духа журналов», Анастасевич имеет в виду, однако, обозрения, приближающиеся к критическим.

Помимо важности намечаемого им труда для рационализации — употребляя термин сегодняшнего дня — литературной и научной работы, Анастасевич подчеркивает в этой статье важность библиографии журнальных статей для выяснения состояния научной и художественной литературы на русском языке, о чем, по его словам, не только иностранцы, но и русские имеют весьма недостаточное представление. Кроме того — и это вновь возвращает нас к взглядам Анастасевича на место критической библиографии — он отмечает «<...> при недостатке у нас исключительно критического обозрения российских книг, оно составилось бы из многих сего рода статей, помещенных в разных наших журналах». ⁵ Так Анастасевич намечает связи между библиографией и критикой.

Предложение же организовать коллективную библиографическую работу обгоняло возможности эпохи.

§ 2

В основе рассмотренных статей Анастасевича лежало различие «библиографии в теснейшем смысле», т. е. описания книг и классификации, и библиографии в широком смысле — как знания книг (включая сюда то, что в наше время понимается под историей книги). Это различие, общепринятое в европейской библиографии XVII—XVIII в., наиболее подробно было развито во Франции.

В конце XVIII и в первые годы XIX в. во Франции успешно разрабатывались теоретические вопросы библиографии. Существенно, что вопросы эти не только трактовались в библиофильской, книготорговой и библиотечной среде, как это было раньше, но и привлекали внимание Национального института наук и искусств, а в первой половине 90-х годов даже фигурировали в докладах Конвенту. Именно во Франции в это время имели место

первые опыты преподавания библиографии и первые попытки создания учебников. Совершенно естественно, что Анастасевич, так серьезно размышлявший над вопросами библиографии, использовал полезный материал, который предоставляла ему современная французская теория и практика; в своей трактовке этих вопросов он опирался на положения французской библиографии, завоевавшей гражданские права в качестве особой дисциплины, хотя еще и весьма туманно очерченной.

Однако, сопоставляя со статьями Анастасевича работы современных ему французских библиографов (и тех, на кого он ссылается, и тех, кого он не называет — Амейона, Ашара, Барбье, Брюне, Буляра, Дону, Камю, Лера, Парана, Пенью, Фурнье), мы видим, насколько в своих суждениях отошел от них, и, как нам представляется, ушел вперед Анастасевич.

При всем старании, с которым большинство перечисленных французских библиографов подчеркивало, что библиографическое знание книг — это знание не только их титулов и внешности, но и их содержания; как ни иронизировали они над библиографами — «зарывателями книг» и библиоманами, ценящими книги только за фронтисписы или старинные даты, — все же налет библиофильства окрашивал их рассуждения. Только очень немногие — и как раз наименее популярные, больше ученые, нежели библиографы (Амейон, Дону, Камю) — были свободны от интереса к курьезам и редкостям. Система же взглядов Анастасевича не оставляла никакого места библиофильству.

Да и само понятие содержания книги Анастасевич трактует глубже, чем большинство французских библиографов, сводивших знание содержания к знанию предмета — хотя и доскональному знанию. Только Камю, вообще опередивший своих современников в требованиях к библиографии, говорил о знании того, «какие книги лучше всего годятся для обучения, в каких предмет представлен наиболее ясно и рассмотрен наиболее глубоко; с помощью каких работ можно постичь начало наук, проследить за их развитием, достичь нынешней ступени совершенства».⁶

В наиболее же распространенном в то время представ-

лении смысл библиографии определялся, помимо классификации книг, как установление сравнительной ценности изданий. Очень характерно — именно потому, что оно принадлежит рядовому французскому библиографу — рассуждение Фурнье, раскрывающее, как понималась эта сравнительная ценность. «В самом деле, — писал он, — каков предмет библиографии? Это — соблюсти систематический порядок при распределении по классам <...>, это — указать лучшие издания <...>». И далее он перечисляет, какие вопросы могут встать перед неискушенным читателем. Лучше ли первопечатное издание, чем следующее? Предпочесть ли издание, подготовленное одним ученым, опубликованному другим? Нужно ли, при выборе книг, обращать внимание на даты их выхода в свет? Несколько изданий появилось последовательно в разных странах — какое из них достойно большего внимания? Какие внешние признаки позволяют отличить подлинное издание от хорошо выполненной контрафакции? Наконец, сколько надо затратить средств на приобретение избранной библиотеки, какие цены могут быть предложены за книги, отсутствующие в продаже и случайно попадающиеся любителю?⁷ Узко-филологическое и ограниченно-библиофильское понимание оценки книг библиографом продемонстрировано в этом рассуждении очень ярко.

Даже такой серьезный ученый, как Дону ограничивал библиографическое знание книги «типографическими, техническими и коммерческими обстоятельствами, тем, что относится к их изданию, существованию, распространению, к их каталогам»⁸.

Анастасевич не исключал, разумеется, из библиографии суждений о сравнительной ценности изданий, а распределение книг по их «материям» считал первой обязанностью библиографа. Но основное, по Анастасевичу, — «извлечь из <...> книг содержание и дать об них суд», а это уже существенно отличается от взглядов французских библиографов.

Правда, в статье «О библиографии» есть противоречие, на которое обратил внимание Н. В. Здобнов. В последнем абзаце, разъясняя понятие «библиологии», Анастасевич писал, что именно она («теория библиографии», «филосо-

фия библиографии», «вышняя библиография») проникает в существо оных [книг] и простирается до означения их достоинства, не в отношении к продаже, но в смысле словесном и ученом», в отличие от библиографии, ограничивающейся «вещественностью и техническим описанием книг». Такое представление о библиографии явно не соответствует тому, что сказано о ее задачах в других местах этой же статьи и в других статьях Анастасевича.

Противоречие это объясняется тем, что библиология, как некая энциклопедическая наука о человеческом знании (которую пытались строить некоторые французские библиографы), сама по себе мало интересовала Анастасевича. Но считая, очевидно, невозможным обойти это понятие, Анастасевич использовал — хотя и значительно видоизменив — определение библиологии, данное в «Толковом библиологическом словаре» Пеньо. Пеньо, однако, иначе, чем Анастасевич, понимал библиографию — значительно уже, сводя ее только к описанию и классификации. Анастасевич же не удосужился привести это определение в должное соответствие со всем остальным содержанием своей статьи.

Подтверждением того, что толкование библиологии Пеньо не входило органически в систему взглядов Анастасевича, служит и то, что в 1820 г., печатая названную выше статью «О необходимости в содействии русскому книговедению», Анастасевич перевел на русский язык слово «библиология» и употребил, впервые в русской литературе, термин «книговедение». Но при этом он имел в виду только то, что вкладывал в понятие библиографии, отбрасывая таким образом попытки построения энциклопедической науки Пеньо. В «Росписи» Плавильщикова, составленной Анастасевичем, соответствующий раздел так и назывался: «Книговедение или библиография».

Вся постановка вопроса об оценке литературы, о критическом отношении к книгам и выявлении их достоинств у Анастасевича — во всяком случае, в его теоретических высказываниях — неизмеримо более острая, чем у французских авторов. «Беспристрастие», которого требует Анастасевич от библиографа, неотделимо, в его представле-

нии, от «отваги сказать пред ученым светом свой суд», «предохранить других от обмана» и также предполагает «общественную пользу». Это беспристрастие очень далеко от требований, например, Парана (повторенных Пеньо) не следовать никакой школе, не отстаивать никакой системы⁹.

Траговку Анастасевича, помимо всего, что было уже сказано выше («изображение сущности всех сочинений»), можно выразительно иллюстрировать его словами о самом себе в письме к Евгению Болховитинову. Развивая соображения о способах просвещения крестьян и резко критикуя содержание церковных проповедей, подчеркивая, что крестьянам нужны не догматы веры и жития святых, а естественно-научные, сельскохозяйственные, медицинские и педагогические знания, Анастасевич прибавлял: «Вы улыбнетесь, что к сему изъяснению помогла мне снова библиография, а с тем вместе заметите, что я не списываю только названия авторов и книг, не занимаюсь одним механизмом, но стараюсь всякий в ней шаг применять на пользу рода человеческого. Во всех науках <можно?> ее найти. Искусный испытатель природы, ботаник не для того лазит по крутым горам, чтобы обогатить свой травник новою травою. Он испытывает ее врачебную силу и радуется сугубому своему открытию, когда может вместе умножить сведения ботаники и прибавить одну каплю <пользы?> для человечества дального»¹⁰.

Наконец, нельзя не обратить внимание на принципиально иное отношение Анастасевича к роли литературно-критической периодики. Конечно, и у современных ему французских библиографов можно прочесть об ее значении для знания книг; но для них это скорее материал для библиографа, нечто вроде тех предварительных сведений, которыми должен обладать библиограф (филологические, палеографические, полиграфические и др.); в «Толковом библиологическом словаре» Пеньо даже не нашлось места для слов «журнал» и «газета»; все литературно-критические и ученые журналы надо в этом словаре искать под словом «Салло» (основатель «Журнала ученых»); в учебном курсе Ашара вообще ничего не было сказано о критической библиографии; так же как, видимо, и у Лера¹¹. Со-

вершенно иную позицию Анастасевича в этом вопросе мы уже показали выше.

Высокая оценка, данная Анастасевичем немецкой ученой критико-библиографической периодике, не оставляет сомнений в том, что, обосновывая свою точку зрения, он в большой мере опирался на тот фактический материал, который предоставляла ему современная и предшествовавшая немецкая критическая библиография. Да и не только критико-библиографическая периодика в Германии вызвала уважение Анастасевича. «Ученым немецким, — писал он, объединяя в духе времени, библиографию и историю литературы, — должно воздать особенную честь, что они словесность в сем смысле [т. е. изучение «словесности одной науки или одного искусства»] во всех частях оной обогатили более или менее предметов объемлющими сочинениями; они издавна отличаются основательностью, точностью и ученым в собирании прилежанием, разборчивым исследованием и философским духом». И все же, требования Анастасевича давать «точное понятие» о книгах в целях их сравнения и соответствующих выводов, требования «всякий [в библиографии] шаг применять на пользу рода человеческого» — это значительно больше, чем задачи, которые ставила перед собой академическая немецкая библиография.

Что же до теоретического осмысления роли критической библиографии, то Анастасевичу в немецкой науке опереться было не на что. В Германии конца XVIII—начала XIX в. сколько-нибудь серьезных попыток обоснования библиографии, ни в ее отдельных отраслях, ни в целом, как самостоятельного явления, мы не знаем. Лишь в 1819 г., в 5-м издании Энциклопедического словаря Брокгауза функции библиографии были определены как внутреннее и внешнее изучение книг и в соответствии с этим проводилось разделение ее на научную (т. е. отраслевую, реферативную, критическую) и материальную, которую, как писал автор статьи, обычно и подразумевают, говоря о библиографии¹². В 1821 г. появляется предисловие Ф. А. Эберта к его «Всеобщему библиографическому словарю», оказавшее сильное влияние на последующую западноевропейскую библиографию. Хотя понимание Ана-

стасевичем библиографии как «внешней истории» словесности народа, как средства выявления успехов просвещения очень близко к данному Эбертом определению библиографий, ему совершенно чуждо деление Эберта на «чистую» библиографию и «прикладную».

Для понимания Эбертом «чистой» библиографии, сводившейся в сущности к номенклатуре, очень характерно то, что он писал о задачах библиотекаря — а тем самым, и библиографа. Эберт считал, что в новой, сравнительно с прошлыми веками, обстановке, когда все науки, по его словам, переживают кризис, и каждый день «высоко поднимаются волны» меняющихся мнений — в этой обстановке библиотекарь работает лишь для потомства, для которого он собирает и хранит все, что находит достойным; общение же его с современниками «является большей частью только механическим». Тезис о беспристрастии библиотекаря сформулирован у Эберта еще более резко и отчетливо: «Тот, кто работает для потомства, должен <...> стать над современностью <.....>, не затемнять свой спокойно-испытующий взгляд местными и временными склонностями и мнениями». Правда, Эберт ощущал узость и замкнутость «чистой» немецкой библиографии, связанной лишь с представителями отдельных наук. Но под «библиографией для жизни» Эберт понимал лишь удовлетворение интересов коллекционеров, обслуживание антикварного книжного рынка. Важнейшим образцом для Эберта явилось, поэтому, «Руководство для книгопродавца и любителя книг» Брюне, хотя замыслом словаря Эберта и было «подчинить тенденцию работы Брюне более возвышенной, именно научно-обоснованной тенденции, причем с такой широтой, чтобы та же самая работа удовлетворяла и строгую основательность исследователя, и веселые, даже легкомысленные причуды диллетанта, не изменяя при этом научной серьезности, и, при всей разносторонности, не становясь плоской и лишенной характерности»¹³.

Приступая в те же годы к большой библиографической работе (мы имеем в виду «Роспись» Плазильщикова), Анастасевич — как мы увидим ниже — ставил перед собой совершенно иные задачи.

Зная о польских связях Анастасевича, вполне естественно также искать истоки его взглядов в польской библиографии. Существует предположение, что к библиографической деятельности Анастасевич пришел под влиянием преподавания библиографии в Кременецком лицее (Вольнской гимназии) П. Янковским. Однако польская библиография начала XIX в. в области теории представляла мало оригинального сравнительно с западно-европейской. Лишь позже, в двадцатые годы, у И. Лелевеля, мы встречаемся с оригинальными суждениями, противопоставленными взглядам западно-европейских библиографов, а в 1829 г. его продолжатель, А. Богаткевич, знакомый уже и с работами Анастасевича и Сопикова, подчеркивает в своей лекции культурно-исторические и образовательные задачи библиографии и ее критическую функцию¹⁴.

Кременецкий лицей Анастасевич посетил в середине 1810 г., когда Янковский только начинал чтение курса библиографии. Взгляды же самого Анастасевича к этому времени уже в основном сложились; через полгода статья «О библиографии» была не только написана, но и напечатана. Ни одного упоминания о Янковском ни в переписке, ни в записных книжках Анастасевича мы не встречаем. Курс библиологии, читавшийся Янковским, построен был по известному труду второй половины XVIII в. немецкого библиотекаря М. Дениса «Введение в книговедение». Таким образом, он не только не мог явиться стимулом для переосмысления Анастасевичем задач и традиционного представления о развитии библиографии — он даже отставал от последних теоретических построений французских библиографов (хотя в то же время следует отметить внимание Янковского к выделению лучших, получивших в науке положительную оценку, книг)¹⁵.

При том внимании, с которым Анастасевич относился к польской культуре и ее деятелям, просто немислимо представить себе отсутствие упоминаний о преподавании библиографии в польских учебных заведениях (Кракове, Кременце), если бы оно хоть в какой то степени ему импонировало¹⁶.

§ 3.

Чем же может быть объяснена позиция Анастасевича, столь не похожая на традиционную?

В ответе на этот вопрос заключается и объяснение — в чем прогрессивность этой позиции.

Своеобразие рассматриваемого нами периода истории России состоит, в частности, в том, что передовая демократическая мысль крепла в условиях феодального государства при отсутствии революционно настроенной буржуазии, в обстановке складывавшихся капиталистических отношений, которые противоречили всему сословно-полицейскому строю и не находили в его рамках нормальных путей для развития. Отсюда — особая общественная роль литературной критики, которая в полной мере развивалась во второй четверти XIX века; однако предшествующие десятилетия подготовили для этого почву.

Проблема становления критики была центральной проблемой русской журналистики первой четверти XIX века, выходявшей далеко за рамки узко литературных и академических споров. Характерно, что проблемы становления критики и народности литературы тесно переплетались. Конечно, была реакционная критика, как была и реакционная журналистика. Но борьбу за журналистику, за ее развитие, борьбу за критику, за ее право на существование вел именно передовой лагерь. Не случайно так часто писал Анастасевич о пользе периодических изданий — не меньше (если не больше), чем о пользе библиографии. Неразрывная связь почти во всех его печатных выступлениях вопросов журналистики, критики и библиографии, подчеркивание роли критической библиографии, вся его теоретическая позиция имеют своей основой тот живой общественный интерес к современной ему русской действительности, о котором мы говорили в предыдущих главах.

В свою очередь теоретическая позиция Анастасевича в вопросах библиографии не только не позволяла отгораживаться от этой действительности — она сама по себе толкала к ее критической оценке.

Придавая столь большое значение статьям Анастасевича о библиографии, мы все же никак не можем согласиться с той трактовкой, которая дана им в книге Н. В. Здобнова и которая прочно вошла в научный и педагогический обиход.

В книге Н. В. Здобнова была сделана первая серьезная попытка раскрыть передовой смысл теоретической позиции Анастасевича. Характеризуя эту позицию как истолкование библиографии в просветительском духе, Н. В. Здобнов, правда, не ставил знак равенства между взглядами Сопикова и Анастасевича. Тем не менее, он утверждал, будто Анастасевич рассматривал библиографию «как воспитательно-образовательное средство» и «требовал от библиографа принципиальности и определенной целеустремленности»¹⁷. Таков комментарий, основанный на двух фразах из статьи в «Улье»: «[Библиография] содержит в себе другие премногие пользы и выгоды не только для посвятивших себя ученому состоянию, для коих она необходима, но и для ищущих одного удовольствия в чтении книг, как путеводительница и наставница в выборе оных» и «Разве искусный библиограф не достоин всей нашей благодарности <...> за доставление нам средства <...> прейти обширное поприще сведений, собранных им под одну точку зрения».

Но характеризовать взгляды Анастасевича следует по их совокупности, по общему духу. Ни о какой воспитательной роли библиографии Анастасевич и не помышлял. Единственное упоминание о библиографии как «путеводительнице и наставнице» в выборе книг для «ищущих удовольствия» в их чтении этого еще не доказывает.

Подчеркивание в те же годы В. С. Сопиковым воспитательной роли библиографии не подлежит сомнению. Он сам писал об этом в «Предупреждении» к «Опыту российской библиографии» совершенно недвусмысленно. Библиография, писал он, «образует вкус к хорошим сочинениям». А из аннотаций, из выписок, рекомендательных пометок В. С. Сопикова в «Опыте» ясно, что под «хорошими сочинениями» он подразумевал гуманистическую, просветительскую, в высоком смысле слова нравственную литературу. Обязанности библиотекаря и библио-

графа Сопиков «мыслил», как справедливо формулировал Н. В. Здобнов, «в педагогическом плане», и об этом также прямо сказано в «Предуведомлении». Не случайно так настойчиво твердил Сопиков в своих предисловиях и в письмах о «любопытном юношестве», о «молодых и неопытных читателях», о молодых людях, нуждающихся в «уроках нравственности».

Анастасевич же во всех своих статьях подчеркивал другое. Говоря специально о библиографии, он рассматривал ее как основное средство «ученой критики»; говоря о пользе периодических изданий, он считал единственно достойной их аудиторией избранных читателей, «изящные умы», «хорошее общество». Важнейшие результаты библиографии, по Анастасевичу, — это сбережение времени для изучающих науки и литературу, возможность экономно разобраться в различных мнениях и сравнить их со своим, достоверная информация о книгах путем реферирования. От формально-регистрационного истолкования библиографии все это, конечно, очень далеко. Но ясно, что и воспитательным средством Анастасевич ее не считал. Ясно, что в центре внимания Анастасевича была вовсе не та широкая аудитория, к которой обращался Сопиков.

Поэтому нет решительно никаких оснований видеть в высказываниях Анастасевича о библиографии что либо еще, кроме пропаганды ее образовательной, узко просветительной роли — что подтверждает и библиографическая практика Анастасевича (см. ниже). Однако и этого не так уж мало для того, чтобы, подходя исторически, понять его большую заслугу перед русским просвещением.

Собирание сведений «под одну точку зрения» также не обозначает вовсе требований принципиальности и определенной целеустремленности, как формулировал Н. В. Здобнов. Сама по себе эта фраза Анастасевича означает не больше, чем требование классификации литературы, отнесение ее к «приличным разрядам по принятой системе».

Если же обратиться к теоретическим высказываниям Анастасевича в целом, то очевидно, что об его тре-

бованиях «принципиальности и определенной целеустремленности» мы можем говорить далеко не столь категорически.

Конечно, Анастасевич, требовал от библиографа смелости в суждениях, «отваги сказать перед ученым светом свой суд», требовал чтобы «одна любовь к науке» руководила библиографом. Мы уже отмечали это и даже противопоставляли такую прогрессивную позицию Анастасевича ограниченно-библиофильской позиции многих французских библиографов его времени. Тем не менее, когда Анастасевич писал о выявлении достоинств книг, речь шла не о пропаганде, и даже не об оценке литературы с определенных идейных позиций, а лишь о специальной научной оценке литературы. И опять таки не случайно, что библиографические методы, примененные Анастасевичем в «Росписи» Плавильщикова, при всей их прогрессивности оказались очень далеки от попытки Сопикова сделать из своего основного библиографического труда своеобразную «хрестоматию политического свободомыслия»¹⁸.

Никак нельзя, поэтому, согласиться с Юзефом Корпалой, который считает «несомненным», что взгляды Сопикова на задачи библиографии сложились под влиянием Анастасевича¹⁹.

В результате о просветительских тенденциях взглядов Анастасевича на библиографию, конечно, можно говорить — но говорить с величайшей осторожностью, вкладывая в это понятие реальное — и очень ограниченное — содержание.

Что же касается взглядов Анастасевича на значение критической библиографии, на связи библиографии и критики, то, конечно, это была плодотворная позиция, поднимавшая общественное значение русской библиографии. Анастасевич уловил тенденции реального библиографического развития. Но сам он этой стороны своей теоретической позиции не реализовал. Трудно сказать, почему — по несомненной ли личной склонности к академической учености, с годами все развивавшейся, или в силу столь же несомненного отсутствия критических способностей и мелочного педантизма при рецен-

зировании. Но дело даже не в том, что он сам оказался не в состоянии применить на практике эти свои теоретические суждения. Дело в том, что путей подлинно передовой критики, которые вели через отдельные критико-библиографические выступления декабристов к «Обозрению» А. А. Бестужева, Анастасевич не понял. Его раздражал «Невский зритель»; в левом крыле Вольного общества любителей российской словесности он видел лишь обижающую старших молодежь. Участие в журналах, находившихся под влиянием декабристов, не привело Анастасевича к сближению с ними. А между тем именно в декабристских кругах созревало то представление о критической библиографии, которое действительно легло в основу ее дальнейшего развития.

Все сказанное не умаляет, однако, значения теоретических выступлений Анастасевича по вопросам библиографии. Мы видим в них проявление самостоятельной и прогрессивной для своего времени библиографической мысли.

Подобных суждений о библиографии до Анастасевича в России никто не высказывал. С такой широтой о библиографии вообще никто в России не писал в XVIII и в первом десятилетии XIX в., хотя отдельные замечания о важности критической библиографии и рефератов известны. Даже В. С. Сопиков, обращая внимание, в отличие от Анастасевича, на воспитательную роль библиографии, не ставил так разносторонне и внутренне связано ее теоретические вопросы. Взгляды Анастасевича не были подхвачены и развиты, и это нельзя объяснить малым распространением «Улья». К. М. Базили, В. Р. Зотову, В. М. Ундольскому, И. П. Сахарову, Г. Н. Геннади статьи Анастасевича были известны, и тем не менее их работы по вопросам библиографии — это движение вспять, это — полное игнорирование тех прогрессивных тенденций, которые отличают взгляды Анастасевича. Лишь П. И. Кеппен в какой то мере солидаризировался с Анастасевичем — но не до конца и не всегда. Предшественником же В. Г. Белинского в понимании задач библиографии Анастасевич, конечно, не был.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АНАСТАСЕВИЧА

§ 1.

В течение всего XVIII в. и в начале XIX в. не было, кажется, ни одного библиографа или библиотекаря, который не пытался бы заявить о новой, составленной им, классификации, «библиографической системе». Характерно, что именно в этот период насчитывается так много попыток построения «энциклопедических» классификаций книг, претендовавших на прямое и непосредственное отражение системы человеческих знаний. Подавляющее большинство этих попыток не оказало серьезного влияния на дальнейшее развитие библиографической классификации и осталось лишь свидетельством интересных и напряженных исканий. Но наряду с искусственными или незавершенными, некоторые из библиографических систем этого времени сыграли большую роль в развитии библиографической мысли, оказали влияние на последующие попытки, применялись в библиотеках и в библиографических трудах. Прочно же вошли в библиографический обиход, главным образом, системы, наименее претендовавшие на философское обоснование.

Не был исключением и Анастасевич. Забегая вперед, заметим, что его попытка построить классификационную схему незаслуженно обойдена в истории библиографии и классификации.

Известно, что в составленной Анастасевичем «Росписи» Плавильщикова записи расположены в систематическом порядке. Вплоть до появления «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова никто не пробовал дать общую характеристику системы Анастасевича. Суждения о расположении книг в «Росписи» Плавильщикова ограничивались обычно указаниями на дробность отделов и подотделов схемы.

Н. В. Здобнов в главе «Библиографические классификации [первой половины XIX века]» выделил классификацию Анастасевича в «Росписи» Плавильщикова.

«Особое место, — указал Н. В. Здобнов, — занимает классификация Анастасевича, примененная им в «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова» (Спб., 1820). В ней более отчетливо выражены рационалистические тенденции». Далее следуют основные деления схемы. В другой главе Н. В. Здобнов посвятил классификации Анастасевича еще 6 строк: «Обращает на себя внимание классификация книг в этой росписи: I. Математико-физические науки. II. Богословские, нравственные и политические науки. III. Словесность. Атеист Анастасевич выдвинул на первый план естествознание, заслонив им богословие. Это было у нас впервые и впоследствии (кроме «Прибавлений» к росписи Плавильщикова) не повторялось»¹. Н. В. Здобновым справедливо подчеркнуто выдвигание вперед естествознания; неясно, к чему относится «впервые» — к выдвиганию естествознания или к месту богословия. Что же касается формулировки «рационалистические тенденции», то она вызывает сомнения. Но, во всяком случае, это была первая попытка раскрыть принципиальные основы классификация Анастасевича.

Однако полного представления о соотношении системы Анастасевича с другими русскими классификациями, о соотношении ее с западно-европейскими классификациями, о степени самостоятельности Анастасевича, наконец, — каково же обоснование всей системы в целом — вывести из беглых замечаний Н. В. Здобнова невозможно².

В истории же классификации «Роспись» Плавильщикова вообще не упоминается.

В самой «Росписи», в предисловии к ней (без подписи, но от имени издателя) было сказано только: «Расположив Роспись моей Библиотеки систематическим порядком, я избрал из всех Библиографических классификаций самую простую, немногосложную, состоящую из трех главных отделений <...>». Неудивительно, что рецензент «Отечественных записок» (очевидно, сам издатель журнала Свиньин) очень положительно оценивая каталог Плавильщикова, писал: «Он составлен по образцу лучших германских каталогов»³. В известном

всем литераторам «Систематическом обозрении литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 г.». А. К. Шторх и Ф. П. Аделунг называли свой образец — немецкий «Всеобщий реперторий литературы». Может быть это, а может быть и вообще уважение к немецкой науке вызвало приведенное утверждение Свиньина о германских каталогах, как образце для «Росписи». Но как бы то ни было, вопрос о самостоятельности Анастасевича так и не встал перед современниками.

Как в очень многом, связанном с Анастасевичем, мы располагаем и по данному вопросу лишь случайными материалами, можно даже выразиться — клочками и обрывками. Тем не менее, эти случайные материалы позволяют думать, что он работал над своей библиографической системой многие годы, размышляя о классификации наук, упорно и вдумчиво изучая существующие философские и библиотечно-библиографические схемы, критически их оценивая. В письме Анастасевича Евг. Болховитинову, в 1814 г., мы читаем: «Вы когда-то изволили писать мне, что моя библиографическая система Herculeus labor *. Я таки всегда думал вообще о сей науке, лишь только приступил к ней, но утешал себя тем, что если невозможно свершить все 12 подвигов Иракловых, то славно и один шаг ступить на его <сие?> поприще, вооружась дозволенным всякому человеку посохом: *sapere aude***»⁴. Уже одно это достаточно красноречиво и убедительно подтверждало бы наше предположение. Но есть и другие — хотя, повторяем, случайные — свидетельства неизменного интереса Анастасевича к проблемам классификации. Еще в 1811 г., в основной теоретической статье «О библиографии», он перечисляет ряд известных библиографических систем. Тут же находим мы замечание о Лейбнице: «Сам Лейбниц <...> может быть наиболее достиг бы основательной системы сей науки, если бы гений его не был столь занят особенными трудами, соделавшими его бессмертным». В другом номере «Улья», по конкретному поводу (в заметке о клас-

---

* Геркулесов труд. (лат.).

** Смей быть мудрым. (лат.).

сификации Барбье), Анастасевич критикует традицию начинать библиографическую систему с богословия. В той же заметке о Барбье он считает наиболее целесообразным начинать систему «с изящных наук (*belles lettres*), ибо прежде, нежели кто начинает употреблять книгу, должен ее понимать и уметь читать»⁵. Иначе говоря, Анастасевич солидаризируется с другой традицией — возглавлять «схемы грамматикой, филологией, своего рода введением в изучение книг — традицией, не столь распространённой, чем та, против которой он возражает, но все же распространённой. Тем не менее через несколько лет, в 1814 г. в записных книжках он рассматривает традиционную схему парижских книгопродавцев (богословие, юриспруденция, науки и искусства, изящные науки и словесность, история) как само собой разумеющуюся в библиографии⁶. В следующем же году, в статье «О словесности», анализируя и с разных сторон определяя это понятие, он возражает против немецкого словоупотребления «*schöne Wissenschaften*», ибо «наука, как наука, не может быть ни дурною, ни прекрасною». Статья эта свидетельствует о знакомстве Анастасевича с системами классификации наук, а также и о том, что по основным вопросам построения классификационной схемы ему еще и в 1815 г. трудно преодолеть традиционные представления: «<...> французские писатели, которых за разделение наук вовсе не логическое на физические и моральные (*sciences physiques et morales*), т. е. естественные и нравственные, нельзя поблагодарить <...>»⁷. В записных книжках Анастасевича этого же времени мы находим следы чтения философской литературы, в частности, Канта (Канту был посвящен и обширный реферат в «Улье»), следы попыток разобраться в соотношениях понятий и относительности определений, во взаимосвязи различных сторон человеческой деятельности и знания, наконец — следы раздумий, говорящие даже о попытках выйти за рамки метафизического мышления. Содержание этих записей позволяет видеть их источники, в частности, в сочинениях польских просветителей конца XVIII — начала XIX вв., Г. Коллонтая и Я. Снядецкого (не случайно Анастасевич напечатал в

«Улье» свой перевод речи Я. Снядецкого «О связи и совместной пользе наук»). Позже, в переписке с Евг. Болховитиновым, мы находим следы чтения Анастасевичем работ о происхождении и прогрессе человеческих знаний, в частности, трактата Кондорсе. Наконец, эрудированность и подготовка, ориентация в вопросах библиографической классификации и каталогизации отчетливо видны в записке Анастасевича о составлении каталогов Публичной библиотеки (см. о ней ниже, стр. 163).

Всё сказанное свидетельствует, во всяком случае, о длительности пути, которым Анастасевич пришел, наконец, к своей классификации в «Росписи» Плавильщикова (полную ее схему см. на табл. I—III).

§ 2.

Обоснование этой классификации исчерпывается цитированными выше несколькими словами из предисловия к «Росписи» Плавильщикова. Для уяснения ее существа и места в ряду других классификаций, необходимо, поэтому, сопоставить ее с предшествовавшими системами.

В основе наиболее распространенных западно-европейских библиографических систем XVIII—нач. XIX вв. лежит идущее еще от средневековья факультетское построение университета: Богословие, Юриспруденция, Медицина, Философия. Произведенная в самом конце XVII в., под очевидным влиянием классификации наук Ф. Бэкона, частичная перестройка схем, отражавших это факультетское построение, привела, в результате, к появлению классической системы Г. Мартена (1705—1711 гг.). Ее главные деления:

1. Богословие.
2. Юриспруденция.
3. Науки и искусства.
4. Изящная литература.
5. История [церковная и светская].

Бэконовская классификация наук, как известно, лишь с некоторыми изменениями была повторена в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Это вызвало попытки внести новый, философский дух в библиографические систе-

Схема «Росписи» Плавильщикова

О т д е л е н и е I

МАТЕМАТИКО-ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

Математика чистая и прикладная	Физика	Домоводство
Арифметика	Метеорология	Городское и сельское
Алгебра (Аналитика)	Электричество, или Электрицизм	Земледелие
Геометрия и Геодезия	Гальванизм	Поваренное искусство
Тригонометрия	Химия	Садоводство
Астрономия	Медицина	Лесоводство
Пасхалия и Хронология	Анатомия	Пчеловодство
География Математическая	Хирургия	Свободные искусства
Космография	Аккушерство, или повивальное ис- кусство	Архитектура
Механика	Патология	Скульптура
Гномоника	Фармация	Музыка
Иdraulика	Физиология	Рисование, живопись и гравирование
Оптика	Гигиена	Смесь свободных искусств
Военное искусство	Диететика	Гимнастические, или Телесные упраж- нения
Фортификация	Терапия	Стрельные, фехтование, полевая охо- та, плавание, танцование, верховая езда, и проч.
Тактика и Стратегия	Практическая Медицина	Технология
Артиллерия и Пиротехния	Лечебники о разных болезнях	Вообще
Инженерное искусство	О любителей болезнях	Винокурение
Навигация, или Мореходная наука	О глазных болезнях	Селитроварение
Математические курсы	О детских болезнях	Разные Ремесла и промыслы
Математки смесь	О заразах	Крашительное искусство
Естественная история	О средствах против оспы	Уселения
История вообще	О целительных водах	Галания
Минералогия	Косметика	Игры
Металлургия	Смесь медицины	Загадки
Геогнозия и Ориктогнозия	Ветеринарная наука	Снотолкование
Ботаника	(Скотолечение и проч.)	Хирумантия
Зоология		Хитрогсти, или фокус-покус
Естественной истории смесь		Увеселений смесь

БОГОСЛОВСКИЕ, НРАВСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богословие	Философия
Библия, или книги Св. Писания	Филология вообще
Толкование, своды и философия Св. Писания	Логика
История Священная	Метафизика
История Церковная	Психология
История о ересьях и расколах	Нравouchение
События	Воспитание физическое и нравственное, Педагогика и проч.
Житие Св. Отец	Воспитание вообще
Творение Св. Отец и церковных учителей	Наставление для мужского пола
Разные богословские сочинения Греческочерковной церкви	Наставление для женского пола
Правила, книги церковные и проч. Литургия и службы	Книги для детского чтения
Церковные книги	Рассуждения философические
Правла, молитвы и проч.	Смесь философии
Армянская церковь	Правоведение (Юриспруденция)
Догматическая богословия	О законах и законодательстве вообще
Нравочительная богословия	Право естественное, народное и политическое
О зашщении Христославной веры от еретиков и проч.	Законодательство Российское
Почувительные сочинения, проповеди, беседы и проч.	Право гражданское
Богословие таинственное, богомыслие и прочие Аскетические рассуждения	Право уголовное
О Боге, свойствах его и проч.	Право торговое (коммерческое)
О грехах, покаянии, смерти и спасении	Своды и собрания законов вообще
Размышления о Иисусе Христе и о кресте	Узаконения Государей Всероссийских, по царствованиям
О Христианстве и Христианстве	Законы духовные
Разные Христианские размышления	Законы военные
Секты и особенные мнения	Законы по части народного просвещения
Христианские веро-исповедания Еврейское, или Иудейское	Законы полицейские
Индийское	Законы по части общественного призрения и воспитания
Магометанское	Законы по части финансов
	Законы по части Администрации, или Государственного управления
	Разные сочинения, к законодательству относящиеся

О т д е л е н и е II

БОГОСЛОВСКИЕ, НРАВСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Законодательство разных народов	Польская	Биография
Английское	Прусская	Собрание жизнеописаний
Китайское	Римская	Жизнеописание разных лиц
Римское	Российская вообще	Жизнеописание Российских Государей, и частных разных лиц
Французское	Российская частная	Путешествия
Государственные и политические науки	Российская военная	Вокруг света
Политическая экономия, или Государственное хозяйство	Скандская	По Азии, и разным странам оной
Финансы и торговля, или Коммерция	Татарская	По Африке, и разным странам оной
Политика	Турецкая	Путешествие в Египет, Сирию и к Святым местам
Дипломатика	Французская	По Америке, и разным странам оной
Статистика	Швейцарская	По Японии
История и География	Шведская	Путешествия по России
История всеобщая (всемирная, или универсальная)	Японская	
История частная по странам света	География всеобщая, или всемирная	
Азиатская	География частная вообще	
Американская	География общая и частная России	
Африканская	Летописи России	
Европейская	Этнография, или описание народов	
История по Государствам и по народам	Пособия к истории	
Англинская	Хронология	
Аравийская	Генеалогия (родословие)	
Армянская	Геральдика, или Гербоведение	
Венецианской Республики	Нумизматика (о монетах и медалях)	
Германская и разных ее владений	Археология, или древности вообще	
Голландская	Древности России	
Греческая	История кавалерских орденов	
Грузинская	Атласы, карты, виды городов и проч.	
Датская	История ученая, общая и частная	
Индийская	Книговедение, или библиография	
Испанская	Смесь истории	
Итальянская	Анекдоты	
Китайская	Сочинения, особенно относящиеся к Наполеону Бонапарте, и времени его.	
Персидская		

О т д е л е н и е III

СЛОВЕСНОСТЬ

Языкоучение

Азбуки, буквари и прописи
Грамматика
Разговоры
Словари
Смесь языкоучения

Поэзия

Питтика, или правила стихотворства
Мифология, или баснословие
Басни, сказки и притчи
Поэмы
Повести, романы, сказки и проч.
Стихотворения разных родов

Гимны, духовные песни и стихи
Дифирамбы
Еклоги
Елегии
Эпиграммы, письма и послания
Идиллии
Ироиды
Написи (Эпиграммы)
Оды
Оратории
Повести Русские, Богатырские и проч.
Пословицы
Песни
Сатиры

Собрание Русских стихотворений

Стихотворения вообще
Стихотворения по Авторам
Стихотворения на разные случаи, порознь
Стихотворения, относящиеся к 1812 году

Театр

Балеты
Драмы
Комедии
Оперы
Трагедии

Разные сочинения, к театру относящиеся

Красноречие и прозаическая словесность

Правила красноречия, или Риторика
Рассуждения и речи, о разных предметах
Слова похвальные

Письма, переписка и правила сочинения писем
Разговоры, о разных предметах

Критика и разбор сочинений

Правила и примеры словесности

Смесь словесности

Собрание Российских сочинений и переводов

В прозе и в прозе

В стихах

Труды разных сословий, или Общест
Сочинения неизвестных Российских Авторов
Сочинения, относящиеся к войне 1812 года

Иностранная словесность

Сочинения по Авторам
Сочинения неизвестных Авторов
Периодические издания
Журналы, Ведомости и проч.

мы, усилило тенденции их «энциклопедического» построения. Хотя в классификации Бэкона — Дидро и Д'Аламбера основные классы (история, философия, поэзия) базировались на субъективных свойствах человеческой психики — памяти, разуме, воображении, тем не менее на этом историческом этапе ее нельзя не рассматривать как важный шаг вперед для разрешения проблемы классификации знаний. Но несмотря на все влияние великих энциклопедистов, ни одна библиографическая система XVIII в. не воспроизводит во всем объеме классификации Дидро и Д'Аламбера; даже в частности находит отражение скорее ее прототип — классификация Бэкона. Самые же популярные системы XVIII — начала XIX в. — это только видоизменения и детализация системы Мартена; все они, в сущности, представляют собой т. н. классификацию французских книгопродавцев или, короче, «французскую систему»⁸.

Некоторые библиотечно-библиографические классификации XVIII в. не испытали, однако, влияния ни системы Бэкона, ни традиционного «факультетского деления». Для них характерен отказ от построения системы в прямом смысле этого слова, большое количество первых делений и последовательность отделов, которую какими либо философскими или историческими принципами обосновать в сущности, невозможно. В библиотеках многочисленных университетских центров Германии второй половины XVIII в. подобные схемы разрабатывались — причем очень детально — и в пределах основных «факультетских» делений.

Только после французской буржуазной революции возникают системы, авторы которых пытаются использовать принципы Дидро и Д'Аламбера⁹. Но классификация наук по субъективным способностям человека к этому времени была уже пройденным этапом.

Популярная и очень влиятельная немецкая классификация Шютца-Гуфланда-Эрша была применена в последнем десятилетии XVIII в. во «Всеобщем реперториуме литературы», а затем слегка видоизменена в «Руководстве немецкой литературы» Эрша. Классификация эта представляла попытку «энциклопедического» построения,

была особенно дробно разработана и превосходила в смысле детализации всё, что тогда было известно. Тем не менее, ее основные деления и их последовательность ни в какой мере не отражали прогресса науки; их нелогичность и чрезмерная дробность схемы вызывали нарекания современников и, хотя на первый взгляд в этой классификации науки распределены по объектам, ими изучаемым, но распределение это крайне произвольно, нестройно, искусственно ¹⁰.

Значительно больший интерес представляют проекты французских ученых Амейона, Бютеншена (Butenchoen), Камю (конец 90-х гг. XVIII в.) — не столько библиографов, сколько историков. Появление этих схем знаменует собой идейное воздействие событий революции, влияющие успехом естествознания, видной роли, отводившейся науке в воспитании гражданина Французской республики. Проекты эти без преувеличения могут быть названы новым словом в библиотечно-библиографической классификации. И характерно, что вместе с Империей на смену подобным проектам вновь приходят традиционные системы Барбье и Брюне.

В частности, Амейон в своем проекте не только сводил богословие с традиционного первого места, но и ликвидировал его, как самостоятельный класс, включив всю богословскую литературу в отдел «Метафизика». Бютеншен также не выделял богословие в специальный класс, объединяя его, вместе с юриспруденцией, в класс «Положительные науки» (впрочем, это имело место и у Шютца-Гуфланда), что видимо, можно понять только как сведение религии к вопросам морали.

Правда, еще начиная с самых ранних западно-европейских библиографических классификаций, не раз первое место, взамен богословия, занимали грамматика и филология, как дисциплины, вводящие в изучение книги. Но задача введения в человеческие знания понималась составителями этих схем формально; на построении схем в целом это первое место грамматики и филологии не отражалось. Амейон же и, особенно, Бютеншен последовательно проводят идею введения в человеческие знания

Отдельные элементы схем Амейона и Бютеншена можно встретить и в других передовых французских классификациях конца XVIII — начала XIX в. Например, у Лера, Парана, Тьебо изящные искусства отделены от т. н. механических искусств и ремесел; богословие как самостоятельный класс, отсутствует.

В наброске системы Камю несомненны отзвуки разработки истории развития человеческих знаний с позиций сенсуализма. Этим усиленно занимались в конце XVIII — начале XIX в. французские философы и моралисты, эпигоны Кондильяка.¹¹

Все эти системы демонстрируют значительные сдвиги в библиотечно-библиографической мысли. И всё же, важнейшая тенденция классификации наук того времени — тенденция замены субъективных способностей человека в качестве основного признака деления объективным содержанием предмета, особенностями изучаемых явлений природы — не нашла в этих библиотечно-библиографических системах отражения. Ни в одной из них нет деления на науки о природе и науки об обществе (или науки о духе), на науки естественные, с одной стороны, нравственные и политические с другой, как центрального деления. Тем более, конечно, не находим мы в этих схемах последовательности — от естественных наук к наукам об обществе — отражающей действительный ход познания человека. Между тем, в философской литературе уже намечались такое деление и такая последовательность — не всегда достаточно отчетливые, исходившие нередко из идеалистических позиций, но тем не менее знаменовавшие прогресс в трактовке этой проблемы.

Сопоставление со всеми охарактеризованными выше библиотечно-библиографическими системами системы Анастасевича приводит к выводу о полном отсутствии какого-либо сходства между ними.

Обратимся к предшествовавшим Анастасевичу русским классификациям. Оставляя в стороне примитивную схему т. н. Камерного каталога (2-я четверть XVIII в.) и оригинальную классификацию середины XVIII в. А. И. Богданова, которая стала известна лишь в самое последнее время¹², коснемся систем Н. Н. Бантыш-Ка-

менского, А. К. Шторха, П. Г. Демидова и т. н. оленинской.

Классификация Бантыш-Каменского (1776 г.) представляла собой любопытную и оригинальную переработку двух систем XVIII в. — А. Байе и М. Дениса. Переработка эта отличалась продуманностью, подчинением ясной педагогической задаче (создана она была для библиографического приложения к учебнику риторики). Первые деления схемы Бантыш-Каменского:

Филология
История
География
Математика
Медицина
Философия
Богословие¹³

Деления П. Г. Демидова (1806 г.) покоились на тех же субъективных свойствах познания. Но, помимо воображения, памяти и рассудка, здесь в основу положены еще вера и подражание; в качестве одного из оснований прибавлено «соединение всего». В результате система выглядит следующим образом:

Филология
Историография
Богословие
Философия
Технология
Полиматия [Общий отдел]

Особо тщательно разработаны были здесь естественные науки¹⁴.

Классификация, примененная А. К. Шторхом в «Систематическом обозрении литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 г.» (1810—1811) была целиком заимствована из «Всеобщего репертория литературы», с минимальными и незначительными отклонениями.

Наиболее интересной и оригинальной была очень детальная система, изложенная в «Опыте нового библиографического порядка» для Публичной библиотеки и разработанная Олениным при содействии французского эмигранта, аббата де Грандидье.

Схема предварена обширным обоснованием, в кото-

ром дана критика некоторых известных систем; основная идея — отделение наук от искусств. Конечно, самое выделение искусств в самостоятельный раздел проведено было не впервые в истории классификации; однако впервые это противопоставление было дано как принципиальное, основополагающее. К этим двум «начальным разделам» был присоединен третий, заключающий «в общем и смешанном виде все то, что в предыдущих двух статьях к каждой науке особенно принадлежит». Не менее важно, что «Науки» в свою очередь четко разделены (Оленин опирался при этом на Лейбница):

Новая библиографическая система (1808 г.)

I. Науки

Науки умственные

1. Богословие
2. Правоведение
3. Философия
4. История

Науки естественные

5. История естественная
6. Врачебство
7. Физика
8. Химия

Науки определительные

9. Математика чистая и сложная

II. Искусства

1. Механические искусства
2. Свободные искусства
3. Словесные искусства

III. Филология (или Словесность)

1. Языкознание
2. Полиграфия
3. Критика

При всем том, идейная база оленинской системы дает себя знать с предельной очевидностью. Среди наук на первое место выносятся «науки умственные», а «важнейшими» из наук оказываются богословие и правоведение. Ратуя за отделение наук от художеств и учитывая, как

будто, успехи естественных наук, подчеркивая, что «новый библиографический порядок» составляет им «не для человека в первобытном его состоянии», а «для людей просвещенных», Оленин так обосновывал последовательность наук в его системе: «<...>, начиная с важнейших предметов, в первом отделении полагается, познание Священной веры, т. е. Богословие, как наука, определяющая отношение наше к Богу. — Вторая за тем следует Законоведение, как наука, устанавливающая отношение человека к человеку в общественном его быту. — За сими науками вслед идет Философия, ибо главные ее рассуждения относятся к Богословию, Законоведению и Нравственности; а как в ней же находятся начальные правила к познанию природы <...>» и т. д. Но и помимо этого благонамеренного обоснования, схема Публичной библиотеки осталась далекой от прогрессивных тенденций в понимании системы человеческих знаний, как и все предшествовавшие библиотечно-библиографические классификации. Деление на науки и искусства является, в конечном счете, делением не по объектам, а по тем же человеческим способностям: технология отделена от науки и соединена с поэзией. Наконец, филология, отделенная от изящной литературы, но тем не менее и независимая от наук, составляет один из основных, самостоятельных классов и механически присоединена к первым двум¹⁵.

Таковы русские библиотечно-библиографические классификации XVIII—начала XIX в. Ни на одну из них система Анастасевича также совершенно не похожа.

§ 3.

Основных классов в системе Анастасевича, как и у Оленина, три. Но установлены они на иных принципах деления. Первый класс охватывает, под общим названием «Математико-физические науки», все естествознание и медицину вместе с технологией (т. е. тем, что тогда называли механическими искусствами), а также и с т. н. свободными художествами. Второй класс — «Богословские, нравственные и политические науки». Помимо богословской, философской и юридической литературы, здесь объединены также «Государственные и политические

науки» и «История и география». Третий класс — «Словесность», филология и изящная литература.

Таким образом, это — библиографическая система, в которой: а) проведено основное деление по объектам человеческого познания и б) науки о природе возглавляют схему.

Поэтому нельзя не считать ее весьма прогрессивной для своего времени, хоть она и оставалась метафизической. Только опираясь на механистический материализм и эмпирическое естествознание можно было построить библиографическую систему, подобную системе Анастасевича.

Мог ли он вполне самостоятельно построить свою систему, опираясь лишь на современную ему философскую литературу? Во-первых, эта философская литература давала чересчур общие, часто противоречивые и во всяком случае не до конца разработанные решения; во-вторых, прямого соответствия между системой «Росписи» Плавильщикова и современными ей попытками классификации наук мы все же не находим, хотя в основном тенденции их и совпадают. Следует предположить, что, строя свою систему, Анастасевич должен был искать конкретный исходный материал, соответствовавший его представлению о библиотечно-библиографической классификации.

В результате революции 1789 г., во Франции радикально была реорганизована система народного просвещения. Термидорианская реакция, правда, отвергла требования широких масс в области образования и демократический дух проектов якобинского Конвента. Тем не менее, созданная во второй половине 90-х гг. система народного образования представляла значительный шаг вперед в сравнении с дореволюционной Францией и удовлетворяла требованиям капиталистического развития. Организация науки рассматривалась как важное звено в этой системе.

В Комитете по народному образованию 1795 г. принимали участие видные ученые — естествоиспытатели и историки. Частью проекта организации народного просвещения, подготовленного Комитетом, был план Нацио-

РОСПИСЬ
РОССІЙСКИМЪ КНИГАМЪ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ИЗЪ
БИБЛИОТЕКИ В. ПЛАВИЛЬЩИКОВА,
СИСТЕМАТИЧЕСКИМЪ ПОРЯДКОМЪ
РАСПОЛОЖЕННАЯ.

въ 3^{хъ} частяхъ.

ЧАСТЬ I.

Содержащая въ себѣ
МАТЕМАТИКО-ФИЗИЧЕСКІЯ НАУКИ.

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи В. Плавильщикова
1820.

Рис. 6. Титульный лист ч. 1 «Росписи» библиотеки
В. А. Плавильщикова

нального института наук и искусств (будущего Института Франции, Institut de France), высшего научного учреждения республики, объединявшего разработку всего круга наук. Комитет исходил в этом плане из мысли Кондорсе.

Окончательный проект, принятый по докладу Комиссии одиннадцати и Комитета, был одним из последних актов Конвента, закончившего свое существование 26 октября 1795 г.

Институт сначала намечалось организовать в составе четырех отделений (классов). По принятому же Конвентом докладу Комиссии одиннадцати и Комитета по народному просвещению. Национальный институт наук и искусств делился на три класса. Хотя доклад этот был окончательно подготовлен Дону, редактор издания протоколов Комитета М. Гийом считает, что предложение разделить Институт на три класса принадлежало А. Фуркруа, выдающемуся химику, популяризатору идей Лавуазье, бывшему якобинцу, ставшему одним из руководителей народного просвещения во Франции эпохи Директории и Консульства. Соображение М. Гийома подкрепляется тем, что в дальнейшем, когда Дону выступил с собственным проектом библиографической классификации, она оказалась совершенно иной.

Приведем параграф 3 четвертого раздела доклада:

Национальный институт наук и искусств

Ст. 3. Он делится на три класса, и каждый класс на несколько секций, соответственно следующей таблице:

Классы	Секции
1. Науки физические и математические	1. Математика
	2. Механические искусства
	3. Астрономия
	4. Общая физика
	5. Химия
	6. Естественная история и минералогия
	7. Ботаника и физика растений
	8. Анатомия и зоология

	9. Медицина и хирургия
	10. Сельская экономия и ветеринарное искусство
2. Науки нравственные и политические	1. Исследование ощущений и представлений
	2. Нравственность
	3. Социальные науки и законодательство
	4. Политическая экономия
	5. История
	6. География
3. Литература и изящные искусства	1. Грамматика
	2. Древние языки
	3. Поэзия
	4. Древности и памятники
	5. Живопись
	6. Скульптура
	7. Архитектура
	8. Музыка и декламация ¹⁶

Трудно воздержаться от предположения, что для построения своей системы Анастасевичем была использована принятая Конвентом структура Национального института наук и искусств. Слишком разительно сходство основных делений, слишком разительно отличие обеих схем от всех прочих, нам известных. Да и более детальное сопоставление схемы Анастасевича со схемой Фуркруа (будем для краткости называть ее так) говорит об их близости.

Конечно, у нас нет документальных оснований утверждать, что Анастасевич был знаком непосредственно с самой схемой Фуркруа — хотя это и не невероятно, т. к. в 1798 г. доклад Комиссии одиннадцати и Комитета по народному просвещению был издан отдельной брошюрой. Не исключена возможность каких то промежуточных звеньев, оставшихся нам неизвестными. Но это не меняет существа дела — важен самый факт близости этих классификаций.

Основное отличие схемы «Росписи» Плавильщикова от схемы Фуркруа заключается в ограничении третьего класса филологией и изящной литературой, и в перенесении изящных искусств («свободных художеств») в первый класс. Анастасевич, таким образом, в этом вопросе

примкнул к большинству авторов библиографических систем, которые, отделяя или не отделяя науки от искусств, отделяя или не отделяя искусства механические от свободных, не объединяли, во всяком случае, литературу и искусства. И надо сказать, что стройность схемы Фуркруа третьим ее классом действительно нарушалась. Если первые два класса были созданы по объектам человеческого познания, то третий, в большей своей части, соответствовал одному из традиционных субъективных «свойств души» — воображению; при этом, в третьем классе объединены изящная литература и изящные искусства с наукой — филологией; сюда же были отнесены и «Древности», т. е. археология. Кстати говоря, через несколько лет этот третий класс Института распался на свои составные части. Между тем, в трактовке Анастасевича отделение «Словесность», наоборот, придает его системе еще большую стройность. Хотя содержание третьего отделения аналогично некоторым предшествовавшим схемам классификации, но место его в системе совершенно иное: противопоставление двум другим отделениям, объектами которых являются материальный мир и человеческое общество, подчеркивает специфический объект этого третьего отделения — язык. Вокруг этого логично объединяются филология и изящная литература, а живопись, скульптура, архитектура и музыка отсюда выводятся. Не случайно вместе с изящными искусствами не попали сюда и «Древности».

Что же касается включения изящных искусств в первое отделение, то, не говоря уже о том, что для них явно не было другого места в принятой системе, объединение их с технологией, с математикой было издавна привычным и не противоречило истории их развития. Переход в схеме от математических наук и механических искусств к изящным искусствам легко осуществлялся посредством архитектуры и музыки.

Вторым важным отличием системы Анастасевича от схемы Фуркруа является включение во второй класс богословских наук, полностью отсутствовавших, естественно, в структуре Института. Объяснить это нетрудно. Во-первых, нельзя забывать, что «Роспись» представляла

собой все же каталог конкретной библиотеки, причем открытой, платной библиотеки. Обойти этот отдел Анастасевич никак не мог, да это оказалось бы недопустимым и с цензурной точки зрения. Но, кроме того, у нас нет никакого основания думать, что составляя даже и не заказанный ему каталог, а вполне самостоятельный библиографический труд, Анастасевич обошел бы богословие — представление о его «атеизме» сильно преувеличено. Однако он мог бы, как будто, выделить в «Росписи» богословие в особое отделение. Анастасевич поступил иначе, потому что вопросы религии — об этом свидетельствуют его записные книжки — в основном сводились им к вопросам морали, и включение богословия во второе отделение было, поэтому, для него закономерным.

В остальном содержание обеих схем полностью совпадает. Если то, что объединено в первом классе схемы Фуркруа, попадало, скажем, в системах Амейона, Пенью, Демидова в два разных класса, в системах Бютеншена и Оленина — в три, у Эрша и Парана — в пять, то у Анастасевича все это находится в одном, первом же отделении. Последовательность вторых делений (в «Росписи» несколько более крупных) в общем также соответствует схеме Фуркруа, за исключением места физики и химии после естественной истории, что было широко распространено в библиографических классификациях конца XVIII — начала XIX века. Кроме того, ветеринария выделена отдельно, а не соединена с сельской экономией. Содержание вторых классов обеих схем совпадает полностью (кроме богословия), хотя терминология и размежевание между отделами иные — для целей библиографии у Анастасевича несомненно более удобные (и более, впрочем, традиционные).

Предположение об использовании Анастасевичем схемы Фуркруа не противоречит, таким образом, тем отдельным отклонениям, которые обнаруживаются при более детальном сопоставлении обеих схем. Сознательное обращение Анастасевича к схеме Фуркруа (или к какой то другой, идущей от Фуркруа) можно видеть, в частности, в том, что к десятым годам XIX века принятая Конвентом структура фактически уже не действовала.

В 1803 году три класса Института были заменены четырьмя; при этом класс наук нравственных и политических в наполеоновской Франции исчез и был заменен классом истории и античной литературы. Таким образом, отпадает предположение, что Анастасевич мог воспользоваться в качестве образца структурой Института тех лет, когда составлялась «Роспись» (конец десятых годов).

Использование Анастасевичем схемы Фуркруа или, во всяком случае, близость обеих схем подчеркивают прогрессивный характер его попытки построить библиографическую систему. Принятая Конвентом структура была положена в основу самого передового в тот момент научного учреждения Европы; она отражала понимание системы человеческих знаний виднейшими французскими учеными, объединенными в Институте — Лапласом, Лагранжем и др. Она покоилась на принципах, развивавших в свете успехов естествознания идеи французских просветителей, в частности, Кондильяка и Кондорсе¹⁷.

В итоге можно констатировать, что система Анастасевича, примененная в «Росписи библиотеки для чтения» В. А. Плавильщикова, была первой попыткой в истории библиографии и библиотековедения положить в основу классификации книг объективные признаки явлений, изучаемых человеком, и в этом ее большая прогрессивная роль.

ГЛАВА 7

«РОСПИСЬ» ПЛАВИЛЬЩИКОВА

§ 1.

Возникшие в конце XVIII в. т. н. «библиотеки для чтения» при книжных лавках приобрели особенное значение с середины десятых годов XIX в. Вплоть до пятидесятых годов они выполняли функции общедоступных библиотек, обслуживая все расширявшиеся демократические читательские круги: мелкое чиновничество, семинаристов, студентов, купечество, грамотную верхушку оброчного крестьянства.

Новая русская книга доходила до своих читателей, в большой мере, именно через платные «библиотеки для чтения». Некоторые из каталогов этих библиотек («росписи», «реестры») были построены систематически и явились серьезными работами, восполнявшими отсутствие аналогичных ретроспективных библиографических трудов.

Книжная лавка В. А. Плавильщикова, культурного издателя и книготорговца, связанного с кругами тогдашней интеллигенции, была своего рода литературным клубом. Современники подчеркивали, что открытая при ней библиотека представляла собой, по существу, первую в Петербурге русскую библиотеку, довольно полную и хорошо подобранную. В основе ее лежали личные библиотеки самого владельца и его брата, известного актера и драматурга.

Сначала, в 1817 г., В. А. Плавильщиков издал алфавитный реестр своей библиотеки. Предприняв новое издание, он привлек к работе Анастасевича. В 1820 г. вышла в свет «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. А. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная».

В предыдущей главе мы касались лишь основных — первых и вторых — делений системы, примененной в «Росписи» Анастасевичем. Группировка материала шла дальше — по третьим, а иногда и четвертым делениям, причем последние представляют собой, как правило, комбинирование отдельных тем и типов изданий. Но вообще то говоря, таких случаев сравнительно немного: на 145 третьих делений лишь в 15-ти выделены четвертые, а в целом группировка в «Росписи» не столь уж дробна, как это обычно представляется; скажем, сравнительно с системой Оленина, в «Росписи» в полтора раза меньше последних делений. Конечно, дальнейшее дробление зависело в значительной степени от общего количества книг, включенных в «Роспись», и от количества книг в каждом подотделе. Однако не эти количества играли решающую роль. Подчас довольно крупные подотделы, занимавшие по несколько страниц, Анастасевич оставлял без дальнейшей группировки («Военное искусство», «Финансы и торговля»,

«Политика», «Грамматики» и др.); наряду с этим, в отдельные рубрики выделены иногда 2—3, а то и 1 книга. Ясно, что он руководствовался определенным планом.

Незадолго до начала работы над «Росписью» Плавильщикова Анастасевич принял участие в длительном обсуждении библиотекарями Публичной библиотеки мероприятий по организации ее каталогов. Директором библиотеки А. Н. Олениным поставлены были перед библиотекарями (как штатными, так и почетными — среди них и перед Анастасевичем) одиннадцать вопросов, с предложением дать письменные ответы. Наиболее серьезными явились ответы И. А. Крылова, А. Х. Востокова, В. С. Сопикова и Анастасевича. Но и среди этих четырех ответов записка Анастасевича выделяется своей широтой, осведомленностью ее автора в вопросах организации каталогов и взаимосвязи библиографии и каталогизации¹. Характерные для Анастасевича многословие и уход в мелочи не лишают эту записку очень большого интереса. В частности, мы находим в ней следующее принципиальное замечание: «В «Опыте нового библиографического порядка» весьма хорошо приведено мнение Флейшера о библиографическом лабиринфе насчет иенской системы [Шютца-Гуфланда-Эрша]. Действительно, в библиографии нет затруднительнее излишнего раздробления статей. Бесспорно, что тем далее распространяются науки, тем многочисленнее делают их ветви, однако ж они должны иметь видимую связь между собою».

Недовольство чрезмерной дробностью оленинской системы высказано было, в соответствующие почтительных выражениях, многими библиотекарями Публичной библиотеки, в том числе наиболее развернуто — Крыловым, и это, видимо, еще более укрепило точку зрения Анастасевича. Поэтому и в «Росписи» Плавильщикова он провел «раздробление статей» лишь там, где по его мнению, оно не могло вызвать никаких затруднений («Практическая медицина», «Законодательство российское», «Законодательство разных народов», «История частная по странам света» и некоторые другие).

В девяти случаях в отделах выделены подотделы «Смесь», а «Смесь словесности» выступает даже в каче-

стве особого отдела. Замысел Анастасевича раскрывается им в той же записке о каталогах Публичной библиотеки. «В каждой книге должна находиться главная цель автора, даже в т. н. разного содержания собраниях или сборных сочинениях — *miscellanea, mélange, смесь* и т. п. Если каждое отделение из составляющих главные части всей системы разделить только на два разряда, 1-е в о б щ е, 2-е — в ч а с т я х, то книга, содержащая рассуждения только о некоторых из сих частей, а не о всех, будет с м е с ь того отделения, к которому относятся оные части. Может также и каждая из сих частей иметь свою особенную смесь, когда пишется только о некоторых предметах одного подразделения и т. п. Наприм. О с о л я х, к а м н я х и пр. войдет в смесь по м и н е р а л о г и и». Таким образом, внимание Анастасевича было направлено на то, чтобы не допустить отражения книги в каталоге лишь одной ее стороной, не дать ей из-за этого затеряться, подчеркнуть, что в книге затронуто несколько вопросов.

Мы далеки от утверждения, что решения Анастасевича во всех случаях обоснованы; подчас это даже прямые ошибки. Тем не менее, в целом распределение книг произведено им последовательно.

В ряде случаев то же стремление к более полному раскрытию содержания книг реализовано ссылками из отдела в отдел, иногда внутри одного отдела; встречаются ссылки к собраниям сочинений и даже к периодическим изданиям, примечания, отсылающие от одного заглавия той же книги к другому, или сопоставляющие разные издания.

Сравнительно небольшим числом последних делений Анастасевич имел возможность ограничиться потому, что он пытался ориентировать читателей «Росписи» в содержании книг иным путем — самой последовательностью записей в подотделах и в рубриках². Рассмотрение этого вопроса, однако, неотделимо от вопроса о методах описания в «Росписи» Плавильщикова.

Не только систематическое расположение привлекало в ней внимание современников. «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова, как было широко известно, составлялся в большой своей части по книготорговым

реестрам и каталогам частных библиотек. «Роспись» же Плавильщикова явилась первым такого объема и охвата указателем, составленным на основании самих книг.

Что же представляют собой описания книг, данные в «Росписи?»

Н. Н. Аблов утверждал, будто «Анастасевич, работая одновременно над завершением 5-го тома «Опыта» Сопикова, многие методы описания, принятые последним, перенес в «Роспись» Плавильщикова до введения особых отметок для книг оригинальных и переводных включительно. Из Сопикова Анастасевич перенес и применение немецкого метода при описании книг по названиям: заглавия книг описывались с перестановкой слов в основном названии сочинения, выдвигая на первое место существенное «ударное» слово этого названия <...>. Переставляемые слова ставились в скобках»³.

Не будем останавливаться на том, что «Роспись» Плавильщикова была уже закончена, когда Анастасевич приступил к завершению «Опыта» Сопикова. Не будем останавливаться на том, что применение отметок для оригинальных и переводных произведений было известно в русской библиографии и до Сопикова. Важнее то, что говорит Аблов о заимствовании Анастасевичем у Сопикова способа описания под существенным словом.

Общим, однако, у Сопикова и у Анастасевича было лишь то, что книги описывались под заглавиями. Но это ни в какой мере не являлось характерным специально для Сопикова. Описание под заглавием, как известно, было широко распространенным в русской библиографии способом описания книг и раньше, и значительно позже, а в первой четверти XIX века только в немногих библиотечных каталогах указание автора возглавляло описания. Самая же методика этого описания под заглавием у Сопикова и у Анастасевича совершенно различны.

В «Опыте российской библиографии» книги описаны, как правило, либо под первым существительным в именительном падеже, либо под первым словом заглавия. Вторым способом применялся Сопиковым, главным образом, когда перечислялись подряд произведения одного автора, при описании художественных произведений, при описании

книг, заглавия которых начинались с имени автора, и, наконец, когда прилагательное, с которого начиналось заглавие, несло очевидную смысловую нагрузку. Примеры: «История (краткая) о городе Архангельском» = № 4761; «Сочинения г. Вольтера, переведенные с французского... История о крестовых походах», «Новое расположение истории разума человеческого» = №№ 2557, 2573 (но: «Завещание (политическое) г. Вольтера» = № 4142, в общем алфавитном ряду); «Досужные часы или повествователь разных историй» = № 3292; «Евгения Булгара архиепископа Славенского и Херсонского, историческое разыскание о времени крещения Российския великия княгини Ольги» = № 3646. Конечно, попадаются и противоположные случаи, но все же это незначительные в своей сумме исключения.

В «Росписи» Плавильщикова подавляющее большинство книг описано под т. н. существенным, как тогда говорили, — «главным» словом, причем вне зависимости от падежа, в котором стоит это слово. Примеры: «Архангельском (краткая история о городе)» = № 2708; «Походах (история о крестовых)» = № 3072; «Истории разума человеческого (новое расположение)» = № 3099; «Политическое завещание, Вольтера» = № 3455; «Крещения (историческое разыскание о времени) Российския великия княгини Ольги Евгения Булгара», = № 2741.

В. И. Добровольская отметила это отличие описаний Анастасевича от описаний у Сопикова. Она справедливо пишет, что вынесение вперед «главного слова» позволяло «уяснить содержание книг»⁴. Однако она почему то считает, что в «Росписи» Плавильщикова таким образом описаны лишь отдельные издания, в то время как это — основной способ (лишь в отделе художественной литературы преобладает описание под первым словом заглавия). Способ этот был заимствован Анастасевичем непосредственно из немецкой библиографии; но в то время, как там всегда выносилось вперед лишь одно «существенное» слово, Анастасевич нередко выдвигал вперед целые словосочетания — например: «Землемерия межевого (математическое краткое изъяснение)» = № 73; «О рождении металлов (слово) <...>» = № 328. В данном случае, в рамках си-

стематического каталога такой способ описания преследовал цели дальнейшего раскрытия содержания литературы, создания внутри подразделов своеобразной предметной группировки. В «Изъяснении знаков и сокращений» Анастасевич так и формулировал: «Для сближения между собою сходных по содержанию своему книг в некоторых названиях поставлено в скобках самое начало заглавия». Вывод Н. Н. Аблова: «этот прием имел еще какой-то смысл в каталогах при алфавитном размещении книг, но особенно странное впечатление он производит в систематической росписи Плавильщикова, где алфавит мало соблюдался в систематических разделах»⁵, свидетельствует, что Н. Н. Аблоу совершенно не понял замысла Анастасевича.

В подразделах «Росписи», как правило, сначала указаны общие работы, затем помещены — если они есть в данном подразделе — учебные курсы и руководства. После этого идет алфавит; но это не просто алфавит вынесенных вперед существенных слов: это также нередко и алфавит первых существительных, причем, в случае нескольких записей с одним и тем же существительным, строится алфавит вторичный — «главных» слов, оставленных в описании на своем месте; при наличии нескольких книг с одним и тем же «главным» словом, этот вторичный ряд строится большею частью по алфавиту начальных слов заглавия. Приведем для примера целиком (с сокращением описаний) подраздел «Металлургия»:

- 319: *Металлургии (первые основания) или рудных дел; М. Ломоносова. ...*
320. *Металлургия (Скополи), ...*
321. *Пробирное искусство, или руководство к химическому испытанию ... В Севергина. ...*
322. — *искусство, или способ разлагать металлические руды... Бергмана, ...*
323. *Горных и соляных производств (первые основания искусства), Канкрина; ...*
324. *Заводов Колывано-Воскресенских (описание), А. Шангина ...*
325. — *Петрозаводского и Кончезерского (описание), ... И. Германа; ...*
326. *Меди (история естественная), или руководство... Германа. ...*
327. *О начале и рождении металлов (опыт Эйлера), ...*

- 2933 Камчатки (описание земли), *С. Крайновичникова*; 2 ч. съ рисунками и ландкартами. Спб. 786. (4) 10 р. +
- 2934 Каспійскаго моря (описание), и чиненныхъ на ономъ Россійскихъ завоеваній; *Ө. Соймонова*; выбралъ изъ журнала его, *Миллеръ*. Спб. 763. (8) 5 р. +
- 2935 Калужскаго намѣстничества (топографическое описание), съ картами. Спб. 785. (4) 5 р. +
- 2936 Колы и Астрахани (описание), *Н. Озерцовскаго*; Спб. 804. (12) 1 р. 50 к. +
- 2937 Костромы (собрание историческихъ извѣстій, относящихся до); *И. Васькова*. М. 791. (8) 5 р. +
- 2938 Курскаго намѣстничества (описание), изъ древнихъ и новыхъ разныхъ онемъ извѣстій вырощенное; *С. Ларионова*. М. 786. (4) 10 р. +
- 2939 Лифляндіи (дополненіе къ медико-топографическому описанію), съ присовокупленіемъ табелей о состояніи оспы, и чертежей крестьянскихъ избъ и бань, *Оттона Гүна*. съ Нѣм. *В. Дзунковскій*. Спб. 814. (4) 7 р. *
- 2940 Малой Россіи (крашкія географическія, политическія и историческія извѣстія о), и проч. *В. Рубана*. Спб. (12) 5 р. +
- 2941 Малыя Россіи (землеописание о), *Рубана*. Спб. 777. (8) 5 р. +
- 2942 Малороссіи (записки о), ея жителей и произведеній, *Н. Марковича*; часть 1. Спб. 798. (8) 2 р. +
- 2943 Московской Губерніи (историческое и топографическое описание городовъ), съ ихъ уѣздами. М. 787. (8) 6 р. +
- 2944 Москвы (историческое и топографическое описание, первопрестольнаго града), съ приобщеніемъ частныхъ ея плановъ. М. 796. (4) 10 р. +
- 2945 — (историческое извѣстіе о всѣхъ церквахъ; столичнаго города); М. 796. (12) 3 р. +
- 2946 — (указатель), 2 ч. М. 793. (8) 10 р. +
- 2947 Москвѣ (описание праздника даннаго въ), 19го Мая 1814 года, обществомъ благородныхъ людей. М. 814. (4) 1 р. 50 к. *

- 2948 Москва начертание, *Г. Рихтера*; съ Нѣм. Спб. 801. (12) 2 р. *
- 2949 Коломенскомъ Историческія свѣдѣнія, изъ Лѣтописей ошечественныхъ и преданій изустныхъ извлеченныя о селѣ), съ видами и чертежами. М. 809. (2) 50 р. +
- 2950 Спаснаго (крашкое описание села), Кусково шожь, принадлежащаго Графу Шереметеву; *В. Вороблевскаго*. М. 787. (8) 3 р. +
- 2951 Изъясненіе на чертежъ села Двубрайтскаго, Сколково шожь, которое ошстоитъ отъ Москвы на 13 верстѣ по Можайской дорогѣ, и находящія во владѣніи Графа *И. Г. Чернышева*. (8) 2 р. +
- 2952 Оренбургскія (шопографія), шо есть, обстоятельное описание Оренбургской Губерніи; *П. Рыкова*, 2 ч. Спб. 762. (8) 15 р. +
- 2953 Очаковскія земли (повѣствованное, землемѣрное и естественное описание); *А. Мейера*. Спб. 794. (8) 5 р. +
- Пермской Губерніи (хозяйственное описание), см. No 754.
- 2954 Рига (шопографическое описание города), съ присовокупленіемъ врачебныхъ наблюдений; *Оттона Гуна*, съ Нѣм. *В. Дажинковскій*; съ фигурами. Спб. 804. (4) 10 р. *
- 2955 Санктпетербургскія (адресная книга), содержащая въ себѣ: описание по азбучному порядку расположенное всѣхъ домовъ въ С. Петербургѣ находящихся, съ показаніемъ именъ хозяевъ оныхъ; *Г. Фонъ-Реймера*. 2 ч. Спб. 809. (8) 10 р. +
- 2956 Санктпетербурга (достопамятности), и его окрестностей, *П. Сивина*; на Россійс. и Франц. языкахъ, съ портретомъ Императора АЛЕКСАНДРА I, и съ 17 видами, и планомъ С. Петербурга; 3 ч. Спб. 816—818. (4) 50 р. +
- 2957 — (историческое, географическое и шопографическое описание), отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ; *Богданова*, сомногими изображениями первыхъ зданій; издавъ и дополнилъ *В. Рубанъ*. Спб. 779. (8) 25 р. +

328. О рождении металлов (слово), от трясения земли, *М. Ломоносова*; ...
329. При монетном деле (описание), потребного искусства, *И. Шлаттера*; ...
330. Рудного плавильного дела (описание обстоятельное), *И. Шлаттера*; ...
331. Рудословной системы (опыт), *Кронштедта*; ...

Иногда это два и даже три ряда существенных слов, составляющих как бы отдельные рубрики (сначала — более общие по содержанию, затем — более частные). Примеры см. в подотделах «О законах и законодательстве вообще», «Политическая экономия или государственное хозяйство» и др. Иногда это алфавит авторов — см. «Басни, сказки и притчи» и др. Иногда, вне всякого алфавита — хронология, топография — см. «Узаконения государей все-российских», «Слова похвальные», «География частная», «География общая и частная России». Иногда — алфавит заглавий — см. «Поэмы», «Повести, романы, сказки», частично, однако, инверсированных.

Пользуясь нынешней терминологией, можно сказать, что Анастасевич комбинировал внутри подделов последовательность от общего к частному с алфавитно — предметной. Описание книг было поставлено на службу такой последовательности материала. Независимо от того, насколько удавалось Анастасевичу в тех или иных случаях раскрыть перед читателями содержание литературы, замысел этот несомненен. Он приводил, конечно, к очень сложному и странному построению заглавий, а подчас и к наивной группировке — тем не менее в целом это был значительный шаг вперед в методике составления систематического указателя.

Описания в «Росписи» Плавильщикова отличаются также значительными сокращениями.

При сопоставлении описаний «Росписи» Плавильщикова с описаниями В. С. Сопикова, А. К. Шторха, «Росписи» Смирдина бросается в глаза странное на первый взгляд обстоятельство: ряд книг описан предельно кратко; опущены не только подзаголовки, но и большая часть заглавия; в других же случаях, даже и при довольно длинных заглавиях, описания «Росписи» Плавильщикова по своей полноте идентичны самым подробным — в «Рос-

писи» Смирдина. Но сопоставляя описания с самыми книгами, вдумываясь каждый раз в смысл заглавия и подзаголовка, в то, как и в какой степени раскрывают они содержание книги, можно понять критерий этих сокращений. Мы бы сформулировали этот критерий следующим образом: сохранить все, что помогает полноценному представлению о книге. Характерна, в частности, такая деталь: в описаниях «Росписи» Плавильщикова отмечено и то, чего нет на титульном листе и что отсутствует даже в самых подробных описаниях «Росписи» Смирдина, — наличие в книгах иллюстраций и чертежей (что не мешает, в отдельных случаях, отсутствию таких указаний даже при наличии их на титульном листе).

Если не обращать внимания на отдельные описки (или опечатки), на пропуски отдельных слов — вероятно, результат небрежности — то основным принципом сокращений надо считать отбрасывание Анастасевичем всего, что по существу повторяло начальные слова заглавия, что не раскрывало дополнительно содержания книги, а являлось лишь своеобразным украшением, нередко играло просто рекламную роль. В упоминавшейся уже выше записке о каталогах, поданной Ленину, Анастасевич, хотя и отмечал, что «на сокращение заглавий нельзя дать общего правила», но писал о «некоторых заглавиях, каковые часто в фолиантах нарочно бывают растянуты для наполнения пустоты, и чрез то сами делаются пустыми». Этой «пустотой» он и не хотел загромождать «Роспись», отмечая, впрочем, в большинстве случаев, произведенные им сокращения: «и проч.».

Приведем примерные сравнительные таблицы (см. табл. IV—VI), которые иллюстрируют, как сокращал Анастасевич заглавия и подзаголовки, и как, иногда, в действительности, это были только кажущиеся сокращения (примеры эти нам пригодятся и в следующей главе — о «Росписи» Смирдина).

В «Предуведомлении» ко второй части «Опыта...» В. С. Сопиков также писал о «пространнейших и многословных, часто нелепых заглавиях», которые он «почел за нужное сократить, удерживая из них токмо нужное и существенное, наблюдая при том, чтоб везде был полный

Ответ русского гражданина на вопрос: Полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры, или лучше предоставить иностранному сему государству обогащать себя земледелием, то есть первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и прочее? С примечаниями издателя. 1815.

Турецкий шпион при дворах христианских государей или письма и записки соглядавшего европейские дворы тайного турецкого посланника, в которых содержатся касающиеся до всех дворов известия, с достойными любопытными рассуждениями о их силах политике и богослужении. Переведено с французского языка. 1778.

Сокращение всемирной истории, представляющее перемены народов, то есть их возвышения, упадки и совершенные падения, с тех пор, как они стали быть известны даже до сего времени, сочиненное г. Анкетилем, членом Французского национального института и корреспондентом Академии надписей и изящных наук. ч. 1-3. 1802—1807.

С ч. 2 загл.: Сокращение всемирной истории или историческое изображение, представляющее взаимные перемены народов, их увеличение и их упадок с того времени, когда они стали быть известны до нынешних времен.

682. Сокращение всемирной Истории г. д' Анкетиля, с Фр. ч. 1 и 2. 802-3.

* Указания места издания и типографии опускаются.

Сопиков	Плавильщиков	Смирдин
— — 11105. Сокращение всемирной Истории, представляющее перемены народов, то есть их возвышения, упадки и совершенные падения, с тех пор, как они стали быть известны, даже до сего времени; соч. г. Анкетилля; перев. с Франц. Студентами Педагогического института; 3 ч. 1802—1807.	2408. Мануфактуры (ответ Русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять), и проч. 815. 2485. Шпион (Турецкой) при дворах Христианских Государей, или письма и записки соглядывавшего Европейские дворы, тайного Турецкого посланника, и проч. с Фр. 778. 2559. Истории (сокращение всемирной), или историческое изображение, представляющее взаимные перемены народов, их увеличивание и их упадок с того времени, когда они стали быть известны до нынешних времен; Анкетилля. 3 ч. 802—807.	2270. Ответ Русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять Мануфактуры, или лучше предоставить пространному сему Государству обогащать себя земледелием, то есть, первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и проч.? 1815 г. 2222. Турецкий шпион при дворах Христианских Государей, или письма и записки соглядывавшего Европейские Дворы тайного турецкого посланника, в которых содержатся касающиеся до всех Дворов известия, с достойными любопытства рассуждениями: о их силах, политике и Богослужении; пер. с Франц. 1778 г. 3033. Сокращение Всемирной Истории, представляющее перемены народов, то есть, их возвышения, упадки и совершенные падения, с тех пор, как они стали быть известны, даже до сего времени; соч. Анкетилля; пер. с Фр. под смотрением Осиповского; издано Главным Правлением Училищ. 3 части. 1802-1807 г.

Об учреждении Ассигнационного и Заемного банков, для споспешествования народному богатству с присовокуплением статуту Французского банка и ответа на критику рассуждений о некоторых предметах законодательства и управления по части финансов и торговли Российской империи. Издано статским советником и редактором по коммерции в Комиссии составления законов Ф. Г Вистром. 1808.

Начертание полной купеческой системы, купно с начальными основаниями торговой науки и с приобщением краткой истории о торговле, водою и сухим путем отправляющейся, из которой можно притом усмотреть настоящее состояние европейской торговли, производящейся и в другие части света, к услугам прилежащих к торговле, сочиненное Карлом Гинтером Людовицием. В пользу российского купечества переведенное надворным советником Федором Сапожниковым. Ч. I-II. 1789.

Театральный собеседник или собрание веселых и занимательных анекдотов, острых изречений, странных обычаев, касающихся до театра и проч. Изданный в пользу и удовольствие любителей театра. Перевод с немецкого. 1804

1399. Театральный собеседник, или собрание веселых и занимательных анекдотов, острых изречений, странных обычаев, касающихся до театра. 804.

Сопиков	Плавильщиков	Смирдин
12341. Об Учреждении Ассигнационного и Заемного Банка для споспешествования народному богатству, с присовокуплением статутов Французского Банка, и ответ на критику рассуждений о некоторых предметах законодательства и управления по части Финансов и торговли Российской Империи; издано Ф. Г. Вирстом; 1808.	2403. Банка (об учреждении Ассигнационного и Заемного), для споспешествования народному богатству, с присовокуплением статутов Французского Банка, и ответа на критику рассуждений о некоторых предметах законодательства и проч. Ф. Вирста. 808.	2266. Об учреждении Ассигнационного и Заемного Банков, для споспешествования народному богатству, с присовокуплением Статутов Французского Банка, и ответа на критику рассуждений о некоторых предметах Законодательства; соч. Вирста. 1808 г.
6790. Начертание полной купеческой Системы, с начальными основаниями торговой науки; соч. Людовицием; перевел с Немецкого Федор Сапожников; 2 части; 1789.	2417. Купеческой системы (начертание полной), с начальными основаниями торговой науки, и с приобщением краткой истории о торговле, и проч. Людовicia, с Нем. Ф. Сапожников. 2 ч. 789.	2316. Начертание полной купеческой системы, купно с начальными основаниями торговой науки, и с приобщением краткой истории о торговле, водою и сухим путем управляющейся, из которой можно притом усмотреть настоящее состояние Европейской торговли, производящейся и в другие части света; соч. Карла Гинтера Людовicia; пер. Федор Сапожников. 2 части. 1789 г.
11746. Театральный собеседник, или собрание веселых и занимательных анекдотов, острых изречений, странных обычаев, касающихся до театра; и проч. 1805.	6238. Театральный собеседник, или собрание веселых и занимательных анекдотов и пр. с Нем. 804.	7840. Театральный собеседник, или собрание веселых и занимательных анекдотов, острых изречений, странных обычаев, касающихся до Театра и проч.; пер. с Нем. 1804 г.

На титульном листе	Шторх
Изображение нынешнего политического положения Франции, содержащее в себе описание состояния французского правительства, армии, правосудия, полиции, Почетного легиона, суда, произведенного над Моро, Пишегрю и Жоржем, коронации Бонапарта, пребывания в Париже папы, свойства и поступков Бонапарте и его чиновников, торговли и мануфактур и проч., писанное одним англичанином, жившим в столице сего государства. 1807.	—
Опыт древней китайцев философии, о их нравоучении и правлении, с приложением проповеди. Переведено с латинского языка в Александро-Невской семинарии. 1794.	—
Опыты пчеловодства для охотников и любителей оного с прибавлениями, взятыми из лучших писателей сего рода, а особливо о роях, производимых посредством отводков и о магазинных или составных ульях, сочиненное пастором И. П. Фридериком, проповедником в Камине, что в герцогстве Мекленбургском. С немецкого переведены титулярным советником Федором Корбелецким. 1807.	—

Сопиков	Плавильщиков	Смирдин
7817. Опыт древней Китайцев философии, о их нравоучении и правлении, с приложением проповеди о Христе Спасителе в Китайском Царстве * ; пер. с Лат. 1794. 7912. Опыты пчеловодства, для охотников и любителей оного; соч. И. П. Фридерика; перев. с Нем. Ф. Корбелецкий; с фигур. 1807.	2510. Франции (изображение нынешнего политического положения); 807. 1620. Философии (опыт древней Китайцев), о их нравоучении и правлении, с приложением проповеди; с Лат. 794. 835. Пчеловодства (опыты) для охотников и любителей оного; Фридерика; с Нем. Ф. Корбелецкий; с рисунками. 807.	2239. Изображение нынешнего политического положения Франции, содержащее в себе: описание состояния Французского Правительства: армии, правосудия, полиции, почетного Легиона, суда, произведенного над Моро, Пишегрю и Жоржем, коронации Бонапарте, пребывание в Париже Папы, свойства и поступков Бонапарте и его чиновников, торговли и мануфактуры и проч. 1807 г. 1058. Опыт древней Китайцев философии, о их нравоучении и правлении, с приложением проповеди; пер. с Лат. 1794 г. 5063. Опыты пчеловодства для охотников и любителей оного, с прибавлениями, взятыми из лучших писателей сего рода, а особливо о роях, производимых посредством отводков, и о магазейных или составных ульях; соч. Фридерика. пер. с Нем. Корбелецкий; 3 части. 1807 г.

* С отдельного титульного листа приложения

смысл и ясное понятие о самой книге». Таким образом, обоснование сокращений у Сопикова и Анастасевича, в сущности, одно и то же. Шторх также писал: «Из весьма длинных заглавий книг, помещено только существенное и отличительное, но так, что несмотря на сокращение, книга всегда отыскана быть может». ⁶ Приводимые примеры показывают, как весьма по-разному понималось ими это «существенное». Возможно, впрочем, что немаловажное значение имело описание книг Шторхом, — а в какой то части и Сопиковым — не de visu; поэтому и сокращения их нередко выглядят мало оправданными, иногда недостаточными, иногда, наоборот, чрезмерными, сравнительно с «Росписью» Плавильщикова — особенно у Шторха.

В той же записке о каталогах, касаясь предположенного Публичной библиотекой каталога по именам авторов, и рассматривая его как вспомогательный указатель к систематическому, Анастасевич предлагал превратить алфавитный каталог в подлинный справочный аппарат: «Но под оным номинальным каталогом я разумею краткий именной список по известным авторам, с кратким же показанием и самих сочинений их, но только тех, кои находятся в сей Библиотеке. В Российско-императорской Публичной библиотеке прилично и даже нужно иметь такой общий список на российском языке; но не довольно было бы иметь оный, на сем одном. Имена некоторых иноземных писателей, написанные по российскому произношению, произвели бы великие затруднения для обеих сторон: для требователей и библиотекарей. Но как одна только русская азбука особенно разнствует в начертании и порядке букв с алфавитами прочих европейских народов, употребляющих ныне почти вообще римский или латинский алфавит; с весьма малым изменением, то довольно было бы иметь только два таковые именные списка авторам с означением при каждом имени в российском, как оно стоит в списке по латинской азбуке, а в сем последнем, как изображено в первом, по обыкновенному у нас выговору, или произношению имени этого автора, например, в 1-м Шекспир (Schakespeare), а во втором, наоборот, Shakespeare (Шекспир)».

В меру своих сил Анастасевич попытался при-

менить предложенный им метод в «Росписи» Плавильщикова.

«Указатель Российских и иностранных писателей, которых сочинения и переводы на российский язык в свет изданные показаны в сей Росписи, с означением номера каждой книги» вышел на год позже «Росписи», вместе с первым прибавлением. Для русской библиографии «Указатель» этот оказался не в меньшей мере новинкой, чем «Роспись», и вызвал всеобщее одобрение. Действительно, у него были крупные достоинства.

Ряд методических новшеств отличает его от немногих, известных к тому времени в русской библиографии; вспомогательных указателей. Охватив имена подавляющей части русских литераторов XVIII — начала XIX в., «Указатель» этот многие годы являлся одним из важных библиографических источников. Евг. Болховитинов писал Анастасевичу: «имянной ваш индекс авторов и переводчиков весьма полезен»; «это — полезнейшая часть вашего каталога и нужнейшая для литераторов»⁷.

«Указатель» в «Росписи» Плавильщикова, прежде всего, был шире своего заглавия. Сюда включены не только авторы в собственном смысле слова и переводчики, но и авторы оригиналов, переделкой которых или подражанием которым являются те или иные помещенные в «Роспись» сочинения; авторы прибавлений, примечаний, адресаты писем; ряд имен, упомянутых в заглавиях. В «Указатель» включены отсылки к сочинениям, имеющим, по терминологии Анастасевича, «к оным именам отношение» (Анастасевич в этих случаях — впрочем, не всегда — заключал номера в скобки).

Как известно, в «Указателе» раскрыто много имен авторов, для ряда русских авторов и переводчиков — имен и отчеств. При иностранных фамилиях Анастасевич указывал в скобках их написание либо на соответствующем языке, либо в латинской транскрипции; смысл этих указаний он разъяснил в упоминавшихся уже предложениях Публичной библиотеке об алфавитном каталоге. Многочисленные ссылки связывают разные формы одной и той же фамилии, отсылая к принятой в «Указателе».

Принцип «коллективного автора» применен был впервые А. К. Шторхом. В его «Систематическом обозрении...», в «Росписи российским писателям» ряд книг был собран под наименованием их «коллективных авторов» — Академия, Славяно-Греко-Латинская; Академия, Российская; Академия наук; Коллегия, Гос. Мед.; Коллегия, Гос. Коммерц.; и т. д. Анастасевич в своем «Указателе» применил этот принцип значительно шире. Под наименованием ряда учреждений (Гвардейский штаб, Главное Правление училищ, Горное училище, Департамент государственный адмиралтейский, Департамент артиллерийский, Департамент инженерный, Департамент медицинский и т. д.) даны отсылки не только к непосредственно вышедшим от их имени и без указаний индивидуальных авторов изданиям, но и ко всему тому, что было издано различными обществами, академиями, учреждениями. У Шторха было лишь два таких случайных указания. Понятно, как повышало это обстоятельство ценность «Указателя» к «Росписи» Плавильщикова, тем более, что Анастасевич делал это даже тогда, когда в тексте «Росписи», в описаниях сведения о «коллективном авторе» отсутствовали. Кроме того, Анастасевич и здесь, наряду с выделением на первое место имени существительного, нередко формулировал по «существенному» слову (Вольное экономическое общество, Гвардейский штаб), иногда связывая ссылками, а иногда давая отсылки под двумя наименованиями (Вольное общество любителей российской словесности, Общество вольное любителей российской словесности).

«Роспись» Плавильщикова привлекала внимание современников еще и тем—это общеизвестно—что в ней раскрыты были авторы многих анонимных книг, раскрыты некоторые псевдонимы. Запас сведений о русской книге, которым располагал Анастасевич, и который был, наконец, хоть частично пущен в дело, конечно, не ограничивался именами авторов; знание Анастасевичем русской книги отразилось и в самом распределении книг, и в сопоставлении изданий, в ссылках и т. д. Но бросалось в глаза прежде всего именно раскрытие анонимов, причем нашлись и протестовавшие против такого разглашения литературной тайны.

Работу эту Анастасевич, в основном, проделал еще в самом тексте «Росписи»; некоторые же дополнения и даже исправления были сделаны им при составлении «Указателя».

Раскрытие анонимов сыграло преимущественную роль в высокой оценке «Росписи» и «Указателя» в истории русской библиографии. Но вместе с тем распространено убеждение, будто Анастасевич не считал нужным оговаривать такие раскрытия и последовательно описывал книги в этих случаях так, что создавал ложное о них представление, вносил путаницу. Формулируя это общее мнение, Н. Н. Аблов, например, писал, в связи с «Росписью» Смирдина: «При всех справочных достоинствах, самым существенным недостатком «Росписи» Смирдина является то, что Анастасевич еще в плавильщиковском издании часто вносил «от себя» авторов книг анонимных, нигде не отмечая этого. Получилось так, что совершенно неизвестно, где автор на книге указан и где его внес сам Анастасевич по посторонним сведениям <...>. Этот неверный прием — вносить в описание авторов книг анонимных и псевдонимных не в примечание, а в заглавие — заимствован Анастасевичем у Соликова. Эту погрешность «Росписи» Смирдина, перенесенную из плавильщиковского издания, должен особенно помнить каждый библиограф и научный работник...»⁸.

«Роспись» Смирдина мы пока что оставим в стороне. Что же касается «Росписи» Плавильщикова, то с ней дело обстоит, в действительности, совершенно иначе. Фамилии установленных Анастасевичем авторов и переводчиков заключены в «Росписи» Плавильщикова в круглые скобки и, таким образом, никак не должны были никого вводить в заблуждение насчет того, указаны ли они на титульном листе или нет. В «Изъяснении знаков и сокращений», приложенном к «Росписи», так и сказано: «Фамилии авторов и переводчиков, не означенных на заглавии книг, но в предисловии, или под посвятельными письмами, или в других сочинениях объявленные, здесь напечатаны в скобках»⁹. Правда, в нескольких случаях скобки отсутствуют, но это уже — несомненно, результат небрежности, а никак не примене-

ния элементарно порочного приема, как это обычно представляется. Работая над вспомогательным указателем, дополнительно раскрывая ряд псевдонимов и анонимов, Анастасевич также заключал соответствующие номера в скобки.

§ 2

Анализ построения «Росписи» Плавильщикова и методических приемов Анастасевича позволяет прийти к выводу, что это была вовсе не формальная библиографическая регистрация, а попытка последовательно и обдуманно помочь читателям ориентироваться в русской книге, узнать о ее разностороннем содержании, о ее действительных создателях, помочь в подборе литературы по тем или иным вопросам.

Такая задача, в сущности, далеко выходила за рамки требований к библиотечному каталогу платной публичной библиотеки. Более того, примененные в «Росписи» методические приемы должны были в какой-то мере затруднять непосредственное, оперативное использование ее как каталога, могли быть оценены по заслугам лишь при углубленной работе с нею. Все эти приемы позволяли сравнительно полно подбирать литературный материал, но делали нелегким разыскание определенных книг при отсутствии или незнании автора, переводчика, редактора. Едва ли, поэтому, приемы Анастасевича удовлетворили работников библиотеки. Даже алфавитный указатель в «Росписи» казался Плавильщикову лишним (очевидно, в данном виде) — об этом мы узнаем из письма Евг. Болховитинова¹⁰.

Неудовлетворенность Плавильщикова (или его помощников) методами Анастасевича можно обнаружить, обратившись к ежегодным прибавлениям к «Росписи» (1821—1826).

Известно, что прибавления эти явились фактически погодными сводками важнейшей литературы, выходившей с 1820 г. по начало 1826 г., и могут рассматриваться как своеобразная текущая регистрация за это время. Такое их значение особенно вырисовывается при срав-

нении с «Современной русской библиографией» в «Сыне отечества». Например:

	1820 г.	1821 г.	1825 г.
Упомянуто в «Современной русской библиографии»	62	129	91
Помещено в «Прибавлениях» к «Росписи» Плавельщикова . .	327	341	263

При всех коррективах, которые следовало бы сделать из-за различий в учете отдельных томов, повторных и периодических изданий, при том, что в «Современной русской библиографии» есть небольшое количество названий, отсутствующих в «Прибавлениях» — очевидно, что подавляющая часть выходящих в эти годы на русском языке книг в «Прибавлениях» попадала. В этом можно убедиться также при сопоставлении их с рукописным каталогом Публичной библиотеки. К сожалению, книг, вышедших в 1820 г. и позже, в нем нет, т. к. он заканчивается 1819 г., а за 1818—1819 гг. не все книги были закаталогизированы. За ближайший же 1817 год мы находим в каталоге 317 названий, т. е. примерно то же количество за год, что и в «Прибавлениях».

Основным отличием «Прибавлений» к «Росписи» Плавильщикова от будущих прибавлений к «Росписи» Смирдина и является их регистрационный характер. Нет никакого сомнения, что таков был замысел Анастасевича; в предисловии к «Росписи», от имени владельца библиотеки, сказано, что он будет каждый год «умножать <...> Библиотеку вновь выходящими из печати книгами и выдавать к сей Росписи систематическим же порядком составленное особое прибавление, так чтоб оно составляло — полную опись всех вышедших книг каждого года»¹¹. Самые даже заглавия этих прибавлений примечательны — они не упоминают о библиотеке, подчеркивают только регистрационную роль этих прибавлений («Прибавление к систематической росписи российским книгам, изданным в 1820 году» и т. д.).

В первом прибавлении ни одной книги, изданной ранее, мы, действительно, не находим; год издания в опи-

саниях даже не указывается, поскольку он сам собой разумеется — 1820. Во втором прибавлении годы издания указаны: это естественно, т. к. наряду с изданиями 1821 года в нем много изданий 1820 г., очевидно не успевших попасть в предыдущее прибавление. Но вот что вызывает недоумение: под №№ 7321 и 7553 помещены две книги издания 1802 и 1819 гг. Означает ли это, что распространенное представление о «Прибавлениях» неверно? Думаем, что нет — трудно предположить что за два года Плавильщиков приобрел лишь две книги изданий прошлых лет. Небрежность Анастасевича? Может быть — но ведь ему кто-то должен был эти две книги отобрать для включения в «Прибавление», сам то он ведь в библиотеке Плавильщикова не служил! Так или иначе, две книги прошлых лет издания находятся в общем ряду. Обращаясь же к третьему прибавлению, мы, как и прежде, не находим в общем ряду ни одной книги прошлых лет издания; но зато, в качестве отдельного приложения, помещено систематизированное «Общее дополнение к систематической Росписи», включающее книги прошлых лет издания, от 1573 г. по 1819 г. Создается впечатление, что, обнаружив в печатных экземплярах «Прибавления» за 1821 г. «подсунутые» ему издания прошлых лет, Анастасевич взбунтовался и, в конце концов, издатель и составитель пришли к компромиссному решению. То, что, начиная со второго прибавления, Анастасевич уже не являлся полным «хозяином» их, видно из следующей детали: в первом прибавлении основная «Роспись» была описана с указанием в скобках фамилии ее составителя (№ 7153), а во втором прибавлении «Указатель» и первое прибавление описаны анонимно (№ 7481).

В дальнейших прибавлениях изданий прошлых лет мы не встречаем (одна книга 1821 г. в четвертом прибавлении и две книги 1822 г. в пятом прибавлении не идут в счет). Думать, опять таки, что все эти годы библиотека Плавильщикова не обогащалась старыми книгами, нет никаких оснований.

Значит, победила, пока что, как будто, точка зрения на «Прибавления», декларированная Плавильщиковым

(а вернее — Анастасевичем) в предисловии к «Росписи» в 1820 г. Но разногласия между издателем и составителем продолжались; это видно из того, что и описания в «Прибавлениях» не отличаются той последовательностью применения избранных Анастасевичем методов, как это имело место в основном реестре.

В первом прибавлении, вышедшем при несомненно активном участии Анастасевича (его алфавитный указатель охватил и это прибавление, цензуровались они почти одновременно и вышли вместе), все выглядит, как в основном реестре. Во втором прибавлении — резкое изменение описаний: «Начальные основания алгебры», «Общий опыт фортификации», «Сочинения Карамзина». Инверсия допущена только в таких случаях, как «Записки (краткие)», «Слова (избранные)», «Опыты (некоторые)» и т. д. Лишь в нескольких случаях сохранен метод Анастасевича: «Логика (начальные основания)», большая часть описаний (но не все) в подотделе «Биография». В третьем прибавлении уже вовсе невозможно определить, какой метод преобладает: в первом отделении все описано по методу Анастасевича, дальше встречаем примеры и того, и другого. В четвертом прибавлении — лишь несколько случаев инверсии, причем только для нехарактерных прилагательных — «Рассуждение (краткое)», «Описание (краткое)», и др. — всего девять случаев. Всё остальное описано точно по титульным листам. Наконец, в пятом и шестом прибавлениях (изданных уже Смирдиным) даже такая инверсия, за одним исключением, применена лишь для описания некоторых периодических изданий.

Конечно, а priori можно думать, что первоначальные описания для «Росписи» и для «Прибавлений» делались не самим Анастасевичем, а служащими Плавильщикова, и затем уже им редактировались. Ни в какой степени это, понятно, не снижает одного из главных достоинств «Росписи» — ее выполнения *de visu*. Все сказанное только что об описаниях в «Прибавлениях» этому не противоречит — даже, наоборот, подкрепляет такое предположение. Но так же, как это имело место по отношению к включению изданий прошлых лет, создается

впечатление какой-то подспудной борьбы между составителем и издателем по вопросу об описании.

Мало того! В первых четырех прибавлениях классификационная схема основного реестра была сохранена; хотя отделы не расчленены на подотделы, но последовательность записей внутри них соответствует последовательности делений полной схемы; лишь в двух отделах, «Государственные и политические науки» и «Поэзия», некоторые подотделы выделены, как самостоятельные, без общих «шапок». В 5-м же и, особенно, в 6-м прибавлении схема классификации ломается, появляется целый ряд самостоятельных отделов, бывших ранее подчиненными — «Астрономия», «Механика», «Иdraulика», «Артиллерия» и т. д. Создается впечатление, что Смирдин окончательно перестал считаться с Анастасевичем и его методами.

Можно даже высказать предположение, что к последним выпускам Анастасевич вообще уже не имел никакого отношения. По крайней мере П. И. Кеппен, упоминающая «Роспись» Плавильщикова, приносил «от имени русских литераторов» благодарность В. Г. Анастасевичу, а упоминая «Прибавление» за 1825 год, благодарил только А. Ф. Смирдина¹².

§ 3.

Самый факт появления систематически построенного библиографического труда, столь широкого по охвату русской книги, современники встретили очень сочувственно. Предшествовавшие работы — труды Н. Н. Бантыш-Каменского, А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга, П. Г. Демидова — не принимались во внимание, т. к. сравнительно с «Росписью» Плавильщикова это были совершенно незначительные и по объему содержания, и по тиражу работы. Поэтому в современных отзывах подчеркивалось, что каталог Плавильщикова — первая систематическая роспись русской книги. Большинство современников за это прощались довольно многочисленными ошибками и несуразностями в распределении отдельных книг. Самая же система казалась «простой, естествен-

ной и удобной»¹³. Очевидно, система эта удовлетворяла насущные потребности читателей. Правда, приятель и постоянный советчик Анастасевича, Евг. Болховитинов, очень удивлялся необычайной классификации¹⁴. Анастасевич, видимо, опасался его критики и только перед самым выходом каталога раскрыл Болховитинову свое авторство — когда ему понадобились библиографические указания и поправки Болховитинова. Не вызвала возражений, судя по рецензиям, и методика описания — как мы убедились, довольно искусственная, но, вместе с тем, помогавшая подбору литературы¹⁵.

Значение «Росписи» Плавильщикова, как свода русской книги, даже преувеличивалось. Так, например, сравнивая общие цифры (вместе с «Прибавлениями»), Свинын считал, что библиотеке Плавильщикова «недостает малого числа российских книг даже по сопиковой библиографии». Между тем, в действительности, библиотека для чтения при книжной лавке Плавильщикова, хотя и очень хорошо скомплектованная, не обладала рядом ценнейших изданий XVIII и даже начала XIX века, впоследствии частично пополненных еще при жизни Плавильщикова и, особенно, Смирдиным; в библиотеке отсутствовало огромное количество ходовых книг, вышедших до ее открытия, переизданий, официальных изданий и т. п. Естественно, что «Роспись» этой библиотеки, в смысле охвата русской книги, было очень далеко до труда Сопикова. Кажущаяся незначительной количественная разница между ними объясняется тем, что в основном реестре Плавильщикова около четверти названий относится к 1814—1820 гг. Вероятно поэтому «Роспись» Плавильщикова и отсутствует в перечне трудов по русской библиографии, помещенном в статье «Библиография», в 3-й части Энциклопедического словаря С. И. Селивановского (1823—1825?); думаем, что «Роспись» должна была быть упомянута в другой статье, «Каталоги библиотек», к которой дополнительно отсылались читатели (как известно, напечатаны были всего лишь три первые части Словаря, ни одна из которых не вышла в свет в результате обыска у Селивановского в мае 1826 г.¹⁶).

Но, кстати сказать, распространенное представление, будто «Роспись» Плавильщикова была полностью поглочена «Росписью» Смирдина и поэтому сохраняет только историческое значение, также неверно. Неверно это представление еще и потому, что, как мы увидим (см. главу 8), разница между обеими Росписями заключается не только в количестве охваченных ими книг.

Полностью осознавали современники и значение «Прибавлений» к «Росписи» Плавильщикова как ежегодной, текущей библиографической регистрации.

Появление «Росписи» Плавильщикова вызвало, однако, и резкую критику. В «Сыне отечества» появилась, за подписью «Любитель русской библиографии», большая рецензия в виде письма к издателю. Автор письма иронизировал по поводу того, что составитель «Росписи» назван был в одном из предыдущих номеров журнала «ученым литератором, посвящающим труды свои исключительно русской библиографии». Не называя Анастасевича, автор письма издевался над ним: «Роспись сия должна быть почитаема библиографическим творением превыше всех сего рода сочинений <...>. Труды сии не известны публике; мы просим покорнейше издателя С. О. для общей пользы объявить оные». И далее автор письма утверждал, что каталог «имеет все, кроме систематического порядка», что «1. разделение и 2. правильное помещение сочинений в разделении <...> находятся в сей Росписи в совершенном беспорядке. Г. Библиограф прежде поставит в заглавии название науки, а после, означая разные ее отрасли (gamifications) наудачу и не придерживаясь никакого систематического порядка, перемешивает оные <...> В сей Росписи все перемешано, как в хаосе <...>. Недостало бы места <...>, если бы я хотел особенно означить все ошибки Г. Библиографа в размещении сочинений по наукам и отраслям наук, равно и всех странностей в названиях» и т. д. В заключении автор письма давал понять, что он знает составителя «Росписи», и еще раз иронизировал над ним: «В заключение сего краткого разбора прибавим, что Г. Библиограф не имел ни малейшего права обнаруживать названия живущих авторов, которые при издании своих сочи-

нений желали остаться в неизвестности. Сие нарушение тайны в Республике Словесности почитается Государственным преступлением. Мы бы могли теперь взаимно отплатить ему, объявив его название, но Г. Библиограф, по всем правилам достойный нашего почтения, не должен опасаться с нашей стороны нескромности. Неизвестность пребудет навсегда его девизом, и как современники, так и потомство не осмелятся исторгнуть его из сего состояния, которому он добровольно подвергнул себя, оказав, впрочем, великие услуги Словесности достохвальными своими сочинениями»¹⁷.

Трудно не согласиться, в результате, с Евг. Болховитиновым, писавшим Анастасевичу: «Читал я критику и на ваш каталог. Очень мало дельного, и легко бы вам оправдаться, уступивши только кое-что. Но советую лучше молчанием презреть и продолжать свое дело по принятому плану; а разве в маленьком предисловии к продолжению упрекнуть критика, что он больше нападает на лицо сочинителя, нежели на книгу, и что он судит о разделении наук не по принятой еще вообще какой-нибудь системе». Евг. Болховитинов считал, что эта резкая критика «Росписи» принадлежит А. Н. Оленину или написана по его наущению. «Гадаю я, что если не сам Ол., то под его wpuw'ом написан сей пасквиль»¹⁸.

Анализ ситуации вполне подтверждает правоту этой догадки Болховитинова.

В начале 1817 г. Анастасевич, по представлению Оленина, был назначен одним из почетных библиотекарей Публичной библиотеки. Благодарственное письмо Анастасевича — льстивое и безмерно сладкое — не оставляет никаких сомнений в том, что он воспринял назначение, как путь к штатному месту в библиотеке.¹⁹ Это для Анастасевича было особенно важно, т. к. при реорганизации в 1816 г. Комиссии для составления законов он был оттуда уволен, как служащий одновременно и по Министерству народного просвещения, а в мае 1817 г. Чарторыйский перевел свою канцелярию в Вильно. В результате Анастасевич остался без места. В конце 1816 г.—в 1817 г. ему пришлось даже служить в частной конторе питейного откупа. Назначенный вместе с ним почетным библиотека-

рем М. Н. Загоскин в скором времени действительно был определен на штатное место. Анастасевич же, который, казалось бы, со всех сторон подходил для этого, места в Публичной библиотеке не получил. Кидаясь из стороны в сторону, пытаясь поступить и к А. Н. Голицыну, по делам католической церкви, и в Иностранную коллегию (через Н. П. Румянцева), задумываясь о переходе профессором в Воыньскую гимназию, он, в конце концов, снова определился в Комиссию для составления законов, где нашел очередного покровителя в лице барона Розенкампа.

Состоя почетным библиотекарем Публичной библиотеки, Анастасевич на первых порах активно участвовал в ее работе. Наравне со штатными библиотекарями, он составлял каталог богословского отделения (латинские книги), обсуждал нерешенные вопросы каталогизации, производил некоторые библиографические разыскания, связанные с польской литературой.

В своих письмах Евг. Болховитинов неоднократно издевался над Лениным, упрекал его в том, что он ставит препоны изданию рукописей, очень критически относился к деятельности Оленина в Публичной библиотеке, называл последнюю «императорской библиотакцией». Иронически отзывался Болховитинов и о бесконечных «библиотечных собраниях», не приводивших, по его мнению (конечно, на основании писем самого Анастасевича), ни к какому результату. У нас нет оснований утверждать, что Ленину были известны все эти отзывы Болховитинова. Но не знать об отношении к нему Болховитинова и о дружеской постоянной переписке его с Анастасевичем Оленин, конечно, не мог.

В упоминавшемся уже нами мнении Анастасевича по вопросу о каталогах, он, в вежливой форме, высказал Ленину много неприятного. Так, в первых же строках Анастасевич иронизирует по поводу того, что вопросы о способе составления и форме каталогов предложены Лениным «спустя 23 года по приобретении сего знатного собрания книг». Он подчеркивает вынужденность согласия с системой Оленина, т. к. иначе пришлось бы «уничтожить все прежние труды», и вообще, что ответы свои он сообразует с «нынешним состоянием сей библиотеки» — в част-

ности, с тем, что «уже решено свыше о составлении каталога только для домашнего употребления», подчеркивает, что «теория системы библиографической составляет другой предмет», хоть на ней и основывается каталогизация. Иначе говоря, Анастасевич и тут дает понять, что он вынужден исходить не из теории, а из фактического положения вещей в библиотеке. Смысл всех этих замечаний Анастасевича очень ясен в свете письма Болховитинова: «продолжение вам каторги и притом, как сам директор признается, не для употребления и пользы публики, но только для послушания начальству»²⁰.

По поводу участия в составлении латинского каталога богословия Болховитинов предупреждал Анастасевича, что он зря берется за это дело и будет иметь лишь неприятности. Так оно и вышло. Анастасевич тянул, ссылался на другие занятия, сделал только 540 карточек, а Оленин был недоволен, требовал большего. Анастасевич жалел, зачем он взялся за столь неинтересный отдел, как богословие; а не за историю.²¹

В середине 1819 г. Анастасевич безуспешно добивался у Оленина; по поручению А. Чарторьского, разрешения работать в отделении рукописей над польскими материалами. В те же годы Анастасевич становится чем то вроде секретаря Н. П. Румянцева и выполняет ряд его учёных поручений. Румянцев также был не в ладах с Олениным и, в частности, именно в связи с работой для него Анастасевича, писал как то Болховитинову об Оленине: «Тот же дух, который <...> и тут вредит мне».²²

Одной из распространенных в тогдашнем образованном обществе претензий к Оленину было то, что не печатались каталоги Библиотеки. Категорически отказываясь от этого предприятия и всячески мотивируя в донесениях начальству нецелесообразность и практическую невозможность печатания каталогов такого обширного книгохранилища, Оленин, тем не менее, считал нужным афишировать свое стремление удовлетворить это требование. Он даже печатно сообщал в «Сыне отечества», что намерен ежегодно выпускать каталоги книг, «предпочтительно достойных чтения». В действительности ничего печатать он не собирался и даже намеченный к составлению рукопис-

ный каталог рассматривал только как охранную опись. Понятно, поэтому, как должен был он быть раздосадован, когда, в связи с выходом в свет «Росписи» Плавильщикова, в печати появились прозрачные противопоставления усилий частных лиц бездеятельности императорского книгохранилища. Так, в «Отечественных записках» каталог Плавильщикова назван был «неожиданным подарком частного книгопродавца литературе и отечеству. Издание его принесло бы честь всякому обществу и даже учебному [ученому?] месту.»²³

Самолюбие Оленина особенно должно было быть затрунуто тем, что Анастасевич отказался от его «нового библиографического порядка». Классификацией, примененной в «Росписи», Анастасевич вступил, в сущности, в прямую полемику с Олениным.

Поэтому есть все основания думать, что догадка Болховитинова была справедлива и что рецензия, действительно, была написана под влиянием Оленина. Из другого письма Болховитинова видно, что и для Анастасевича рецензия не была неожиданностью.²⁴

Все сказанное выше с очевидностью свидетельствует о более чем прохладном, можно даже сказать — недоброжелательном отношении к Анастасевичу Оленина. Отсюда понятны и резкие нападки «на лицо сочинителя» в рецензии на «Роспись».

Но дело, конечно, не сводится к личным мотивам. Классификация в «Росписи» должна была возмутить Оленина, ибо это был другой путь построения библиографической системы, это были другие идейные основы построения такой системы.

В рецензии не были, правда, подняты эти принципиальные вопросы — что, без сомнения, оказалось бы делом весьма трудным. Автор ее пошел по более легкому пути — высмеиванию отдельных частных, причем совершенно игнорируя методику Анастасевича и принятые им основания схемы, в которой Анастасевич ограничился, как мы уже указывали, сравнительно небольшим количеством отделов и подотделов, но группировал материал внутри последних делений в своеобразном алфавитном-предметном порядке. Поэтому, в рецензии было немало справед-

Рис. 8. Здание у Синего моста, где помещалась библиотека для чтения В. А. Плавильщикова
Литография Ж.-Б. Арну (1840 г.). Деталь

ливых замечаний с точки зрения развернутой классификационной схемы — причем определенной схемы, принятой в Публичной библиотеке, — но не подходивших к данному конкретному случаю. Были, конечно, в рецензии и правильные указания на прямые ошибки — но таких указаний мы насчитали всего лишь 8 (о терминах «Архиология» и «Электрицизм», о месте путешествий по Японии, о месте номеров 947, 2106, 3056, 3072, 6544). Все остальное, очень многочисленное, — либо весьма спорно, либо совершенно несущественно, либо, наконец, просто неверно, а иногда даже представляет собой передержку.

Таким образом, рецензия не дает оснований для суждения о том, как классификация Анастасевича была принята современниками. Оценка «Любителя русской библиографии» не могла не быть отрицательной — Оленин и Анастасевич выражали разные направления в классификации, в требованиях к библиографии вообще.

Анастасевич, естественно, был очень уязвлен рецензией — об этом говорят уже упоминавшиеся письма Евг. Болховитинова и письмо Анастасевича Н. И. Гречу от 20 ноября 1821 г.

В анонимной рецензии «Московского телеграфа» 1828 г. на «Роспись» Смирдина также кое-что имеет отношение к «Росписи» Плавильщикова (хотя, главным образом, в частностях); по общему смыслу рецензии можно понять, что ее автор был неудовлетворен классификацией в «Росписи» Плавильщикова — хоть и в меньшей степени, чем классификацией в «Росписи» Смирдина. Однако противопоставленная им собственная классификационная схема — Богословие, Философия, Знания математико-физические, Знания этико-политические, Приложения того и другого отдела знаний, Изящные искусства, Словесность, Полиграфия, Смесь — свидетельствует о том, что и в данном случае мы имеем дело с другим принципиальным подходом, с другим направлением в классификации.²⁵ Не входя в подробности, мы можем с достаточным основанием не считать этот путь, сравнительно с «Росписью» Плавильщикова, более передовым. Это соображение не означает, впрочем, отрицания серьезности и оригинальности рецензии (см. ниже, стр. 200).

Таким образом, критика «Росписи» Плавильщикова является материалом для истории русской библиографической мысли, но не снижает той исторической роли классификации Анастасевича, о которой мы уже говорили, — так же, как и «Росписи» в целом.

ГЛАВА 8

АНАСТАСЕВИЧ И «РОСПИСЬ» СМИРДИНА

§ 1.

Следующей после «Росписи» Плавильщикова работой Анастасевича было окончание «Опыта...» Сопикова. Сохранившиеся материалы свидетельствуют о глубоком уважении, которое питал к Сопикову Анастасевич, называвший его «отцом нашей библиографии» (в упомянутом только что письме Гречу). Сразу же после смерти Сопикова у Анастасевича появилась мысль о завершении «Опыта...». Но Оленин сначала, видимо, не был склонен поручать это дело Анастасевичу. В начале 1820 г. Анастасевич стал настаивать на окончании труда Сопикова и в сентябре работа шла уже полным ходом. Основываемся на письмах Евг. Болховитинова. Труд Анастасевича ограничился разбором бумаг Сопикова и наблюдением за печатанием обнаруженных им последних двух листов. Это очевидно как из примечания на последней странице пятой части «Опыта...» («Более сего рукописи собирателя, по смерти его, не нашлось. От № 13150 допечатано в 1820 г. Декабре. В. А.»), так и из того же письма Гречу: «Он [Сопиков] прошел весь алфавит <...> по 1814 год, давал еще прибавления к оному от А до слова или звания «Труды» (т. е. как раз до последней записи в части пятой).¹ Никаких изменений в работу Сопикова Анастасевич, видимо, не внес.

Принято упрекать Анастасевича за то, что он не реализовал обещания Сопикова, данного в предуведомлении ко второй части — составить вспомогательные указатели. Действительно, понять это почти невозможно. Если еще составление систематической росписи было очень слож-

ным делом (даже для Анастасевича, только что проделавшего подобную работу в каталоге Плавильщикова), то составление двух других — географических карт и по алфавиту авторов — казалось бы, не должно было представлять особых затруднений. Между тем, нет решительно никаких свидетельств тому, что такая работа была хотя бы начата. Предполагать нежелание или непонимание важности этой работы со стороны Анастасевича нет также никаких оснований. Более того, — одно из писем Болховитинова свидетельствует, что Анастасевич собирался составлять указатели, причем именно по плану Сопикова: «Вы обещаете скорый выход и последней части каталога Сопикова — писал Болховитинов. — Итак, вместе с вашим русские любословы будут иметь два большие каталога. Но вы обещаетесь еще томить нас ожиданием особых прибавочных каталогов об авторах, ландкартах и пр.»² (впрочем, возможно, что в данном случае Болховитинов имел в виду указатель к «Росписи» Плавильщикова, именно в это время составлявшийся).

Наиболее правдоподобным нам представляется предположить, что виноват был издатель, Публичная библиотека — точнее, конечно, Оленин. Раздосадованный ли Анастасевичем и его «Росписью», недовольный ли медлительностью его, Оленин мог и не желать дальнейшего участия Анастасевича в работе над «Опытом». Но тогда составление указателей можно было поручить кому либо другому — очевидно, Оленин вообще уже охладел к этому предприятию. Остается также неясным, почему напечатанная еще в декабре 1820 г. книга поступила в продажу только в конце 1824 г.³

В 1822 г., в «Новостях литературы» (приложение к «Русскому инвалиду» А. Ф. Воейкова) был напечатан «Список всех российских светских писателей, от Рюрика, до наших дней, по азбучному порядку». Ни годов жизни, ни каких либо биографических или библиографических сведений в нем не было; список был разбит лишь по векам и включал всего 270 имен. Недостаточно даже сказать, что в нем множество пропусков — настолько это была наивная и случайная работа. Сами же издатели, через два номера, отметили некоторые существенные

пробелы, в частности, отсутствие имен Николева, Пнина, Сопикова и др. «Сын отечества» указал, что в списке не помещены «важнейшие» писатели. Действительно, в нем не было, например, Карамзина, Жуковского, Пушкина. Отметим, что не было в списке и Хвостова.

В «Литературе русской библиографии» Г. Геннади, решительно без всяких оснований, назвал автором этого списка Анастасевича. Мотивировка Геннади поражает своей легковесностью и поспешностью. «В выноске сказано, — писал он в аннотации, — что статья доставлена «от одной известной и почтеннейшей особы» (т. е. В. Анастасевича, сообщившего в тот же журнал список русских поврежденных изданий)». Можно, конечно, отметить, что «известной и почтеннейшей особой» Воейкову естественно было назвать кого угодно, помимо Анастасевича; что в журналах того времени Анастасевича было принято упоминать с эпитетами — ученый, трудолюбивый и т. д., но не «почтеннейший»; что Анастасевич в состоянии был кого угодно пропустить в списке, но только не Хвостова и не Сопикова. Но, в сущности, все эти доводы — лишние, ибо аргументация Геннади сводится к тому, что в других номерах совершенно другой список был сообщен Анастасевичем. Аргументация, как это само собой очевидно, недостаточная. Тем не менее домысел Геннади был принят на веру, повторен Н. К. Замковым, а Н. В. Здобнов дополнительно развил его: «Работы Анастасевича по библиографии, начатые в «Улье», впоследствии вылились в «Список... Дальше этого Анастасевич работу не продвинул; свои библиографические материалы он передал Евгению Болховитинову.»⁴

Видимо, именно неудача со списком писателей побудила Воейкова обратиться за другими библиографическими сведениями не к «известным и почтеннейшим особам», а к Анастасевичу (возможно, он и сам, увидев, что печатается в качестве библиографических разысканий, решил опубликовать хотя бы предварительные материалы). Во всяком случае, в «Новостях литературы» появилось составленное им (в примечании имя его названо) «Краткое известие о всех с 1707-го по 1823-й год выходивших в России поврежденных изданиях и ведомостях».

Еще с начала 10-х годов Анастасевич занялся составлением библиографии журнальных статей. Хотя он и работал в печати за отбор лучших журнальных материалов, практически он безмерно расширял эту свою работу. Единственным ограничением, можно думать, являлся отказ от переводных статей. В 1815 г. Болховитинов писал ему: «Несмотря на угрозы [мы понимаем это, как «отсутствие поддержки». — М. Б.], составляйте систематический реестр всех русских пиес, помещенных в журналах. Со временем, стоит только по сему реестру приискивать и приводить в порядок. Самый даже реестр такой, есть ли и один издан будет или особо, или в журнале каком, то драгоценнейшим будет инвентарем для русских. Тогда многие захотят видеть и издание всех статей в наличности совокупной». В дальнейшем Анастасевич расширил понимание этой библиографии — не только русские статьи, но и вообще статьи о России. Работу эту Анастасевич продолжал до конца своих дней. План ее И. П. Сахаров назвал «обширным и нескончаемым».

В 1819—1820-м гг. возникала мысль о печатании части этой библиографии в «Соревнователе просвещения и благотворения», но затем Анастасевич от этой мысли отказался (или не сумел привести свои карточки в соответствующий порядок).

«Краткое известие...», вне всяких сомнений, сложилось попутно с этой библиографией. Назвав свой список кратким, подчеркнув его предварительность, Анастасевич тем самым как бы снял с себя ответственность за его полноту. Однако бросается в глаза отсутствие не только «самых важных», как не преминул заметить «Сын отечества», но и ряда журналов — важных и неважных, — указанных уже ранее самим же Анастасевичем в «Росписи» Плавильщикова. Особенно много пропусков относится к XVIII веку, XIX век представлен сравнительно полно. И все же список этот сыграл свою роль. Ведь он был первой сводкой русских периодических изданий, данной в хронологии их возникновения (ей предшествовали лишь алфавитные списки у Сопикова и в «Росписи» Плавильщикова); сводка эта, при всех ошибках и пропусках, давала сведения о ряде забытых периодических изданий; вклю-

чала она, примерно, половину известных нам ныне периодических изданий и сборников XVIII века и примерно две трети периодических изданий начала XIX века. Наконец, сводка эта вызвала к жизни новые работы.

«Краткое известие...» заканчивалось фактически 1820 г., обещанное окончание так и не появилось.⁵

Незавершенными остались и другие библиографические работы Анастасевича — библиография путешествий по России (начатая в 1819 г.), библиография русских деятелей, библиография польской словесности; в 1822 г. им было даже печатно заявлено о подготовке издания общего каталога национальной польской литературы и, одновременно, русско-польского и польско-русского словаря. Все это осуществлено не было.

Таким образом, кроме пятой части «Опыта» Сопикова, ни одна из библиографических работ после выхода «Росписи» Плавильщикова не была реализована.

Однако, почему же мы не принимаем во внимание всем известную и в первую очередь вспоминаемую, когда идет речь об Анастасевиче, «Роспись» Смирдина?

§ 2.

Прочная традиция неразрывно связывает с именем Анастасевича «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (1828 г.).

«Основные труды Анастасевича — Роспись В. А. Плавильщикова (1820) и А. Смирдина (1828)», сказано в Большой Советской Энциклопедии. «Роспись» <...> Смирдина <...>. [Сост. Василий Григорьевич Анастасевич] — таково описание «Росписи» в работе М. В. Сокуровой «Общие библиографии русских книг гражданской печати». Роспись Смирдина, «составленная Анастасевичем, вошла в число классической библиографической литературы», «Роспись Смирдина поставила имя Анастасевича рядом с именем Сопикова» — писал Н. В. Здобнов.⁶ Без каких бы то ни было оговорок Анастасевич назван составителем «Росписи» А. В. Мезьер, А. Г. Фоминым, А. П. Кулаковым, П. Н. Берковым, в свое время С. А. Венгером и т. д.

При всем обилии в литературе упоминаний и характеристик «Росписи» Смирдина, следует признать, что детальному рассмотрению в печати она до сих пор не подвергалась. И, в частности, не анализировалось, по существу, расположение материала в «Росписи».

Достаточно сказать, что даже в статье Н. Н. Аблова, специально посвященной смирдинской Росписи, расположению материала была уделена одна строка: «Заново была переработана система классификации материала».⁷

В дореволюционной библиографии лишь Г. Геннади, не вдаваясь в оценку классификации, робко заметил: «Как во всяком подобном труде, книги по названиям отнесены иногда к отделам, к которым не принадлежат по содержанию». В дальнейшем же отзывы о расположении материала в «Росписи» Смирдина переходили из статьи в статью, из заметки в заметку и представляли собой общие фразы восторженного характера, например: «замечательна она [Роспись] также по систематизации, что, конечно, объясняется обширной ученостью Анастасевича», «система расположения книг в его [Смирдина] росписи для того времени очень рациональна»; «рациональная классификация наук, градации отдельных наук до того подробны, что по тому времени не оставляли желать ничего лучшего.»⁸

Между тем, классификация «Росписи» Смирдина была встречена современниками далеко не столь единодушным восторгом. Упомянутая уже рецензия на «Роспись» в «Московском телеграфе», обширная и принципиальная (хотя и не во всех деталях справедливая), почти исключительно была посвящена классификации и распределению материала. «Московский телеграф» приходил к выводу, что «редко можно встретить столь неверную и ошибочно расположенную систему и такой беспорядок в размещении книг: если бы кто хотел искать книги, которой название и имя автора или переводчика ему неизвестны, или бы захотел обозреть литературу какого либо знания, науки или предмета, то по новому каталогу это почти невозможно». Рецензент находил, что невозможно оправдать и «распределение самых книг; едва ли половина книг поставлена на своем месте; все остальные распределены как попало»⁹.

Не менее сурово отнесся к этой классификации В. Г. Белинский. Коснувшись «Росписи» Смирдина в статье о сборнике «Сто русских литераторов», В. Г. Белинский писал: «Составлявшие каталог держались такого неслыханного порядка в разделении книг по их содержанию, что из хорошей книги поневоле вышел вздор <...>. Еще хорошо, что при этом каталоге есть общий каталог по алфавиту всех книг и всех авторов и потому, хоть и с трудом, а можно приискать книгу, которую нужно. Благодаря этому обстоятельству каталог г. Смирдина — настольная ручная книга в кабинете каждого литератора. Но будь он составлен, как следует, это была бы бесценная книга». Впоследствии В. Г. Белинский повторил этот отзыв в рецензии на третье прибавление, хотя оценил «Роспись» в целом более сочувственно: «Нельзя не сказать, что изданием этого каталога г. Смирдин оказал русской литературе большую и важную услугу: без него составление какого бы то ни было опыта истории русской литературы почти невозможно».¹⁰

Отдельные замечания и примеры в рецензии «Московского телеграфа» и в отзыве В. Г. Белинского относятся, в сущности, и к «Росписи» Плавильщикова; но подавляющая часть имеет в виду лишь «Роспись» Смирдина и рецензент «Московского телеграфа» подчеркивал, что недостатки старого каталога здесь усугублены.

На кардинальное изменение классификационной схемы впервые обратил внимание только Н. В. Здобнов. «Непонятно лишь, — писал он, — почему Анастасевич в этой росписи отказался от основной классификационной схемы, примененной им в росписи Плавильщикова. На этот раз классификация начинается с Богословия, а Физико-математические науки помещены перед Словесностью».

Как же попытался Н. В. Здобнов объяснить этот шаг Анастасевича? Ведь отказ от собственной новаторской системы, возвращение к традиционному и благонамеренному построению классификационных схем — это не просто перестановка двух-трех отделов! Объяснение Н. В. Здобнов дает в духе всей своей трактовки «развития» творческой деятельности Анастасевича (см. об этом выше, в предисловии). Более того — объяснение отказа Анаста-

севича от его классификационной схемы можно считать одним из оснований для этой трактовки: «вероятно, сделано это по настоянию религиозного Смирдина под влиянием кого-либо из авторитетных для него лиц».¹¹

Что остается в таком случае от утверждений о прогрессивности библиографической деятельности Анастасевича, раз в своей наиболее значительной работе им был сделан такой принципиальный шаг назад?

Надо при этом заметить, что если бы дело было лишь в ином месте отдела «Богословие», то это еще можно объяснить — хотя и предположительно — обстановкой первых лет после восстания декабристов, обстановкой «чугунного» цензурного устава. Но, как мы увидим ниже, отличия в классификационной схеме и вообще в расположении материала идут значительно дальше, распространяясь до мельчайших деталей. Объяснение всему этому никак не может быть найдено ни в политической обстановке конца 20-х годов XIX в., ни в религиозности Смирдина, ни в осторожности Анастасевича.

Объяснение — в неверности исходных фактических данных. Хотя составление «Росписи» Смирдина Анастасевичем — как будто одна из непреложных истин в истории русской библиографии, быть составителем этой «Росписи» Анастасевич не мог.

Такое утверждение требует, конечно, самой тщательной аргументации. Место, приписываемое «Росписи» Смирдина в наследии Анастасевича столь велико, что важность этого вопроса сама собой очевидна. С другой стороны, как достоинства, так и недостатки «Росписи» Смирдина станут понятнее, если будет дан ответ на вопрос: составлял или не составлял Анастасевич «Роспись» Смирдина?

Попытаемся установить, когда и кем Анастасевич был назван составителем «Росписи» Смирдина. Отводим многочисленные справки в энциклопедиях и библиографии библиографии — для всех них, в сущности, первоисточником была «Литература русской библиографии» Г. Геннади, с ее аннотацией: «Эта «Роспись» <...> составлена В. Г. Анастасевичем». Нас должно интересовать другое — где же до Геннади об этом было сказано?¹²

В откликах на появление «Росписи» имя Анастасевича не фигурирует¹³. Это, конечно, ни о чем еще не говорит. Обратим, однако, внимание на то, что автор рецензии в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого был в полном смысле слова в курсе дела: Смирдин, оказывается, с ним советовался; он в свое время предлагал Смирдину воспользоваться предложенной им системой, но тот не последовал его совету; в рецензии кратко изложена эта система, дабы публика решила, кто прав. Весьма возможно, что всем этим, в какой то мере, объясняется и чрезмерная раздражительность тона рецензии. Но для нас наиболее важно, что этот, вполне осведомленный рецензент, писал о «литераторах и ученых людях», создавших схему классификации и распределявших книги по отделам; больше того — он явно противопоставлял их работу — работе над «Росписью» Плавильщикова. И второе! Рецензия эта была направлена именно против «литераторов и ученых людей», имевших отношение к «Росписи» Смирдина. Не странно ли, что Анастасевич, будто бы и являющийся тем литератором и ученым, который имел к этой «Росписи» ближайшее отношение, никак не реагировал на весьма придирчивую критику? Уже после опубликования рецензии Анастасевич переписывается с братьями Полевыми, пересылает через них письма.¹⁴ В опубликованных письмах к Анастасевичу И. М. Снегирева за 1828—1831 гг. неоднократно идет речь о Н. А. Полевом и его журнале — но ни малейшего намека на рецензию, никакого отзвука ее обсуждения в этой переписке мы не находим (так же, как и в сохранившихся письмах Анастасевичу 1828 г. П. И. Кеппена, Г. Н. Городчанинова, В. М. Перевощикова¹⁵). Анастасевич вовсе не был склонен столь «философски» смотреть на «суету сует», как приписывает ему некролог в «Северной пчеле». В аналогичном случае, в 1820 г. Анастасевич очень болезненно отнесся к рецензии «Любителя русской библиографии». Да и в других случаях он не оставлял отзывов о своих работах без ответа.¹⁶

Заметка в «Северной пчеле» была, наоборот, в общем очень благоприятна по отношению к «Росписи». Между тем Ф. В. Булгарин многие годы был в ожесточенной

вражде с Анастасевичем, и мы знаем, что как раз в 1828 г. он называл Анастасевича своим личным врагом и боялся его мести.¹⁷

Почти до самой смерти Анастасевича имя его, в связи с «Росписью» Смирдина, ни в печати, ни в переписке не упоминается. Не упоминается оно, в частности, и в заметке П. И. Кеппена для энциклопедического лексикона Плюшара (1836 г.), хотя в ней и идет речь о «Росписи» Смирдина.

Только И. П. Сахаров в 1842 г. впервые приписал составление «Росписи» Анастасевичу. В своем обзоре русских библиографических работ, предпосланном критике труда П. Н. Строева, Сахаров назвал «Росписи» Плавильщикова и Смирдина, прибавив: «Обе, составленные Анастасевичем». Само по себе это замечание еще ничего не доказывает. Сахаров был великий путаник, не слишком научно добросовестный, легко подхватывал непроверенные слухи. «Имя Сахарова <...> еще при жизни его потеряло авторитет если не строго научного знания, то хотя бы внешнего опыта и добросовестного отношения к делу», писал А. Н. Пыпин.

В своих «Записках» Сахаров создал не одну легенду вокруг биографии Анастасевича (см. об этом ниже, стр. 246). Гораздо существеннее, что Анастасевич — если утверждение Сахарова не соответствовало действительности — никак не реагировал на него. Но как бы в ответ Сахарову, годом позже, в хронике «Русского инвалида» «Роспись» не только не связывается с именем Анастасевича — наоборот, говорится прямо о благодарности Смирдину «за составленный им каталог своей библиотеки» (курсив наш. — М. Б.).¹⁸

Формулировка некролога в «Северной пчеле» крайне туманна — во всяком случае понять ее как прямое указание на авторство Анастасевича трудно: «Исключительной страстью В. Г. Анастасевича была библиография и весьма жаль, что ни один из наших книгопродавцев не обратил внимания на его библиографические труды и не успел воспользоваться ими для продолжения каталога, начатого А. Ф. Смирдиным». В другом некрологе, в «Журнале Министерства народного просвещения», Анастасевич был,

правда, прямо назван составителем смирдинской Росписи, но при этом совершенно не была упомянута «Роспись» Плавильщикова.¹⁹

Следующим, безоговорочно назвавшим Анастасевича, был В. М. Ундольский. Через год после смерти Анастасевича, в первом очерке «Библиографических разысканий», В. М. Ундольский писал: «В 1828 году В. Г. Анастасевич издал замечательнейшую в библиографическом (и даже типографическом) отношении «Роспись российским книгам для чтения, библи. А. Смирдина <...>. В ней описано 9.934 книги, Расположена систематическим порядком в 4 ч., с приложением Азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и краткой росписи книгам по азбучному порядку. К ней было два прибавления в 1829 и 1832 г. Заглавия списаны верно и отчетливо, отыскание книг облегчено до механизма, поэтому сия роспись надолго останется справочною книгою для всякого, и учительницею для книгопродавцов, потому что в ней кроме удобства в приискании означены цены книгам. — Библиотека Смирдина приобретена от Плавильщикова, и каталог его переработан и в улучшенном виде составлен из каталога Плавильщикова, изд. (1820—1826) тем же В. Г. Анастасевичем».²⁰

Не забудем, однако, что в тех же «Библиографических разысканиях» В. М. Ундольский прямо и безоговорочно повторял и слухи о К. Ф. Калайдовиче как авторе «Предупреждения» к «Опыту» В. С. Сопова. Очевидно, принимать на веру утверждение Ундольского нельзя.

От Ундольского эти сведения перешли к Геннади. Но, видимо, и Геннади ощущал разницу в степени достоверности сведений о составителях обеих росписей. В описании «Росписи» Плавильщикова имя Анастасевича он внес; при описании же «Росписи» Смирдина он привел сведения о составителе в аннотации.

Через год, в упоминавшейся уже рецензии В. Г. Белинского на третье прибавление, где шла речь и о самой «Росписи»; через 2 года, в статье В. Р. Зотова, где была названа «Роспись» Смирдина, имя составителя не фигурирует.²¹ Нет попрежнему его имени в статье В. И. Кеплена, перепечатанной в «Справочном энциклопедическом словаре» Крайя (т. 2, 1847 г.). Только в 1856 г., в аноним-

ной рецензии «Современника» на четвертое прибавление (изд. П. Крашенинникова) вновь всплывает имя Анастасевича. В рецензии этой нет ничего, что позволяло бы предполагать у ее автора какие либо другие источники, кроме уже упомянутых Сахарова и Ундольского.²²

Несмотря на категорические формулировки Ундольского и Геннади, мы в дальнейшем не встречаем ни одного свидетельства — речь идет о современниках Анастасевича,— где бы положительно утверждалось его авторство или хотя бы его роль как основного и ответственного за этот труд составителя, хотя бы редактора.

Правда, на первый взгляд об этом говорит Ксенофонт Полевой в своих записках. Вспоминая о знакомстве с Анастасевичем в 1828 г., К. Полевой упомянул, между прочим, «о единственном до сих пор хорошем каталоге русских книг, составленном им для библиотеки Плавильщикова (впоследствии Смирдина)». Но отметим, что Полевой связывает с именем Анастасевича только плавильщиковскую роспись. «Впоследствии» относится не к каталогу, а к библиотеке. Эпизод же с цензурным разрешением «Жизни Наполеона» Вальтер Скотта, явившийся поводом для знакомства Полевого с Анастасевичем, хронологически совпадает с выходом в свет смирдинской «Росписи»; в это же самое время, именно в «Московском телеграфе» появилась обширная рецензия на «Роспись». Конечно, К. Полевому естественнее было бы назвать эту «Роспись», а не плавильщиковскую—если бы он имел ее в виду. Яснее К. Полевой выразился в «Воспоминании о А. Ф. Смирдине» (1857 г.): «Смирдин, вникая в тогдашнее состояние русской литературы, увидел необходимость в издании полного каталога всех русских книг и журналов. Это был важный подвиг в русской литературе, и хотя первым редактором каталога был В. Г. Анастасевич, но без деятельного пособия А. Ф. Смирдина он не сделал бы ничего. Каталог был напечатан в 1819 г., дополнен прибавлениями, и до сих пор остается единственною справочною книгою по русской библиографии. Истекает четвертый десяток лет, а все наши ученые не сделали по этой части ничего даже подобного труду Смирдина. Во всех библиотеках смирдинский каталог служит руководством

для справок по русской библиографии». ²³ И так, К. Полевой рассматривает обе Росписи как, в сущности, одну, видит в работе над второй только прибавления (он прямо пишет, что каталог *Смирдина* напечатан в 1819 г.) и при этом совершенно четко говорит об Анастасевиче, как о «первом редакторе», т. е. опять таки связывает его имя лишь с «Росписью» Плавильщикова.

На первый взгляд об авторстве Анастасевича писал и С. А. Соболевский: «В 1828 г. значительно дополненный и исправленный каталог Анастасевича издан вновь как Роспись библиотеки для чтения Смирдина; сметливый издатель прибавил к нему новое, т. е. третье удобство для публики: указатель по азбучному порядку заглавий». ²⁴ И эта характеристика «Росписи» Смирдина, как улучшенной переделки «Росписи» Плавильщикова, в смысле участия Анастасевича в этой переделке звучит скорее отрицательно.

Но если даже предположить, что К. А. Полевой и С. А. Соболевский и не вполне были в курсе дела, то этого никак нельзя думать о П. И. Кеппене — не только близком знакомом Анастасевича, но можно сказать — его соратнике. В двадцатые годы, — в годы их совместного участия в Человеколюбивом обществе, в Вольном обществе любителей российской словесности, в период издания «Библиографических листов» Кеппена, службы Анастасевича в цензуре — они особенно тесно были связаны; об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся их переписка, ²⁵ а также письма Болховитинова. Кеппен продолжил работу Анастасевича по статистике народного просвещения; в сущности, именно Кеппен, а вовсе не Греч (как принято считать) подхватил мысль Анастасевича о текущей регистрации на основе цензурных материалов; отзывы Кеппена в «Библиографических листах» о трудах Анастасевича, общие суждения о библиографии позволяют считать его в большей мере, чем кого бы то ни было из современников (и, во всяком случае, в большей мере, чем Сопикова) единомышленником Анастасевича.

Поэтому особое значение приобретает сохранившаяся в бумагах П. И. Кеппена запись, еще более ясная, чем формулировки К. А. Полевого и С. А. Соболевского:

«В. Г. Анастасевичу ученые были обязаны за составление каталога Плавильщикова, известного под названием каталога книгопродавца Смирдина, полнейшего (и систематического) после библиографии Соликова». То есть, и Кеппен видел в «Росписи» Смирдина лишь добавления к «Росписи» Плавильщикова, но все же имя Анастасевича он связывал только с «Росписью» Плавильщикова.²⁶ Остаются еще четыре показания современников.

Два из них исходят из книгопродавческих кругов: анонимного автора предисловия к «Сборнику... памяти А. Ф. Смирдина» и книготорговца Н. Г. Овсянникова. Сведения эти разноречивы. Автор предисловия называет на первом плане самого А. Ф. Смирдина. «Библиография была любимым занятием Смирдина. Все еще недовольный своей «Росписью», он пополнял и исправлял ее до самых последних дней своей жизни. В наших руках находятся теперь до 20.000 карточек, на которых наклеена разрезанная Роспись, добавлены рукою покойного некоторые библиографические подробности, и записаны все новые книги до 1857 года». Конкретность этих сведений говорит сама за себя. Наряду со Смирдиным, автор предисловия называет Анастасевича. Н. Г. Овсянников же вспоминает о «нескольких литераторах, трудившихся под редакциею Анастасевича и Языкова.»²⁷

И. И. Панаев в 1859 г. четко и недвусмысленно назвал действительным составителем смирдинского каталога приказчика и библиотекаря Смирдина, Ф. Ф. Цветаева.²⁸ Следует отметить, что хорошо информированные современники связывали имена Ф. Ф. Цветаева и даже А. Ф. Смирдина не столько с книжной лавкой Плавильщикова, сколько именно с библиотекой. Например, В. Т. Плаксин писал: «Александр Филиппович Смирдин вырос и возмужал в книжной лавке и преимущественно в библиотеке для чтения...; ловкий юноша-библиотекарь, обладавший необыкновенною памятью и умным тактом или лучше сказать русскою сметливостью, Федор Фролович Цветаев, ученик Смирдина, был живым, самым верным каталогом всего напечатанного на русском языке, не только отдельных книг, но и журнальных статей — точное повторение своего учителя в библиотечарском деле».²⁹

Наконец, опубликованное сравнительно недавно письмо дочери Смирдина, Е. А. Верховской, в «Литературный фонд» (1867 г.) развивает положения о преимущественной роли самого Смирдина при некотором участии Анастасевича³⁰.

Таким образом, можно констатировать, что подтверждения формулировки: составитель «Росписи» Смирдина — Анастасевич, мы не находим. Единственными, утверждавшими авторство Анастасевича, были Сахаров, Ундольский, рецензент «Современника» 1856 г. и Геннади. Из них только Сахаров — менее всех внушающий доверие — высказал это при жизни Анастасевича. Что же касается некролога в «Журнале Министерства народного просвещения», то в свете приведенной нами только что записи П. И. Кеппена очевидно, что и автор некролога понимал обе Росписи, в сущности, как одну — недаром он в перечне работ Анастасевича не назвал «Росписи» Плавильщикова.

И все основания верить традиции сводятся лишь к тому, что, во-первых, несомненно ходили слухи об Анастасевиче, как составителе «Росписи», и, во-вторых, что с конца 1842 г. до 1845 г. Анастасевич не опроверг в печати слов Сахарова.

Отсутствие авторитетного источника, подкрепляющего категорическую аннотацию Геннади, не прошло незамеченным. Так, П. А. Ефремов, бегло перечисляя заслуги Анастасевича перед русской культурой, упомянул о «Росписи» Плавильщикова, но не назвал «Росписи» Смирдина; Н. В. Губерти, касаясь смирдинской «Росписи», предпочел умолчать о ее составителе; Е. Шмурло, сопоставляя по конкретному поводу обе росписи, употребляет для них обозначения: 1) Анастасевич, 2) Смирдин. В 1898 г., в «Новом времени» составителем смирдинской «Росписи» назван Ф. Ф. Цветаев. О том же (правда, предположительно) сказано в «Большой Энциклопедии». Об активном участии Ф. Ф. Цветаева говорится в статье Н. Н. Аблова.³¹

Как видим, авторство Анастасевича — вовсе не такая уж аксиома в истории русской библиографии, как обычно кажется.

Поскольку рецензией в «Московском телеграфе» — прежде всего — и свидетельствами, идущими из книгопродавческих кругов, совершенно четко утверждается коллективность работ над «Росписью»; поскольку мы располагаем таким авторитетным свидетельством, как запись П. И. Кеппена, версия об Анастасевиче — авторе, составителе, как нам кажется, должна отпасть. На этом можно было бы, как будто; и остановиться. Дальнейшие выяснения — имело ли место соавторство Анастасевича или его редакция (вообще весьма близкие понятия, когда речь идет о библиографических работах); попытки уточнения — с кем вместе Анастасевич редактировал «Роспись» — не имеют, казалось бы, такого уж принципиального значения. Один ли, или в компании, редактор ли или соавтор — Анастасевич все равно остается тем самым тесно связан с «Росписью» Смирдина.

Однако анализ самой «Росписи» не позволяет остановиться и на этой, компромиссной позиции.

§ 3.

Хотя и значительно увеличившаяся в своем составе (но одновременно и потерявшая немало книг), библиотека Смирдина была, как известно, все той же библиотекой Плавильщикова. Обстоятельство это оказало буквально магнетизирующее влияние и на современников (даже на такого внимательного читателя, как П. И. Кеппен) и на всех, писавших впоследствии об обеих росписях; оно породило распространенное убеждение: каталог Смирдина — переработанное, новое издание каталога Плавильщикова. А это убеждение, в свою очередь, заставляло и донные заставляет не замечать всей существенности и принципиальности различий между обеими росписями. Первым из таких различий, как уже сказано, является иная классификационная схема в «Росписи» Смирдина.

Начнем с того, что полностью разрушена стройная логическая система распределения всего материала на три «отделения». Полностью отвергнут основной принцип членения всей системы по объектам: физический мир, общество (дух?), язык.

Напомним отделы «Росписи» Смирдина: 1. Богословие. 2. Философия. 3. Правоведение. 4. Политика. 5. История российская. 6. История всеобщая. 7. География. 8. Математика. 9. Естественные науки. 10. Медицина. 11. Домоводство. 12. Технология. 13. Свободные искусства. 14. Гимнастические или телесные упражнения. 15. Увеселения. 16. Языкознание. 17. Собственная словесность. 18. Произведения словесности в стихах и прозе. 19. Произведения словесности прозаические. 20. Произведения словесности поэтические. 21. Романы, повести и сказки. 22. Периодические сочинения.

Отделы 1—3 объединены в ч. 1-й, отделы 4—7 — во II-й, отделы 8—15 — в III-й и отделы 16—22 — в IV-й. Если даже относиться к этим частям, как к самостоятельным структурным единицам, то что же это за объединение: политика, история, география — без права? Но понимать эти части как структурные единицы никак нельзя. Разделение на 4 части носит внешний, чисто издательский характер: в оглавлении фигурируют лишь 22 самостоятельные отдела³².

Совершенно очевидно, что схема классификации в «Росписи» Смирдина лишена единого принципа. Рецензент «Московского телеграфа» имел все основания написать: «Какие общие начала руководствовали при составлении XXII-х отделов, на которые разделена библиотека г-на Смирдина? Этого мы никак не могли объяснить себе»³³.

Правда, дисциплины, входившие в каждый из 3-х комплексов «Росписи» Плавильщикова, и здесь размещены рядом. Но раздробленное, линейное, сугубо эмпирическое выделение 22-х самостоятельных отделов, да еще в принципиально иной последовательности, позволяет говорить о заимствовании из «Росписи» Плавильщикова лишь ее внешних форм, без ее принципиальной основы.

Продолжим сопоставление! Из 24-х отделов «Росписи» Плавильщикова 12 коренным образом реформированы: отделы естественной истории, физики, химии (Плав.) соединены в один отдел естественных наук (Смирд.), что, в частности, вызвало резкую критику «Московского телеграфа»; медицины и ветеринарии (Плав.) — в один отдел

медицины (Смирд.); история и география (Плав.) разделены, причем история, в свою очередь, разбита на два самостоятельных и равнозначущих отдела — истории российской и истории всеобщей (Смирд.); ликвидированы отделы биографии и путешествий; вместо четырех отделов, составлявших у Плавильщикова «Словесность», мы находим у Смирдина пять отделов с совершенно другим разграничением между ними.

Если еще можно, все таки, ограничиваясь основными отделами, увидеть связь между обеими «Росписями» — поскольку содержание остальных (сверх 12-ти) отделов в общем совпадает (восемь из них даже имеют те же названия), то дальнейшие деления во всех отделах — и в «реформированных», и в «сохраненных» — уже решительно не имеют ничего общего с «Росписью» Плавильщикова. И дело далеко не только в большей дробности, как это обычно рисуется.

Приведем для сравнения параллельно схемы четырех отделов — двух «сохраненных» и двух «реформированных» (см. табл. VII—IX). Хотя отдельные заголовки подотделов и рубрик совпадают, это в полном смысле слова новая классификация; вся логика построения иная. Добавим, что, кроме того, ссылки из отдела в отдел, бывшие у Плавильщикова, здесь отсутствуют.

В целом вся система, примененная в «Росписи» Смирдина, являлась шагом назад по сравнению с классификацией в «Росписи» Плавильщикова, ибо — как было уже сказано — в ней отвергнуто прогрессивное и новаторское членение всей системы по объектам человеческого познания. Есть в этой новой системе и частные недостатки; например, большая дробность (против которой возражал в свое время Анастасевич) приводит нередко к распылению совершенно однородного материала, что и отметил рецензент «Московского телеграфа». Есть — сравнительно с «Росписью» Плавильщикова — и немалые частные достоинства. В данной связи нам важно лишь продемонстрировать принципиальное различие обеих схем. И ясно, во всяком случае: сама по себе новая классификация никак не может служить доказательством принадлежности ее составителю прежней.

**„РОСПИСЬ“
ПЛАВИЛЬЩИКОВА**

**Математика чистая
и прикладная**

Арифметика
Алгебра (Аналитика)
Геометрия и геодезия
Тригонометрия
Астрономия
Пасхалия и хронология
География математическая
Космография
Механика
Гномоника
Иdraulика
Оптика
Военное искусство
Фортификация
Тактика и стратегия
Артиллерия и Пиротехния
Инженерное искусство
Навигация или Мореходная наука
Математические курсы
Математики смесь

Технология

Технология вообще
Винокурение
Сахароварение
Разные ремесла и промыслы
Красильное искусство

Таблица VI

**„РОСПИСЬ“ СМИРДИНА
Математика**

- I. Курсы математические
- II. Сочинения, относящиеся до математики
- III. Чистая математика
  - а) арифметика
  - б) алгебра
  - в) геометрия
  - г) тригонометрия
  - д) геодезия
  - е) высший анализ
- IV. Прикладная математика
  - а) механика и гидравлика
  - б) оптика
  - в) гномоника
  - г) астрономия
  - д) математическая география
  - е) космография
- V. Мореходство (Навигация)
  - а) кораблестроение
  - б) кораблевождение
  - в) тактика
  - г) гидрография
  - д) смесь
- VI. Военные науки
  - а) сочинения, касающиеся до военных наук
  - б) фортификация
  - в) инженерное искусство
  - г) артиллерия и пиротехния
  - д) тактика и стратегия

Технология

- I. Технология минеральная
  - а) Металлургия
  - б) Галлургия
  - в) Минералогия
- II. Технология растительная
  - а) Винокурение
  - б) Разные производства
- III. Технология животная
- IV. Технология вообще или смесь различных технологических сведений.

„РОСПИСЬ“ ПЛАВИЛЬЩИКОВА

История и география

История всеобщая (всемирная или универсальная)

История частная по странам света

- Азиатская
- Американская
- Африканская
- Европейская

История по государствам и по народам

- Английская
- Аравийская
- Армянская
- Венецианской республики
- Германская и разных ее владений
- Голландская
- Греческая
- Грузинская
- Датская
- Индийская
- Испанская
- Итальянская
- Китайская
- Персидская
- Польская
- Прусская
- Римская
- Российская вообще
- Российская частная
- Российская военная
- Скифская
- Татарская
- Турецкая
- Французская
- Швейцарская
- Шведская
- Японская

„РОСПИСЬ“ СМИРДИНА

История российская

I. Вспомогательные знания

- а) мифология
- б) хронология
- в) генеалогия
- г) геральдика
- д) дипломатика
- е) нумизматика
- ж) палеография и археология

II. История собственно

- а) Россия вообще
- б) областей, городов и примечательных зданий
- в) войска
- г) флота
- д) литературы
- е) торговли
- ж) последней войны с Францией

III. Исторические материалы и источники
Российской истории

- а) летописи, акты и документы
- б) критические и исторические издания
- в) исторические записки и повествования о разных событиях
- г) жизнеописания
  - 1. государей
  - 2. полководцев и генералов
  - 3. авторов
  - 4. замечательных людей
- д) смесь истории: сборники, выписки, собрания анекдотов и проч.

История всеобщая

I. Вспомогательные знания

- а) мифология
- б) хронология
- в) геральдика
- г) нумизматика
- д) археология

„РОСПИСЬ“ ПЛАВИЛЬЩИКОВА

- География всеобщая или всемирная
- География частная вообще
- География общая и частная России
- Летописи России
- Этнография или описание народов
- Пособия к истории
  - Хронология
  - Генеалогия (родословие)
  - Геральдика или гербоведение
  - Нумизматика (о монетах и медалях)
  - Археология или древности вообще
  - Древности России
- История кавалерских орденов
- Атласы, карты, виды городов и проч.
- История ученая, общая и частная
- Книговедение или библиография
- Смесь истории
  - анекдоты
  - сочинения, особенно относящиеся к Наполеону Бонапарту и времени его

„РОСПИСЬ“ СМИРДИНА

- II. История собственно
  - а) всеобщая история
  - б) древняя
  - в) средняя
  - г) новейшая
  - д) история по частям света
    - 1) Европы
    - 2) других частей света
  - е) История по государствам и народам
    - 1) древней Греции
    - 2) римская
    - 3) славянских народов
    - 4) китайская
    - 5) японская
    - 6) татарская
    - 7) Германии
    - 8) Франции
    - 9) Англии
    - 10) Испании
    - 11) Португалии
    - 12) Италии
    - 13) Швеции
    - 14) Дании
    - 15) Польши
    - 16) Турции
    - 17) Молдавии и Валахии
    - 18) Персии
    - 19) Грузии
    - 20) Армении
    - 21) Новой Греции
- III. Исторические материалы и источники
  - а) сочинения древних историков и классиков
  - б) исторические разыскания, системы и рассуждения
  - в) исторические акты, документы и записки
  - г) жизнеописания
    - 1) собрание жизнеописаний
    - 2) государей
    - 3) генералов и полководцев
    - 4) авторов
    - 5) замечательных людей
  - д) смесь, сборники, извлечения, собрания анекдотов и проч.

География

(5 подразделов, 17 рубрик)

РОСПИСЬ ПРАВИЛЬЩИКОВА Поэзия

- Пяитка или правила стихотворства
Мифология или баснословие
Басни, сказки и притчи
Поэмы
Повести, романы, сказки и проч.
Стихотворения разных родов
Гимны, Духовные песни и стихи
Дифирамбы
Эклоги
Элегии
Эпиграммы, письма и послания
Идиллии
Ирриды
Надписи (эпиграммы)
Оды
Оратории
Повести русские, богатырские и проч.
Пословицы
Песни
Сагиры
Собрание русских стихотворений
Стихотворения вообще
Стихотворения по авторам
Стихотворения на разные случаи, порознь
Стихотворения, относящиеся к 1812 г.
Театр
Балеты
Драмы
Комедии
Оперы
Трагедии
Разные сочинения, к театру относящиеся

РОСПИСЬ СМЕРДИНА Произведения словесности поэтической

- I. Собрание сочинений разных авторов
II. Собрание сочинений одного автора
а) российских писателей
б) иностранных писателей
III. Поэзия эпическая
а) поэмы героические
1) в стихах
2) в прозе
б) поэмы романтические
1) в стихах
2) в прозе
в) поэмы комические
1) в стихах
2) в прозе
г) баллады
IV. Поэзия драматическая
а) собрание разных драматических произведений
б) трагедии
в) комедии
г) драмы
д) оперы
е) водевили
ж) прологи
з) программы балетов
и) смесь
V. Поэзия лирическая
а) оды
б) гимны и песни торжественные
в) дифирамбы
г) оратории
д) элегии
е) послания
ж) собрания песен
з) мелкие и проч. лирические стихотворения

Таблица IX РОСПИСЬ СМЕРДИНА

- VI. Поэзия дидактическая
а) поэмы дидактические
1) в стихах
2) в прозе
б) сагиры.
в) разные дидактические сочинения
VII. Поэзия описательная
а) поэмы описательные
1) в стихах
2) в прозе
б) идиллии
1) в стихах
2) в прозе
в) разные описательные сочинения
VIII. Басни и сказки
а) в стихах
б) в прозе

Дальнейшее сравнение показывает, что в «Росписи» Смирдина распределение конкретных книг по отделам и подотделам также произведено иначе, чем в «Росписи» Плавильщикова. Частично это вытекало из появления новых отделов; но не совпадает распределение книг даже там, где это вовсе не требовалось новой классификацией.

Конечно, многое в обеих «Росписях» аналогично. Но ведь нет ничего удивительного — да иначе и быть не могло — если, скажем, «Русская просодия» и там, и тут помещена в «Пиитике» или «Исследование свойств и причин богатства народов» Адама Смита и там, и тут — в «Политической экономии». Гораздо важнее, что в не столь очевидных случаях книги классифицировались различно, и далеко не всегда новое решение было шагом вперед или исправлением допущенной ранее ошибки.

Обратимся для примера к отделу, носившему у Плавильщикова название «Государственные и политические науки», а у Смирдина озаглавленному в целом «Политика» (что, кстати, вызвало упрек со стороны «Московского телеграфа»). Построены эти отделы также различно и, естественно, что иная схема делений повлекла за собой ряд иных решений в распределении книг. Примеры этого рода опять таки нам ничего еще не докажут. Но сравнивая каждый подотдел в обеих росписях, мы обнаруживаем, что различия в наполнении вовсе не всегда связаны с самим характером новых подотделов, рубрик и подрубрик. Так, «Рассуждение о благоденствии народном» Л. А. Муратория, «Рассуждение о нищих» А. Измайлова, «О условиях помещиков с крестьянами» В. Стройновского вместо подотдела политической экономии (Плав., №№ 2382, 2385, 2387) находятся в подотделе «Политика или государственное управление» (Смирд., №№ 2177, 2211, 2213); письмо М. В. Ломоносова и И. И. Шувалову, включенное Анастасевичем по преобладающему содержанию в «Политическую экономию» (Плав., № 2388), указано у Смирдина — по формальному признаку — в подотделе «Произведения словесности прозаические. Письма» (№ 6367): «Несколько мыслей о пользе политических наук по случаю издания книги: Опыт теории налогов» Фед. Глинки, помещенные у Плавильщикова в подотделе

финансов и торговли, вслед за самим «Опытом» Н. И. Тургенева (№ 2401), у Смирдина оказываются в другом месте, отдельно от «Опыта» (Смирд., № 2201). В число «Частных рассуждений политико-экономического характера» у Смирдина включено «Обозрение физического состояния России» (Смирд., № 2265), у Плавильщикова же — в подраздел географии (№ 2914). В подразделе политики у Плавильщикова помещены книги «Политическая картина Европы» Сегюра и рядом «Дипломатическая переписка, служащая дополнением к книге: «Картина Европы Сегюра» (№№ 2460, 2461). У Смирдина они разорваны: одна — в «Политике», другая — в «Истории всеобщей» (№№ 2230, 3314). «Философическое и политическое состояние Европы до открытия Америки» В. Созоновича (фактически — перевод отрывка из Рейналя) у Смирдина совсем уж неожиданно оказывается в «Рассуждениях философических», между «Философическими уединенными прогулками» Ж. Ж. Руссо и «Философическими рассуждениями о перерождении животных» (№ 1230); у Плавильщикова эта книга — в подразделе политики (№ 2434).

Последние примеры (№№ 3128, 2461, 2434) особенно разительны, если предполагать, что все эти изменения вносились Анастасевичем с целью исправить недостатки плавильщикова каталога.

О совершенно различном подходе к распределению книг по отделам, хотя может быть и одинаково правомерном, свидетельствуют хотя бы следующие примеры:

«Мир Европы... или проект всеобщего замирения» у Плавильщикова — в «Политике» (№ 2466), у Смирдина — в «Дипломатии» (№ 2353). Ряд сочинений, посвященных отдельным странам, и включенных Анастасевичем в «Политику», находим у Смирдина в отделе истории. «Излияния сердца, чтущего благодать единоначалия» И. В. Лопухина — у Смирдина в «Рассуждениях философических», «О полиции вообще» Дезэссара — в отделе права (№№ 1135, 2114); у Плавильщикова обе эти книги — в «Политике» (№№ 2488, 2496). С другой стороны, в подразделе политики у Смирдина мы находим, например, «Об Англии и англичанах» Ж. Б. Сея (№ 2226); у Плавиль-

щикова эта книга — в «Истории Англии» (№ 2596) и т. д.

Приведенные примеры — капля в море сравнительно с тем, что дает сопоставление росписей. Но даже и эти примеры представляют достаточный материал для критики традиционного представления о «переработке» плавильщицковской росписи. Все говорит о том, что книги классифицировались заново.

Хотя это положение и позволяет с достаточным основанием поставить вопрос — а для чего бы понадобилось Анастасевичу заново классифицировать книги, да еще нередко не исправляя, а усугубляя ошибки или создавая новые? — но не будем торопиться с выводами.

Следующим отличием смирдинской росписи является совершенно иная последовательность записей внутри рубрик: где по алфавиту заглавий, где отвечая задаче дальнейшей смысловой группировки. В целом это отличие можно рассматривать как попытку улучшения «Росписи» Плавильщикова (хотя встречается последовательность записей и без всякого видимого порядка). Поэтому мы не будем пользоваться примерами подобного рода для доказательства наших утверждений.

Еще разительнее отличие в методах описания. При всей очевидности этого отличия, обычно, при сравнительных характеристиках росписей, отмечалась лишь большая полнота смирдинских описаний. Только Н. Н. Аблов впервые (по крайней мере, в печати) подчеркнул кардинальную разницу — отказ от описания по существенному слову. Но в остальном Н. Н. Аблов недостаточно раскрыл отличие смирдинских описаний: <...> значительно увеличено количество данных о книге; введено вновь указание на типографию <...>; расширены подзаголовочные сведения, данные очень кратко в первом издании, и проч.»³⁴. Все это так; но при таком перечислении основное различие завуалировано и все сведено, опять таки, только к «большей полноте». Говорить же следует не просто о большей полноте, а о *принципиальном* отличии, о сокращенной, в очень многих случаях, передаче титульного листа (в том числе и заглавия) в «Росписи» Плавильщикова и о почти фотографировании титульного листа в «Росписи» Смирдина (ср. выше, табл. IV—VI).

С другой стороны, в описаниях «Росписи» Смирдина отсутствуют имеющиеся в «Росписи» Плавильщикова указания на рисунки и чертежи — и там, где они указаны на титульном листе, и, тем более, там, где они не указаны. Отсутствуют многочисленные указания, имеющиеся в «Росписи» Плавильщикова, на приложения к книгам, на примечания — если их нет на титульных листах. Отсутствующие на титульных листах книг и раскрытые в «Росписи» фамилии авторов иногда помещены в скобках — как это было в «Росписи» Плавильщикова; однако таких случаев очень немного. В подавляющей же части здесь действительно, раскрытые фамилии никак не отмечены и никакого объяснения по этому поводу в «Росписи» нет (ср. выше, стр. 181).

Резкое изменение методов описания сказалось также в том, что хотя все издания одной и той же книги описывались здесь под одним номером, их внешние отличия тщательно фиксировались. Но, с другой стороны, реже связаны между собой одни и те же сочинения, вышедшие под разными заглавиями. Если у Плавильщикова таких примечаний-ссылок было несколько десятков, то у Смирдина их вдвое меньше, при значительно бóльшем количестве описанных книг в целом. И вот что любопытно!.. Только в 8 случаях эти примечания совпадают. Во всех же остальных случаях уже установленная Анастасевичем идентификация сочинений, вышедших под разными заглавиями, игнорируется.

Быть может, это были ошибочные идентификации, исправленные при переработке «Росписи» Плавильщикова? Проверка этих указаний подтверждает, однако, их правильность в подавляющем большинстве случаев.

Кроме того, в ряде описаний Анастасевич отметил неполноту изданий, сокращения, дополнения, не отраженные на титульных листах. И это все у Смирдина отсутствует.

В «Росписи» Плавильщикова связаны примечаниями некоторые издания, из которых одни являются частью других. Таких примечаний в «Росписи» Смирдина нет.

Создается впечатление, что «Роспись» Смирдина не только не была новым изданием предшествовавшей, но

что при ее составлении «Роспись» Плавильщикова далеко не в полной мере даже была использована. Однако, опять таки, не будем спешить с выводами.

Обратимся к вспомогательным указателям, сыгравшим основную роль в завоевании «Росписью» Смирдина ее заслуженной репутации одного из удобнейших библиографических справочников XIX века. Алфавитный указатель заглавий («Краткая роспись книгам по азбучному порядку») был подлинным новшеством в русской библиографии. В любой характеристике смирдинской «Росписи» мы найдем высокую оценку этого указателя и, действительно, при многих недостатках, которые ныне можно в нем обнаружить, он и сейчас остается очень полезным и методически интересным. Для сравнения с «Росписью» Плавильщикова, он, на первый взгляд, бесполезен. Но мы располагаем сведениями о том, как представлял себе подобный указатель Анастасевич — из того же, неоднократно уже упоминавшегося, мнения о каталогах Публичной библиотеки. Подобный указатель «по азбучному порядку заглавий» Анастасевич мыслил в алфавите существенных слов и с перестановкой предлогов, если с них начинается заглавие книги; считал он возможным также объединение заглавий под «формами» (Правила, Опыты, Рассуждения и т. д.). Если последние в какой то мере — но не полностью — мы находим в «росписи по азбучному порядку» Смирдина, то первые предложения Анастасевича в корне ей противоречат.

Что касается «азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков», то здесь есть что сравнивать, и сравнение это приводит к любопытнейшим результатам.

Обычно, касаясь этого алфавитного указателя, отмечали, что в нем дополнительно раскрыто множество инициалов авторов и переводчиков, раскрыт ряд анонимов и псевдонимов (собственно, раскрыты они, преимущественно, уже в тексте самой «Росписи»). Отмечали также, что в указателе исправлены некоторые ошибки, имевшие место в «Росписи» Плавильщикова. Все это верно.

Однако и в этом указателе многое решено иначе, чем у Плавильщикова, вне всякой зависимости от исправления ошибок и дополнительных раскрытий.

Так, отвергнут основной принцип плавильщиковой «Росписи» — расширительное понимание содержания указателя (ср. выше, стр. 179). Здесь указатель — указатель авторов и переводчиков в самом буквальном смысле этих слов — и часто, надо сказать, передает титульный лист книги точнее и полнее плавильщикова. Начисто отвергнут в «Азбучной росписи» Смирдина столь широко примененный в указателе к «Росписи» Плавильщикова «коллективный автор».

В обоих указателях нет единообразия и последовательности в выборе места для иностранных фамилий с приставками; но одни и те же конкретные фамилии в одном и в другом указателе нередко помещены в разных местах. Точно так же не одинаково решены вопросы о месте для некоторых составных имен. Не одинакова и транскрипция многих иностранных имен и фамилий, причем Анастасевич часто давал верную транскрипцию, не оговаривая расхождение с книгой; у Смирдина же, как правило, сохраняются без оговорок транскрипции титульных листов, а различные транскрипции указываются лишь в тех случаях, когда эти различные транскрипции есть на самих книгах.

Даже русские имена и фамилии нередко даны в указателях к обоим росписям в различном написании; причем опять таки, в подавляющем большинстве случаев, у Смирдина они даны в точном согласии с титульными листами, без переделки, как это имело место у Плавильщикова.

Широко примененные в указателе к «Росписи» Плавильщикова отсылки к выбранной форме имени или фамилии в азбучной росписи Смирдина сведены буквально к нескольким случаям.

Аналогично тому, что мы наблюдали в основном тексте, когда касались идентификации сочинений, вышедших под разными заглавиями, и здесь мы обнаруживаем такое же игнорирование уже установленного ранее в «Росписи» Плавильщикова. Это обстоятельство в особенности не может не привлечь нашего внимания. Целый ряд фамилий авторов, имена или инициалы которых были в указателе Плавильщикова установлены — причем правиль-

Р и с. 9. Полицейский мост

Во втором доме справа В. Г. Анастасевич жил в конце 1820-х гг.
Литография Ж.-Б. Арну (1840 г.)

но установлены, в смирдинской «Росписи» остались без имен, без инициалов, с одним именем вместо двух-трех. Например: Адиссон Иосиф, Бехерехт Андрей Генрих, Галль Ф. И. (Плав.); Адиссон, Бехерехт Андрей, Галль (Смирд.).

Наконец, всматриваясь в дополнительные, по сравнению с указателем Плавильщикова, раскрытия имен, в исправления ошибок, допущенных в этом указателе, мы обнаруживаем, что в основном это не столько библиографическое раскрытие, сколько, опять таки, точное описание — использование в полной мере титульных листов, а также предисловий и посвящений к книгам. Там же, где раскрытие имен сделано не по книгам, когда в самих книгах имен авторов или переводчиков нет, мы наблюдаем еще одно, не менее характерное обстоятельство: в подавляющей массе — это русские авторы, причем, главным образом, петербургские литераторы, профессора рус-

ских университетов и академий, присяжные авторы учебников и словарей. Имена же иностранных авторов раскрыты — дополнительно к указателю Плавильщикова — только в тех случаях, когда они указаны на самих книгах и только в той же транскрипции (за буквально единичными исключениями). Даже указанные в свое время Анастасевичем имена иностранных авторов в подавляющем большинстве не повторены в росписи Смирдина, если их нет на изданиях русских переводов.

В «Росписи» Смирдина и в алфавитном указателе к ней отсутствует также немало раскрытых ранее Анастасевичем (и правильно раскрытых) анонимов. Так, например, отсутствует О. П. Козодавлев, как издатель (т. е. по тогдашней терминологии, редактор) «Жития патриарха Никона», М. Бакаревич, как переводчик книги Ж. Сея «О торговом балансе», А. А. Артемьев, как переводчик книги Дилтея «Начальные основания вексельного права», И. Ф. Богданович, как издатель «Санктпетербургского вестника», М. Бранкевич, как автор «Мыслей... украинского помещика... Трифона Сидоровича Правоговорова...» и др. Иногда правильно раскрытые анонимы заменены неправильными. Так, например, автор «Приключений маркиза Г...», напечатанных без имени автора, у Плавильщикова указан верно: Прево, у Смирдина же раскрыт как д'Аржанс.

Итак — новая классификация, новое распределение материала даже там, где это с новой классификацией не связано, иная последовательность материала в отделах, подотделах и рубриках, иные методы описания книг, иная методика вспомогательных указателей, иные раскрытия имен и анонимов. Ни о какой переработке, ни о каком втором издании говорить не приходится. Смирдинская «Роспись» — новая работа в буквальном смысле слова.

Вывод этот бесспорен. Другой вывод — составлять эту новую роспись не мог тот же Анастасевич — на первый взгляд менее бесспорен. В самом деле, почему же нельзя считать, что признав неудовлетворительность «Росписи» Плавильщикова, Анастасевич всю работу сделал заново?

Но вспомним, что уже начиная со второго прибавления к «Росписи» Плавильщикова можно было заметить стремление — нет сомнений, шедшее от владельца библиотеки — перейти к тем методам описания, которые затем окончательно победили в «Росписи» Смирдина. Особенно явственно стало это стремление с 1824 года, когда книжная лавка и библиотека перешли к Смирдину. Все то, что отличает смирдинскую роспись от плавильщикова, все о чем мы только что говорили, — приемы более практические; употребляя терминологию сегодняшнего дня, цель «Росписи» Смирдина — не столько помощь в подборе литературы, что отличает «Роспись» Плавильщикова, сколько помощь непосредственному обслуживанию читателей по их спросу. Можно сказать, что как достоинства, так и недостатки «Росписи» Смирдина сравнительно с «Росписью» Плавильщикова вытекают именно из этого, сугубо библиотечного ее характера. В недостаточно продуманной и недостаточно логичной классификации, в чрезмерной дробности делений — ее недостаток; в выделении насущно необходимых читателям русской книги начала XIX века отделов и подотделов, в возможности легкого нахождения книг по вспомогательным указателям — ее достоинства; ее достоинство — в полноте библиографических описаний; в чрезмерном, нередко совершенно излишнем максимализме этой полноты — ее недостаток. В верности титульным листам — залог ее точности, но в ограничении ими — ее недостаток; но вместе с тем — это полезный практический подход в условиях общедоступной библиотеки.

Есть ли у нас основания считать, что Анастасевич был в состоянии так кардинально «перестроиться»? Мы их не видим.

Допустим все же, что в течение 3—4 лет Анастасевич изменил свои точки зрения; допустим, что он, независимо от своей точки зрения, был вынужден подчиниться требованиям издателя, пересмотреть классификацию, изменить методы описания, и т. д. Чем же объяснить остальное — отказ от таких приемов, как ссылки и «коллективный автор», отказ от уже установленных идентификаций, отказ от правильно раскрытых анонимов, имен или правиль-

но указанных инициалов? Ясно, что все это никак не вяжется с традиционной версией об Анастасевиче, как составителе «Росписи» Смирдина.

Вывод этот, однако, только подтверждает то, к чему мы пришли, рассматривая свидетельства современников. Тогда же мы выяснили, что более правдоподобной кажется версия об Анастасевиче — редакторе «Росписи».

Примем пока что на веру хотя бы самое осторожное утверждение — дочери Смирдина, Е. А. Верховской — будто роль Анастасевича заключалась в проверке карточек Смирдина и их распределении. Допустим даже, что соавтор (или редактор), Анастасевич не считал необходимым или не имел возможности настаивать на использовании его методов, его раскрытий и идентификаций. Допустим — как бы это ни было странно!

Но оказывается, что даже когда Анастасевич исправлял свои ошибки, это не находило отражения в «Росписи» Смирдина.

В фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранился экземпляр указателя к «Росписи» Плавильщикова из личной библиотеки Анастасевича. На экземпляре этом имеются его собственноручные исправления, сделанные сразу же после выхода указателя в свет — 15 сентября 1821 г.; работа, видимо, была брошена, исправлений очень немного, всего 20, но анализ их не бесполезен.

Часть этих пометок не дает нам материала, т. к. либо в библиотеке Смирдина уже не было книг, к которым отсылали исправленные места в указателе, либо фамилия отсутствовала в указателе к «Росписи» Смирдина в связи с ограничением его только авторами и переводчиками. Некоторые поправки мы находим в «Росписи» Смирдина; это те случаи, когда в плавильщиковском указателе был явный недосмотр (например, Константин Васильевич Батюшков вместо Константин Николаевич Батюшков), либо когда нужные данные имелись в самих книгах (Смирд. №№ 635, 1157, 1323, 3233, 6119).

Остаются восемь поправок, которых мы не находим в смирдинской «Росписи»:

1) «Белевы путешествия чрез Россию...», 1776 г.

(Плав., № 3556, Смирд., №3751). В указателе стояло: Белль. Анастасевич раскрывает имя автора — Жан (не точно, т. к. автор — англичанин, Джон Белль). Можно ожидать, что впоследствии это неточное раскрытие было исправлено. Но в указателе Смирдина появился фантастический автор — Белев, без имени, конечно.

2) Анастасевич вносит ссылку — Болховитинов см. Евгений. В смирдинской «Росписи» такой ссылки нет.

3) «Алладин или лампадик...», 1758 г. (Плав., № 4384, Смирд., № 7446). Анастасевич раскрывает переводчика — Якова Борисовича Княжнина. В смирдинской «Росписи» его нет.

4) Анастасевич правильно раскрывает имя переводчика Кононова — Алексей. В смирдинской «Росписи» имени нет.

5-7) Анастасевич раскрывает второе имя академика Георга Крафта (Вольфганг) и отделяет его сочинения от сочинений его сына, Вольфганга Людвиг Крафта. В смирдинской «Росписи» все эти книги указаны под именем Георга Крафта, кроме одной, которая вовсе лишается автора и остается анонимной, согласно титульному листу (Смирд., № 4132).

8) В указателе был фантастический автор — Лазариль-Тормский. Анастасевич, в соответствии с господствовавшим в это время мнением, исправляет: Мендоза Диэго Гуртадо. В «Росписи» Смирдина «Жизнь и приключения Лазарилья Тормского» описывается как анонимная книга (№ 8790).

Допустить, что Анастасевич, исправивший собственные ошибки и пропуски, не только повторил их в новой работе, но даже не заметил, что они усугублены (поправки 1, 5—7), крайне трудно. Но допустим даже и это — что через 5—6 лет Анастасевич забыл о своих исправлениях.

В указателе к «Росписи» Плавильщикова был в свое время учтен ряд замечаний Евг. Болховитинова после просмотра им второй части самой «Росписи». В «Росписи» Смирдина опять таки одно из этих указаний Болховитинова не учтено (Ириной Фальковский, как автор «Краткого описания Киево-Печерской лавры»). Допустим, что и об этом забыл Анастасевич — хотя уже

отметил это в указателе к «Росписи» Плавильщикова, и хотя это относилось к любимому его учителю.

Еще труднее, однако, предположить, что при проверке, при редакции Анастасевич не отнесся достаточно внимательно к работам столь близкого ему, его постоянного корреспондента, Евгения Болховитинова. Уж что — что, а произведения Болховитинова Анастасевичу были хорошо известны, и потому совершенно понятно удивление биографов Болховитинова: в «Росписи» Смирдина, озаглавывается, раздельно, как произведения различных авторов, представлены книги киевского митрополита Евгения, вологодского епископа Евгения, калужского епископа Евгения, старорусского епископа Евгения — т. е. все того же Евгения Болховитинова. Быть может, виной этому отсталая библиографическая техника тех лет или небрежность Анастасевича? Но в указателе к «Росписи» Плавильщикова все эти произведения объединены под одним лицом! Далее! Книга «Похвальное слово чему нибудь, посвященное от сочинителя кому нибудь, а от переводчика никому, с присовокуплением похвального письма ничему», изд. 1787 г. фигурирует в «Росписи» Смирдина (как и у Сопикова) без имени переводчика (№ 6975). Книга эта была переведена Болховитиновым, является первым вышедшим в свет его произведением, и... значится в «Росписи» Плавильщикова под именем Болховитинова (№ 6341). Ряд книг, вышедших под именами читавших их публике студентов, но, по утверждению Болховитинова, принадлежавших, в действительности, ему, мы встречаем в «Росписи» Смирдина описанными по титульным листам (№№ 122, 123, 132, 315). Конечно, при всей близости к Болховитинову, Анастасевич мог бы и не знать о претензии Болховитинова на их авторство. Но... в «Росписи» Плавильщикова все они раскрыты как произведения Болховитинова.

В «Росписи» Смирдина «Краткий словарь славянский...» иеродиакона Евгения [Романова], 1784 г., приписан Евгению Болховитинову. «Странно видеть такую ошибку в «Росписи», составлением которой занимался, как известно, В. Г. Анастасевич, ближайший приятель митр. Евгения. Как же он мог впасть в такую ошибку?» — пора-

жался С. Пономарев³⁵. Но... в «Росписи» Плавильщикова указан подлинный автор—Евгений Романов (№ 3786).

Еще более любопытно, что Анастасевич, оказывается, не знал даже как следует своих собственных работ. Так, Анастасевичу принадлежат переводы двух книг архитектора Монферрана. На титульном листе одного из них Монферран не указан вовсе, на втором фамилия его входит в заглавие. «Роспись» Смирдина авторство Монферрана вовсе не отмечает и в указателе его фамилии также нет. Между тем, в «Росписи» Плавильщикова и в указателе к ней автор — Монферран — фигурирует (Смирд., №№ 2476, 2477, Плав., №№ 7079, 7080).

В описании многотомного издания Рейналя, о котором уже шла речь в 1-й главе, в «Росписи» Смирдина (№ 3092) неправильно указано, что Анастасевичу принадлежит перевод 6-й части — т. е. только то, что можно было вывести из беглого взгляда на напечатанное в конце этой части примечание (см. выше, стр. 32). Между тем, в «Росписи» Плавильщикова было указано верно, в полном согласии с собственноручной автобиографией Анастасевича: «а 4-ю часть [перевел] В. Анастасевич» (№ 2437) — т. е. то, что нигде в этом издании не указано.

Наконец, в описании самой «Росписи» Плавильщикова Анастасевич не упоминается (Смирд., № 9910). Быть может, дело в «скромности» Анастасевича? Но в первом прибавлении к «Росписи» Плавильщикова Анастасевич, как составитель ее, был указан (№ 7153).

Предположить, что сам, своими руками, Анастасевич вносил неверные сведения о собственных книгах, о книгах Болховитинова или даже спокойно оставлял внесенные кем-то неверные сведения вместо верных, самим Анастасевичем уже ранее напечатанных, мы отказываемся. Редакторской работы над «Росписью» Смирдина, совершенно очевидно, Анастасевич не проводил.

Возможно, конечно, что дело не обошлось без какого то его минимального участия. Без отдельных советов Анастасевича дело не обошлось, вероятно, и потому, что он был хорошо знаком с Д. И. Языковым (имя которого также связывается с «Росписью» Смирдина) и, наконец,

и
Новое Уезд. Управленіе еще не
образовалось а потому на сего
стою. Комитетъ все еще существуетъ
и какъ оставшіеся члены комит-
тета много дѣла. Насколько нѣтъ
столу; а нѣтъ еще нескѣлькихъ
• 22 Уезд. оф. Дѣл., рѣ. Сп. Д.
и много др. дѣлъ. Замѣтитъ какъ и дѣ-
ловъ, но протѣ и протѣ на Копы
на С. Дѣлѣхъ управленіемъ
проектъ вѣнъ отъ части С. М. Мѣ.
а Копыловскимъ уездомъ и протѣ
что нѣтъ, еще в сѣмъ, спѣтъ,
в протѣхъ Копыловскимъ
Составилъ составленъ дѣлѣхъ
нѣтъ, спѣтъ, уездомъ Копылов-
Скоу, дрѣ, протѣхъ в Копылов-
Скоу составленъ С. Дѣлѣхъ
рѣ. Мѣстѣхъ, нѣтъ, протѣхъ,
ли Копы; Копыловскимъ протѣхъ
Составленъ протѣхъ Копылов-

Рис. 10. Страницы из письма В. Г. Анастасевича
П. И. Кеппену (1828 г.) с упоминанием «Росписи»
А. Ф. Смирдина. Архив Академии Наук СССР

потому еще, что Анастасевич рассматривал и подписал «Роспись» к печати, как цензор.

На последнее надо обратить самое серьезное внимание. В сущности, уже одно то, что Анастасевич цензуровал «Роспись» Смирдина, опровергает традиционную точку зрения. Цензуровать собственные работы не полагалось и не разрешалось. Невозможно представить себе, чтобы Анастасевич, будь он составителем или главным редактором «Росписи», решился на такое беззаконие. Поверить в столь смелую выходку со стороны Анастасевича тем более невозможно, что рукопись смирдинской «Росписи» проходила через петербургскую цензуру с некоторыми осложнениями. Сохранились архивные материалы, свидетельствующие о том, что представленный Смирдиным первый отдел «Росписи» — ботословие — был переслан в духовную цензуру, которая ряд книг исключила, как запрещенные или сомнительные, о чем было доложено на заседании Комитета. Только после этого рукопись была передана на рассмотрение Анастасевича³⁶. Таким образом, внимание цензурного комитета было уже привлечено к «Росписи» Смирдина — думать при этих обстоятельствах, что Анастасевич не постарался бы уступить кому либо из других цензоров честь читать «Роспись», можно только ради поддержки во что бы то ни стало авторитета И. П. Сахарова, автора версии об Анастасевиче — составителе «Росписи» Смирдина.

Итак, о какой либо значительной роли Анастасевича в составлении «Росписи» Смирдина не может быть речи. Если же Анастасевич не был ни составителем, ни редактором «Росписи», то он, конечно, не отвечает за ее классификационную схему и нам незачем придумывать объяснения — почему и под чьим влиянием отказался он от своей библиографической системы.

Но тем самым приходится придти к выводу, что не только в недостатках, но и в достоинствах «Росписи» Смирдина, заслонившей, в конечном счете, «Роспись» Плавильщикова в качестве не только каталога, но и общей библиографии, Анастасевич также не повинен.

Вывод этот окончательно подкрепляется собственными словами Анастасевича в письме к П. И. Келпелю от 14 ав-

густа 1828 г. В связи с одной из статей Кеппена он останавливается на своей работе по био-библиографии, а затем переходит к чужим трудам: «<...> Я просил Гулак-Артемовского составить <...> список ученым Харьковского округа для проверки в общем мною собираемом алфавите рос. писателям <...> Преосв. Евгений еще с своим словарем светских писателей держится и не издает в свет. Это была бы величайшая помощь трудящимся по сей части. Вы вскоре будете иметь полный каталог Смирдина, на днях оканчиваемый. Facile factis addere»³⁷. То есть: нетрудно дополнять уже сделанное — с горечью констатировал отстраненный Смирдиным Анастасевич.

Конечно, можно при желании понять это единственное свидетельство Анастасевича о «Росписи» Смирдина и в противоположном смысле: он пишет Кеппену о своих работах, словарь Болховитинова он упоминает лишь как параллель к своей био-библиографии; латинской фразой он хочет объяснить, почему ему удалось так быстро сделать каталог Смирдина. Но не очевидно ли, в свете всего нашего предыдущего анализа, что Анастасевич никак не мог бы, столь кардинально переработав «Роспись» Плавильщикова, характеризовать свой труд как легкий и незначительный, не мог видеть в смирдинском каталоге лишь дополнения к «Росписи» Плавильщикова. И, кроме того, совершенно не вяжется со всем, что мы знаем об Анастасевиче, специальное подчеркивание им незначительности своей работы, да еще в такой торжественной, сентенциозной форме. А о том, что каталог Смирдина близок к выходу в свет, он, естественно, знал, будучи его цензором.

Единственным трудом, в котором воплощены библиографические идеи Анастасевича, является, все таки, только «Роспись» Плавильщикова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 1.

Рассмотрение библиографической деятельности Анастасевича мы закончили приблизительно тем же временем, что и рассмотрение его общественно-политических взглядов, т. е. кануном восстания декабристов. Свыше двадцати лет прожил еще Анастасевич, но русской библиографии эти последние годы его жизни ничего не дали.

Еще в начале двадцатых годов, после того, как он вернулся в Комиссию для составления законов, Анастасевич занимался черновой работой для барона Розенкампа, работой мелочной и бесплодной, вызывавшей насмешки и передовую общественности (ср. например, критику работ Комиссии А. П. Куницыным), и реакционера Болховитинова. О самом Розенкампе зло и презрительно отзывался — правда, несколько раньше — Н. И. Тургенев: «С ним как побудешь несколько времени, что то самому перед собой после совестно»¹. По возвращении М. М. Сперанского, Розенкампф остался не у дел (с 1823 г.) и Анастасевич в течение многих лет помогал ему в его историко-юридических занятиях — в частности довел до конца, после смерти Розенкампа, второе издание «Обозрения Кормчей книги в историческом виде» (1839 г.).

Рекомендованный в 1817 г. Болховитиновым Н. П. Румянцеву, Анастасевич становится фактически одним из его секретарей по ученой части. Румянцев, видимо, ценил, главным образом, его знание польского языка и его

польские ученые связи². Однако многие годы Анастасевич трудится, по поручению Румянцева, над сводом Киевской и Волынской летописей, окончательным редактором которого должен был быть академик Ф. Круг. Но эта работа осталась незаконченной (по словам Ф. Круга и самого Анастасевича, она была сделана на две трети), и лишь частично была использована Археографической комиссией при подготовке к печати первого — как известно, неудовлетворительного — издания Ипатьевской летописи³.

Занимался Анастасевич в двадцатые годы нумизматикой, проектировал издание «Истории Малороссии» М. Берлинского и собственной археологической «Псковской прогулки», издал — крайне неудачно — на средства Румянцева «Словарь...» Болховитинова. Активное участие принимал он в филантропическом Человеколюбивом обществе и его журнале.

В первые годы знакомства Болховитинов только удивлялся тому, как Анастасевич успевает «собирать и словари, и материи, и вести переписку, и переводить, и должность исправлять»; о трудолюбии Анастасевича «над столь малыми предметами» он отзывался в это время сочувственно; поощрял Анастасевича — «собирая запасы, нет нужды пока спешить с совершением дела». Через несколько лет Болховитинов уже упрекает Анастасевича за метание из стороны в сторону, за заготовку впрок все новых и новых карточек, за выписки отовсюду на всякий случай, за чрезмерные услуги Розенкампу, Румянцеву, барону Фитингофу (по Человеколюбивому обществу), за готовность выполнять любые поручения. Болховитинов отдавал должное ценности накопленных Анастасевичем библиографических и рукописных материалов; он писал, например, И. М. Снегиреву в 1828 г., что Анастасевич обладает «редким сбором своей архивы», но тут же прибавлял, что пользоваться им Анастасевич не умеет. «Вы все только запасаєте к употреблению и справкам», «вы намерены даже неизданные сочинения описывать?» — поучает он Анастасевича в своих письмах к нему. Чем дальше, тем больше раздражал его — и не без основания — Анастасевич. «Вы за все беретесь и ко всему себя считаете

способным, за то мало и оканчиваете, а еще менее хорошего»,—писал он в 1819 г., а в 1821 г. предсказывает Анастасевичу судьбу его «шпаргалов»: «Потомки вынесут их на продажу под табак и под ваксу и проч.», что и оправдалось (с той разницей, что они пошли, главным образом, под обои — как известно, при распродаже в 1863 г. с аукциона библиотеки и архива Анастасевича большая часть была приобретена малярами)⁴.

Анастасевич начинает понимать скромность и ограниченность своей роли в русской литературе и журналистике. Едва ли «унижением паче гордости» можно объяснить самохарактеристику, данную им в письме Н. И. Гречу от 20 ноября 1821 г. Посылая Гречу свою автобиографию, Анастасевич писал: «Почтеннейший Николай Иванович! Желание ваше иметь записку по моей ученической жизни для внесения в вашу историю российской литературы п<оследние?> дни держало меня в нерешимости, как исполнить оное. Совершая преполезный труд ваш, вы можете, думал я и думаю, увенчать оный именами отличных наших писателей, или по крайней мере достойными любопытства по редкости своей, жившими в то время, когда трудно не выбирать их, но отыскивать. А я, как неизвестный только любитель всего Отечественного, не смею льститься и тою надеждою, чтоб некогда помянули меня тем, что я исчислял произведения русской словесности. Впрочем, если забудут и сие любимое мое занятие, то уже не опечалит меня там—идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание... Немощи мои очень часто уже стали напоминать мне о неминуемом походе туда... Но вам угодно отпевать меня еще живого... Не умею отказать вам в угодном, столько я вас почитаю и люблю, и столько чувствую ваше ко мне доброе расположение. Итак, решаясь, наконец, препроводить при сем желаемую вами записку, прошу у вас одной милости: не заставьте меня краснеть пред теми, кому вы намерены показать меня вместе с достойнейшими общей известности и давно уже ее заслужившими».

И тут же намек на рецензию «Любителя русской библиографии»: «Вспомните, что я недавно в вашем же издании каким-то моим приятелем осужден на веч-

ную неизвестность за неумышленную ошибку в книжной росписи Плавильщикова, относящуюся к Г. Победоносцеву, за которую верно не гневался сам тот, пред коим я провинился»⁵.

Начиная с 1823 г., имя Анастасевича все реже появляется в печати. По поводу одной из его рецензий Болховитинов писал: «Ваше мелочнолюбие часто выходит из границ любопытства публики. Не все наши знания всегда годятся». По-видимому, действительно, публика и издатели журналов держались этого мнения. В «Сыне отечества», в 1823 г. ученость Анастасевича была высмеяна в связи с уже упоминавшимся нами «Кратким известием...»⁶ Все больше занят он археографией, нумизматикой и библиографией польской словесности. В 1824 г. Анастасевич фактически покидает Вольное общество любителем российской словесности. С другой стороны, примерно к этому же времени, как вытекает из анализа прибавлений к «Росписи» Плавильщикова, выясняются расхождения между Анастасевичем и Смирдиным по вопросу о том, каков должен быть печатный каталог библиотеки для чтения.

Можно думать, что в эти годы Анастасевич теряет перспективу реализации своих библиографических замыслов. По крайней мере в 1824 г. между ним и Болховитиновым всерьез обсуждается проект его переезда в Киев, к Болховитинову — явно на покой⁷.

Чины Анастасевичу шли — он был уже статским советником, но прочного положения не было. В 1826 г. расформировывается Комиссия по составлению законов; функции ее переходят ко 2-му отделению с. е. и. в. Канцелярии. В том же году умирает Н. П. Румянцев. Анастасевич вновь без места, без регулярного заработка (ему сохранен был оклад на 1 год). Как гласит послужной список, министру юстиции было велено «определить его по желанию и способностям» на какую либо вакансию в любом министерстве.⁸

Такой вакансией оказалась должность цензора в Главном цензурном комитете, созданном при введении нового, т. н. «чугунного» цензурного устава.

Еще в конце десятых годов Анастасевич имел некото-

рое касательство к цензуре. Но, во-первых, он ограничивался тогда очень специфическим материалом — цензуровал польские каталоги, и, во-вторых, была большая разница между цензурой десятых годов и шишковской. Введение в 1826 г. шишковского цензурного устава, было, как это хорошо известно, крайне реакционным мероприятием и соответственно воспринималось и расценивалось современниками. Так, даже реакционер С. Н. Глинка долго колебался, прежде чем согласился стать цензором.

В истории библиографии этот эпизод в жизни Анастасевича подается скороговоркой; на первый план выдвигается всегда то, что в 1830 г. он был уволен из Цензурного комитета за разрешение к печати «Конрада Валленрода» А. Мицкевича. В результате, цензорская деятельность Анастасевича выглядит в его биографии как «светлое пятно», как чуть ли не одна из важнейших его заслуг перед русской культурой. Такая трактовка не только навивна, но и противоречит фактам.

Конечно, предполагать у Анастасевича специальное сочувствие шишковскому цензурному уставу мы не можем. Как видно из опубликованных писем к Анастасевичу И. М. Снегирева, единственным стимулом для него в данном случае была материальная сторона — очень выгодные, с житейской точки зрения, условия службы в Цензурном комитете⁹.

Но нельзя закрывать глаза на принципиальное отличие прошлых чиновничьих должностей Анастасевича от должности цензора в Главном цензурном комитете. Как ни мало могли найти отражение в прошлой служебной деятельности взгляды и настроения Анастасевича, она, во всяком случае, им не противоречила. Более того, в какой-то мере секретарство у Чарторьского и работа в Комиссии для составления законов находились в русле его интересов. Этого никак не скажешь о службе в николаевской цензуре, в обстановке последекабрьской реакции, в обществе Сербиновича, Гаевского и др. Архивные дела Главного цензурного комитета и сохранившиеся письма к Анастасевичу, как цензору, П. Свинына и Ф. Брока не дают значительного материала для харак-

теристики — что именно делал в Комитете Анастасевич и как он держался (хотя известно, какие журналы он цензуровал); но, во всяком случае, они не дают основной особо противопоставлять его деятельность деятельности других цензоров¹⁰.

Что же касается эпизода с изданием произведений А. Мицкевича, то дело обстояло следующим образом.

Об интересе Анастасевича к Мицкевичу и о том, что Мицкевич помнил о его благожелательном отношении к изданию «Конрада Валленрода», можно было судить по письму Н. А. Полевого к Анастасевичу от 15 марта 1828 г. С другой стороны, биографами Мицкевича обычно дело представлялось так, что петербургская цензура просто не разобралась в истинном смысле «Конрада Валленрода», что она была обманута предисловием А. Мицкевича к поэме. Между тем, как теперь выяснено, предисловие это было написано по настоянию самого же Анастасевича. Друг Мицкевича Малиновский, бывший в это же время в Петербурге, называет Анастасевича «самым мягким, самым лучшим из цензоров».

В начале 1828 г. поэма вышла в свет. В апреле того же года Анастасевич подписал к печати двухтомный сборник произведений А. Мицкевича, куда также входил «Конрад Валленрод». Как видно из дневника Малиновского, Анастасевич очень заинтересовался «Конрадом Валленродом», много беседовал с Мицкевичем, Малиновским, Малевским о литературе, сочувственно относился к проекту издавать в Петербурге польский журнал и обещал свое содействие, убеждал Малиновского не отступать перед цензурой и министром юстиции, за претившими ему издание сборника правительственных распоряжений¹¹.

Все это свидетельствует не просто даже о благожелательном отношении Анастасевича, но и о том, что он нашел общий язык с представителями передовой польской интеллигенции.

Увольнение же Анастасевича в 1830 г. за пропуск «Конрада Валленрода» — версия очень неточная. Уже Н. К. Замков указал, что версия эта, идущая от О. А. Пржецлавского (редактора «Tygodnik petersbur-

ski) и И. П. Сахарова, противоречит фактам; это не мешает до самого последнего времени ее повторять. Действительно, во-первых, в 1830 г. «Конрад Валленрод» не преследовался правительством; издания на польском языке запрещены не были; в начале тридцатых годов появляется несколько переводов «Конрада Валленрода» на русский язык с указанием имени автора. Даже когда цензор Гаевский в 1831 г. не пропускал перевода одного отрывка, Цензурный комитет и министр Ливен с ним не согласились. Только лишь в 1834 г., в связи с деятельностью А. Мицкевича за границей, воспрещается переиздание его произведений на польском языке и исчезают в журналах упоминания его имени. Во-вторых, уволен был Анастасевич вовсе не в 1830 г., а в конце 1828 г., в связи с ликвидацией Главного цензурного комитета¹².

Но ведь были же какие-то причины того, что Анастасевич, в числе немногих цензоров (он, Р. Я. Ветринский и Семенов), не получил другого назначения по ведомству народного просвещения, и, более того, не получил вообще никакого назначения, оставшись после свыше чем тридцатилетней службы даже без пенсии. Н. К. Замков на эту сторону вопроса не обратил внимания.

Несомненно, одной из таких причин были польские связи Анастасевича.

Еще в 1821 г. Болховитинов предупреждал Анастасевича о подозрениях, которые внушают в высших сферах его «сношения с Польшею», намекал даже на возможность обыска. «Сношения» эти крепили с каждым годом до такой степени, что в кругах польской интеллигенции он рассматривался, как «петербургский поляк». В 1828 г. Н. Н. Новосильцев отправлял доносы, где много внимания уделялось петербургским польским кругам — главным образом, Ф. Булгарину, который сумел оправдаться. Много внимания в этих доносах было уделено изданию «Конрада Валленрода», а петербургская цензура прямо обвинялась в нарушении устава о цензуре. Правда, в 1829 г. Николай велел оставить это дело без последствий. Но отзыв, конечно, оно имело, и в свете доносов Новосильцева фигура Анастасевича не вызы-

вала, очевидно, особой симпатии со стороны начальства¹³. Думаем, однако, что была и другая причина.

Тогдашний министр, К. Ф. Ливен, едва ли испытывал желание видеть Анастасевича вновь своим подчиненным в связи с делом о разрешении перевода «Жизни Наполеона» Вальтер Скотта, предполагавшегося к изданию Н. А. Полевым. История с этим переводом была рассказана в «Записках» Кс. Полевого, но очень неточно. В архиве Главного цензурного комитета сохранилось большое «Дело по прошению московского купца Полевого с представлением на рассмотрение книги под заглавием: «Жизнь Наполеона Бонапарте» и «Дело о рассмотрении комитетом соч. Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте», перев. с франц. яз. К. А. Полевого, разрешенном цензором В. Г. Анастасевичем, и о представлении его на окончательное заключение министра народного просвещения». Из этих дел видно, что не проявляя никакого особого либерализма, Анастасевич держался в рамках строгой законности, точно выполнял инструкции А. С. Шишкова, а сменивший последнего на посту министра Ливен действовал, в сущности, самоуправно. Обширные объяснения Анастасевича, с подчеркиванием всех этих обстоятельств, не могли не раздражать Ливена и заставили его хорошо запомнить Анастасевича¹⁴.

Но как бы то ни было, Анастасевич не получил никакого места, остался без пенсии. Вновь возник и вновь не осуществился план переезда к Болховитинову в Киев. Анастасевич поселился, на правах бывшего сотрудника Н. П. Румянцева, в доме Румянцевского музея, добывал средства к существованию частными уроками, комиссионерством по продаже коллекционерам книг и картин, иногда — переводами; обедал у своих многочисленных знакомых, помогал Розенкампу, продолжал заниматься нумизматикой, археологией, библиографией журнальных статей и польской словесности; очень редко печатался. Версия, будто он служил некоторое время в Румянцевском музее и добровольно уступил свое место А. Х. Востокову, также идущая от И. П. Сахарова, решительно ничем не подтверждается; в архиве Румянцев-

ского музея о службе Анастасевича, о каком бы то ни было участии его в организационных и дальнейших работах нет никаких данных¹⁵. Видимо, в начале 30-х гг. он особенно сближается с Д. И. Языковым, а через него и с А. С. Шишковым; по крайней мере, по личному представлению Шишкова, Анастасевич в 1835 г. дважды баллотировался в члены Российской Академии и... не проходит¹⁶.

По-прежнему он широко делится с друзьями, знакомыми и даже малознакомыми различными сведениями, предоставляет для копирования принадлежащие ему рукописи и собственные материалы. Сохранилось, например, письмо М. А. Оболенского, из которого мы узнаем, что Оболенский переписал для себя известную нам записку Анастасевича о каталогах Публичной библиотеки¹⁷.

Незначительные сохранившиеся отрывки из переписки Анастасевича этого времени позволяют считать, что широта общественных интересов, которая так ясно сказывается даже в ответных письмах Болховитинова двадцатых годов, а тем более в записных книжках Анастасевича десятых годов, теперь отсутствует. Преобладает сугубо академическая или чисто житейская тематика.

Правда, в конце двадцатых — начале тридцатых годов можно констатировать внимание Анастасевича к современной русской литературе, попытки продолжить информацию русских писателей о польской литературе. В 1827—1829 гг. Анастасевич с большим интересом относится к «Московскому телеграфу» и сближение его в эти годы с Н. А. Полевым вызывает раздражение Болховитинова. Об отношении к А. Мицкевичу мы уже говорили. В 1830 г. Анастасевич пишет В. М. Перевошикову о том, как его радует, что русское общество читает не только исторические романы, но и серьезные исторические сочинения. На основании писем художника Венецианова можно думать, что Анастасевич советовал своим знакомым читать Н. В. Гоголя. Действительно ли подобные интересы исчезают с годами или виной такому представлению гибель большей части переписки—судить трудно. Но во всяком случае сохранившееся письмо Анастасевича 1838 г. и ответное — И. И. Срезневского свидетельствуют

о глубоком интересе Анастасевича и в это время к проблемам народности, к изучению фольклора и истории Украины. До последних лет сохраняет Анастасевич в петербургском обществе репутацию поклонника французских энциклопедистов¹⁸.

Красочное описание быта Анастасевича оставил Кс. Полевой: «Услышав мое имя, Анастасевич дружески приветствовал меня и ввел в свою ученую хранилищу. Я не знаю, как назвать иначе его квартиру, которая состояла из двух, может быть, из трех больших комнат, уставленных и загроможденных шкафами, полками, столами с книгами и бумагами, а еще больше картонами разных размеров, где хранились тысячи лоскутков бумаги, исписанных заметками и выписками библиографическими, историческими и всякими, которые он собирался употребить в дело. Над всем этим господствовала пыль, скоплявшаяся всюду без всякого преследования, потому что Анастасевич жил один-одинехонек и не держал никакой прислуги, боясь, что прислуга расстроит у него картонки и лоскутки. Говорили, будто этому была и другая причина: скупость, доходившая до крайних пределов. Как бы то ни было, но Анастасевич жил один, без прислуги; по утрам дворник приносил ему горячей воды для чаю, чистил платье и сапоги и оставлял своего жильца посреди его картонов до следующего утра. Анастасевич запирали за ним дверь и оставался, блаженствуя посреди своей пыли, до того времени, когда желудок напоминал ему об обеде. Тогда он одевался и шел обедать к кому-нибудь из своих знакомых, где и оставался весь остальной день, а домой возвращался спать. Знакомых, где мог он проводить целый день, было у него много, так что по очереди достало бы на месяц,» и т. д.

К 1835—1836 гг. относится запись Г. Н. Геннади (со слов А. А. Краевского): «Между прочими делами он [Анастасевич] занимался составлением библиографического словаря на отрывных листочках, которые размещались по ячейкам на стене. Он составил огромную неразборчиво написанную грудку, которая так и погибла без пользы. Краевский не мог уговорить его остановиться и отделать окончательно хоть часть»¹⁹.

Ироническое отношение к деятельности Анастасевича, явно шедшее еще от арзамасцев, проявилось в 1836 г. в пробном выпуске Энциклопедического словаря, задуманного Н. А. Маркевичем, где было сказано: «Анастасевич Василий Григорьевич. Известен в литературе следующими творениями и переводами <...> [в перечне труды по библиографии отсутствуют. М. Б.]. Все сии переводы, в прозе и стихах, а равным образом и журнал вышепоименованный [«Улей»], делают честь сочинителю тем, что лишнего времени, которое издержал он на сии безвредные занятия, не употребил он на что-нибудь предосудительное»²⁰.

Анастасевич в эти годы в еще большей степени, чем раньше, вращался в кругу проживавших в Петербурге и приезжавших туда поляков. Далеко не всегда, однако, встречал он здесь благожелательный прием — это были уже, в большинстве, другие люди, не те польские ученые, с которыми он в былое время встречался и переписывался, и не те молодые романтики, с которыми он беседовал в двадцатые годы. Уничтожающую характеристику Анастасевичу этих лет дал проживавший в 1827—1838 гг. в Петербурге доктор С. Моравский. В воспоминаниях Моравского «В Петербурге» очень многое односторонне, пристрастно, многое основано на непроверенных анекдотах и сплетнях. Страницы, посвященные А. С. Пушкину и его дуэли с Дантесом, можно даже назвать клеветническими²¹. Суждения Моравского подчас просто смехотворны. Так, например, он писал: «Пушкин усовершенствовал, выгладил язык, сделал его более легким и изящным. Но в этом, пожалуй, больше для России сделал наш поляк Булгарин, а наверно в сто крат больше Сенковский <...>»²². И все-таки вовсе не учитывать воспоминаний Моравского нельзя.

Анастасевичу в его книге посвящены 3 страницы. Приводим для примера первый абзац: «Жильветр всегда имел и обязательно должен был иметь или лошадь, или мула, на котором он во время обеда ездил без всякой жалости. Таким мулом была всегда не столько бедная, потому что он умел уважать лишения, сколько глупая и потерявшая стыд личность, которая уже влезла в шкуру

собаки, стоящей на задних лапках, которая обрекла себя на это, лишь бы сытно пообедать у Жельветра и нахлестаться у него крепкого вина <...>. Последним таким посмешищем Жельветра, сколько мне помнится, был статский советник, старичок Анастасевич. Бедный, как крыса в пустом амбаре, оборванный, в заплатанной одежде, покорный, литератор, безмерно, якобы, ученый, Анастасевич, который пятьдесят лет подряд собирался писать какой-то ученый труд, который как моль поедал книги по библиотекам, у которого бесчисленные сундуки и ящики были завалены подготовленными для этого труда материалами, у которого по всем углам квартиры были разбросаны ящички и коробки, куда он кидал по алфавиту сделанные на ходу заметки, Анастасевич, который беспрестанно и очень серьезно приступая к этой работе, до сих пор не написал ни одного листа. Он был известен тем, что, будучи цензором книг, без придинок выпустил в свет славного «Валленрода». Это был настоящий португальский мул, на котором Жельветр ездил верхом всевозможными способами, так, что иногда даже жалко становилось, но никогда не мог его заездить до конца. Бедный, а вернее приbedнявшийся, как древний римский поэт перед своим патроном-магнатом, Анастасевич принимал с улыбкой снисхождения все уколы, а подчас и угрозы Жельветра <...>»²³.

Характеристика Моравского должна быть взята под сомнение хотя бы уже потому, что, как он утверждает, «так продолжалось тридцать лет», — а между тем ясно, что к 10—20 годам она во всяком случае никак не может относиться.

Высокомерно-презрительному отношению Моравского к Анастасевичу, также как и иронической характеристике Маркевича, нельзя не противопоставить то неподдельное уважение и высокую оценку деятельности Анастасевича, которые мы находим в письмах к нему молодого Срезневского именно в это же время (1838 г.): «<...> Ваши советы и замечания на мои опыты по части народностей южно-русских, как советы и замечания знатока опытного и глубокомысленного, будут для меня всегда одною из лучших наград за мое посильное трудо-

любие <...>. Вы были в числе первых, указавших на должное изучение народности». Аналогичную оценку деятельности Анастасевича находим мы в письмах П. П. Гудак-Артемовского²⁴.

И. П. Сахаров знал Анастасевича в самые последние годы его жизни. Мы трижды убеждались в неточности сведений Сахарова. Но то, что он видел собственными глазами или писал о самом себе, можно, как нам кажется, принять во внимание. Поэтому мы допускаем, что, действительно, как он пишет, Анастасевич незадолго до смерти, при помощи Сахарова, стал приводить в порядок библиографию журнальных статей и готовить какую-то часть ее к изданию. Смерть застала его за этим трудом. Сахаров передает слух (об этом есть и у Моравского, уехавшего, впрочем, из Петербурга за много лет до смерти Анастасевича), будто у Анастасевича были найдены крупные деньги.

Скончался Анастасевич в 1845 г. По словам Сахарова, из литераторов на похоронах были только он, А. Х. Востоков и П. И. Кеппен²⁵.

§ 2.

Таким образом, мы были вправе ограничить рамки нашей работы серединой двадцатых годов. Отшатнувшись от декабристских литераторов, Анастасевич уже до конца своих дней оставался далеким от передовой литературы и журналистики, за исключением краткого периода сближения с Н. А. Полевым. Восстание декабристов явилось рубежом, за которым угасли широкие общественные интересы Анастасевича, а вместе с тем угасла и его библиографическая активность.

Какой же итог мы можем подвести деятельности Анастасевича до 1825 года?

Место Анастасевича в истории русской библиографии очень значительно, но облик его и деятельность его гораздо сложнее, чем это рисовалось в литературе. И дело не только в том, что одни преувеличивали его прогрессивность, а другие — его консервативность, что те и другие не считались с очевидными фактами, противоречащими

их точке зрения. Даже те, кто поднимал Анастасевича на щит, при этом преуменьшали его действительные заслуги для развития русской библиографии, а передовой смысл его общественно-литературной деятельности сводили к переводу книги В. Стройновского. Даже те, кто писал о нем с пренебрежением, не видели всех теневых сторон его деятельности. Что всего важнее — никакого разрыва, как это можно было предполагать, основываясь на предшествовавших работах, между его общественной и библиографической позицией нет, и ни о каком движении вспять — от просветительского понимания библиографии к формальной библиографической регистрации, от антикрепостнических взглядов к блоку с Б. Федоровым и кн. Цертелевым — речи быть не может.

Понимание в начале XIX в. педагогического и даже пропагандистского значения библиографии было свойственно только В. С. Соликову и, тем самым, его роль, сравнительно с Анастасевичем, должна быть признана значительно более передовой. Сподвижником Соликова Анастасевич не был. И не в декабристской журналистике, а в академических, хотя и подвергшихся гонениям, «Библиографических листах» П. И. Кеппена нашли свое осуществление мысли Анастасевича об «ученой критике».

Но с самого начала своей деятельности, с первых же теоретических статей Анастасевич подчеркивал культурно-историческую роль библиографии, хотя и не отменял, даже не ставил перед ней воспитательных задач. Требуя от библиографии, чтобы она действовала «на пользу общую», Анастасевич видел эту общую пользу лишь в узком просветительстве — но ради этой задачи выходил далеко за рамки формальной регистрации. Движение в библиографической деятельности Анастасевича, конечно, было, но это было движение вперед. Статья 1820 г. в «Благонамеренном» говорила о лучших журнальных статьях, чего мы не видели ни в «Улье», ни в переписке Анастасевича 10-х годов; в «Росписи» Плавильщикова новаторская классификация была поднята на уровень передовых философских и научных представлений, в то время, как в 1815 г. он упрекал французов за

разделение наук на моральные и естественные. Построение же самой этой «Росписи» должно было, по замыслу Анастасевича — пусть это ему и не удалось осуществить в полной мере — помогать подбору литературы и раскрывать многостороннее содержание русской книги. Это был пример, прецеденте которому в России не знали.

Прогрессивный, но ограниченный смысл библиографической теории и практики Анастасевича находится в полном соответствии с его общественным обликом.

Антикрепостническая позиция Анастасевича несомненна. Она противостояла сановному реформаторству, была свободна от иллюзий о противоречии правительственных и помещичьих интересов, отличалась своеобразным демократизмом. Развитие взглядов Анастасевича по крестьянскому вопросу обуславливалось его ярко выраженными антидворянскими настроениями; при всей наивности многих его размышлений и доводов, некоторые из них даже радикальнее взглядов умеренных декабристов. В противоположность спаду либеральных настроений в период усиления реакции, именно в это время Анастасевич пришел к попыткам более широких проектов буржуазных преобразований.

Вместе с тем, представление Анастасевича о перспективах экономического развития России было крайне ограничено воздействием помещичьего фритредерства. Помимо просветительских идей, на его взгляды оказали сильное влияние западноевропейская либерально-буржуазная философия и вульгарная политическая экономия начала XIX века. Самым существенным для него в ликвидации крепостного права был переход земли в руки «рачительных хозяев». Никаких реальных путей к осуществлению своих предложений и проектов Анастасевич не видел и не намечал. И это, в соединении с абстрактной верой в незыблемые «правила хозяйства» и в «благоустроенную монархию», с одной стороны; с предельным скептицизмом по отношению к административным и хозяйственным порядкам александровской России, с другой стороны, привело его, по существу, к тупику.

Не помышляя ни на одну минуту о возможности революционного пути для осуществления коренных соци-

альных и экономических преобразований в России, Анастасевич, тем не менее, был убежденным сторонником этих преобразований.

При всем обилии работ, посвященных истории России первой четверти XIX в., широкий, антидворянский лагерь, который являлся — образно говоря — периферией декабризма, изучен до сих пор очень недостаточно. Объясняется это, между прочим, и тем, что лагерь этот не мог оставить для истории того множества документов, которое могла оставить дворянская Россия. Но декабристское движение было глубоко прогрессивным явлением в русской общественной жизни прежде всего потому, что оно выражало, в конечном счете, не узкие классовые интересы и не интересы небольшой прослойки просвещенного дворянства. Страшно далекие от народа, как указывал В. И. Ленин, декабристы, тем не менее, бескорыстно боролись с самодержавием, с крепостничеством, за благо России. Восстание декабристов было подготовлено всем ходом общественного развития России конца XVIII — начала XIX вв.

Мысли и чаяния представителей разночинной демократической интеллигенции этого периода лишь недавно стали предметом серьезных исторических исследований. Но в большинстве эти исследования касаются последнего десятилетия XVIII — самого начала XIX века. Материалы, рассмотренные в нашей работе, помогают в какой-то мере понять, что представляли собой эти социальные круги в дальнейшем — до 1825 года. Анастасевич — типичная и даже, по своему, яркая фигура; его деятельность — пример того, что дали эти круги русской культуре и, в частности, русской библиографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию

- 1) См. А. Г. Фомин. Курс русской библиографии, читанный на Высших курсах библиотековедения. Л., 1928.— А. Г. Фомин. Книговедение как наука. Л., 1931.— Н. В. Здобнов. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века. Т. I. М., 1944; изд. 2. М., 1952; изд. 3. Под ред. Б. С. Боднарского. М., 1955.
- 2) См., например, Д. Д. Благой. Примечания в кн.: К. Н. Батюшков. Сочинения. М.—Л., 1934.—Л. Лехтблау. Из истории просветительной литературы в России. — «Историк-марксист», 1939, № 1.— В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск. 1949.— В. Л. Орлов. Русские просветители 1790—1800 гг. Л., 1950; изд. 2, 1953.— Б. С. Мейлах. Декабристские литературные организации и органы печати. — История русской литературы. т. VI. М.—Л., 1953, (Акад. наук СССР). Противоположной точки зрения держатся М. В. Нечкина («Движение декабристов», т. I. М., 1955, стр. 94) и Ю. М. Лотман в интересной неопубликованной работе «Из истории общественной мысли первой четверти XIX в. (В. Г. Анастасевич)».
- 3) В кавычках — слова Н. В. Здобнова (см. указ. соч., изд. 3, стр. 164, 186).
- 4) И. П. Сахаров. Записки. — «Русский архив», 1873, кн. 1, № 6, стлб. 971. — Н. К. Замков. «Улей». Журнал В. Г. Анастасевича». Библиографическое описание. — В кн.: *Sertum bibliologicum*. Пб, 1922, стр. 39—70.

К главе I

- 1) Автобиография 1819 г. — ГПБ, Пог. авт., 382, л. 2.
- 2) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 3/3, л. 6 об., л. 30 об.
- 3) П. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800, стр. 180. — ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 3/3, л. 2.

- 4) П. Сумароков. Указ. соч., стр. 40—41. — ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 3/3, л. 8 об.
- 5) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 3/3, л. 17.
- 6) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 3/3, л. 3.
- 7) Письмо П. У. Белякову 1803 г. — ГПБ, Собр. авт., К 1, № 16.
- 8) Письмо Ю. Завадскому от 2 декабря 1808 г. — *Materialy do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie*, t. 11, Wilno. 1937, s. 37.
- 9) См.: БЛ, 912, III, 1.
- 10) Вл. Орлов. Указ. соч., изд. 2, стр. 217.
- 11) См.: А. Г. Максимов. — «Литературный вестник», т. VIII, 1904, № 3, стр. 39—46. — Н. Колупанов. Биография Александра Ивановича Кошелева М., 1889, т. 1, кн. 1, стр. 290—293.
- 12) Ср. у Н. Колупанова, указ. соч., стр. 293: «Замечательно, что ухудшение нового журнала Мартынова совпало с удалением от сотрудничества Анастасевича».
- 13) «Журнал российской словесности», 1805, ч. II, № 8, стр. 193—196. — «Северный вестник», 1805, ч. V, № 1, стр. 102—108.
- 14) С. П. Жихарев. Записки современника, т. I. М.—Л., 1934, стр. 380.
- 15) С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1. СПб., (1886), стр. 521—529.
- 16) Л. Лехтблау. Указ. соч., стр. 203.
- 17) «Лицей». 1806, ч. 3, кн. 1, стр. 55.
- 18) Цит. по кн.: Вл. Орлов. Указ. соч., стр. 239 и «Поэты-радищевцы», Л., 1935, стр. 340. Дмитриев — единственный, кто уловил, в чем было дело. Ср. его примечание в цитируемом письме: «Не от издания ли? У меня парижское, III-го года франц. республики. С ним делаю я сравнение перевода» («Поэты-радищевцы», стр. 340). — «Лицей». 1806, ч. 3, кн. 1, стр. 55, 53—54.
- 19) Л. Лехтблау. Указ. соч., стр. 203.
- 20) «Журнал министерства народного просвещения». 1857. IV, отд. III, стр. 5.
- 21) См. письма Г. Н. Городчаннинова к Анастасевичу — ГПБ, Собр. авт., К 7.
- 22) ГПБ, Собр. авт., К. Анастасевич. № 2. л. 6 об.
- 23) Рейналь. Указ. соч., ч. 4, кн. 11, стр. 173—184.
- 24) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 1. л. 56 об. — 57 об.

К главе 2

- 1) В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. Спб., 1888, стр. 293, 295, 299.
- 2) В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 300. Исправлено по публикации писем Голенищева-Кутузова в кн.: А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. 2. Спб., 1880.

- 3) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 605—606.
- 4) С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 523, 528. Ср. также: М. И. Сухомятинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1. СПб., 1889 (первонач. в «Журнале министерства народного просвещения», 1865—1866).
- 5) Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 3, стр. 184—185.
- 6) В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 96.
- 7) См.: А. А. Васильчиков, указ. соч. стр. 349, 369, 396—397. — Письма Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. СПб., 1886, стр. 236. — «Русский архив», 1864, изд. 2, стлб. 782—783. — Архив кн. Воронцова, кн. 23. СПб., 1882, стр. 87.
- 8) Архив братьев Тургеневых, вып. 3, СПб., 1913, стр. 191—192. Н. И. Тургенев читал, в действительности, возражение не Ростопчина, а Волконского, ходившее по рукам также под именем Ростопчина. — Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов. Изд. 2. СПб., 1819, стр. 119—120, изд. 3. М., 1937, стр. 63. — См.: В. Ф. Раевский. Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России. Публик. П. С. Бейсова. — В кн.: Пушкинский сборник. Ульяновск, 1949, стр. 248—252. Есть сведения также, что книга В. Стройновского была в библиотеке декабриста Ф. П. Шаховского.
- 9) «Право, когда рассматриваешь внимательно подробности закона о свободных хлебопашцах — писал впоследствии Н. И. Тургенев, — нельзя не заподозрить составителей этого закона в желании парализовать результат благородного намерения, которое его вызвало. Что меня еще заставляет так думать, это то хладнокровие, с каким министр внутренних дел, автор этого закона [В. П. Кочубей], через 20 лет высказал мне мнение, что закон этот был почти не осуществим» (Н. И. Тургенев. Россия и русские, ч. II, М. 1907, стр. 90. Исправлено по оригиналу — парижское издание, т. II, 1847, стр. 65—66). Кстати говоря, есть сведения, что Кочубей находил книгу В. Стройновского — во всяком случае, ее русский перевод — «дурной книгой, заслуживающей всеобщего осуждения» (см. H. Mościcki. Sprawa włościanska na Litwie w pierwszej ćwierci XIX w. — В. кн.: H. Mościcki. Pod znakiem Orła i Pogoni. Lwów, 1923, s. 50. — J. Iwaszkiewicz. Litwa w roku 1812. Kraków, 1912, s. 16).
- 10) Примерно в том же духе, что и В. И. Семевский, изложил содержание книги Стройновского польский историк П. Хмельевский. Совершенно затушеван вопрос о барщине у С. Грабского (см. P. Chmielowski. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815—1823) Warszawa, 1893, s. 100—104. St. Grabski. Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarskich w Polsce od pierwszego rozbioru do r. 1831. «Przegląd polski», t. 153, 1904, s. 536).
- 11) К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 36.
- 12) См.: Архив кн. Воронцова, кн. 23, стр. 87. — В. Стрше-

мень-Стройновский. О условиях помещиков с крестьянами... Перев. с польск. В. Анастасевич. Вильно, 1809. стр. 4 второй пагинации. — Mościcki. Указ. соч., стр. 209. — Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 606.

- 13) О условиях..., стр. 1—2, 4 первой пагинации.
- 14) О условиях..., стр. 4 первой пагинации. Этот смысл предисловия был мельком отмечен М. И. Сухомлиновым (указ. соч., стр. 23), повторившим Сухомлинова А. Скабичевским («Очерки истории русской цензуры», Спб., 1892, стр. 104) и В. А. Десницким (в «Истории русской литературы», т. V, ч. 1, стр. 11).
- 15) ПД, ф. 5, № 62, л. 36 об.
- 16) Был ли сам Н. И. Новиков автором статьи «Холопы и крестьяне»,— вопроса этого мы не касаемся.
- 17) Древняя российская Вивлиофика, стр. 263, 270, 268, 267. — О условиях..., стр. 20, 22—23 первой пагинации.
- 18) «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, № 10, стр. 340. Анастасевич не указал в книге, что выписка сделана им из второго издания «Вивлиофики». В первом издании статьи «Холопы и крестьяне» не было; поэтому Болховитинов и просил Анастасевича сообщить ему источник.
- 19) «Русский архив», 1864, изд. 2, стлб. 782. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1872, смесь, стр. 180—185; ср. также 1860, т. II, смесь, стр. 195—202. — ПД, ф. 5, № 62, л. 16—18. об. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1860, т. II, смесь, стр. 203—217. — ПД, ф. 5, № 58.
- 20) Отсутствие на некоторых экземплярах пометки о цензурном разрешении и наличие среди них экземпляров с другим заглавием («О договорах помещиков с крестьянами») и сокращенной фамилией переводчика (В. А...чь) вызвали у Разумовского и министра полиции Балашова подозрение, не пытались ли Анастасевич и Завадский обойти цензуру. Усугублялось подозрение тем, что в цензурных ведомостях Виленского университета за 1809—1810 гг. книга Стройновского не значилась. (См. переписку, связанную с этим эпизодом в ЦГИАЛ, ф. 733, ед. хр. 10065, картон 220; также «Описание дел архива министерства народного просвещения», т. II, Пг. 1921, стр. 158—159 и копии бумаг, связанных с изданием книги — ПД, ф. 5, № 62, л. 2—7). Из переписки Анастасевича с Завадским видно, что Анастасевич во всяком случае в этом неповинен, и, более того, был очень взволнован, обнаружив в корректурном экземпляре отсутствие пометки о цензурном разрешении: «Важнейшее упущение в титуле — писал он, — не указано дозволение цензуры, которое обычно проставляется или на титуле, или на оборотной стороне. Поэтому придется все же перепечатать титул... Наконец, прошу титул оформить по приложенному образцу, а особенно помнить о помещении цензурного дозволения — так, как обозначено на другой стороне» (Ма-

terialy do dziejów literatury i oświaty, t. II, s. 46). Виленский университет, в свою очередь, оправдывался в отсутствии на книге указания на цензурное разрешение, ссылаясь на Анастасевича, пропустившего, будто бы, соответствующую пометку при составлении титульного листа книги (см. ЦГИАЛ, ф. 133, оп. № 118, дело № 10065, картон 220, л. 14). Из письма Анастасевича от 27 августа 1811 г. ясно, что, в действительности, цензурное разрешение было получено Завадским задним числом (Materialy, t. II, s. 56). Завадского отдали под суд и он еле избежал наказания; выручило его, возможно, заступничество Чарторьского (см. письма Завадского Чарторьскому конца 1811 г. 7 и 28 января и 5 мая 1812 г. — Materialy, t. I, s. 62, 63, 66—67, 69—70, 70—71).

- 21) ПД, ф. 5, № 62, л. 42—43 (копия рукой Анастасевича).
- 22) И. П. Пнин. Сочинения. М., 1934, стр. 138.— ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 3/3, л. 32.
- 23) «Русский библиофил», 1915, октябрь, стр. 53—61. Им. отд. оттиск. Частично изложена в упоминавшемся уже описании журнала «Улей» Н. К. Замкова.
- 24) См. письмо Варакина Анастасевичу от 21 февраля 1812 г.— ГПБ., Собр. авт., К 4.
- 25) «Русский библиофил», 1915, октябрь, стр. 57, 58. Исправлено по рукописи — ГПБ. Собр. авт., К 4, А.
- 26) ГПБ, Собр. авт., К 4, № 25. Судя по некоторым сохранившимся материалам (точнее — обрывкам материалов), Анастасевич вообще оказывал содействие «искавшим свободы» — см. например: ГПБ, Собр. авт. К 1, Анастасевич, л. 48.
- 27) Рукопись Варакина и черновики Анастасевича — ГПБ. Собр. авт., К 1, Анастасевич, № 26 и К 4, Варакин, № 27. Ср. также «Улей», 1812, ч. III, стр. 277—278; «Русский библиофил», 1915, октябрь, стр. 59—60.

К главе 3

- 1) Текст программы был опубликован Н. К. Замковым (указ. соч., стр. 45—47) по экземпляру библиотеки Варшавского университета.
- 2) Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном. № 1. Обзорение источников для составления истории Российской словесности. Спб., 1819, стр. 57—58. — В. А. [настасевич]. Письмо к издателям.— «Украинский вестник», ч. 12, 1818, стр. 116—117. — «Голос», 1863, № 302. — С. А. Венгерова. Указ. соч., стр. 527—528. — Н. Колюпанов. Указ. соч., т. 1, кн. 2, стр. 292—293. — Н. К. Замков. Указ. соч., стр. 57. — Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. III, М., 1892, стр. 154.
- 3) Письмо И. И. Срезневскому. 1838 г. — ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1158.
- 4) Н. К. Замков. Указ. соч., стр. 47—48.
- 5) Ф. Булгарин. Письма к Иоахиму Лелевелю. — «Варшавские губернские ведомости», 1877, №№ 16—17.

- 6) Кс. Полевой. Записки. — В кн.: Николай Полевой. Материалы к истории русской литературы и журналистики. Л. 1934, стр. 242. Воспоминания Кс. Полевого принимались на веру всеми, писавшими об Анастасевиче. Архивные материалы заставляют отнести к этим воспоминаниям несколько иначе. — См. также: Эрмион [Н. И. Греч]. Газетные заметки. — «Северная пчела», 1857, № 108. — А. Р. Замечания на некоторые статьи из воспоминаний петербургского старожила В. Б. — «Русский мир», 1872, № 217. — Ср. В. А. Десницкий. На литературные темы, кн. 2. Л., 1936, стр. 203—220. — Записные книжки Анастасевича 1809—1814 (в арх. Анастасевича — ГПБ).
- 7) «Улей», 1811, ч. 1, стр. 8. В сатире «К моему другу» Анастасевич мимоходом упоминает «Беседу», как будто уважительно.
- 8) См. справедливые замечания А. В. Запалова в публикации «Из архива Д. И. Хвостова» — «Литературный архив», Т. 2. М.—Л., 1939.
- 9) Б. В. Томашевский. Примечание в кн.: К. Батюшков. Стихотворения. Л. 1948, стр. 329. В этом примечании Б. В. Томашевский справедливо отметил, что Анастасевич не был членом «Беседы». В позднейшей, недавно вышедшей работе Б. В. Томашевский, однако, называет его «одним из столпов «Беседы» (Б. Томашевский. Пушкин. кн. I. М.—Л., 1956, стр. 352).
- 10) «Улей», 1811, ч. 1, стр. 221; 1812, ч. III, стр. 216—217.
- 11) «Улей», 1812, ч. III, стр. 26.
- 12) Г. Геннади. Литература русской библиографии. Спб., 1858, стр. 143.
- 13) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, л. 116 об. — «Улей», 1811, ч. 1, стр. 208, 212—213, 206.
- 14) «Улей», 1812, ч. III, стр. 198, 208, 211—212, 209, 200.
- 15) Н. К. Замков. Указ. соч., стр. 52.
- 16) «Улей», 1811, ч. 1, стр. 318.
- 17) «Улей», 1811, ч. 1, стр. 261.
- 18) «Улей», 1811, ч. II, стр. 244—248; 1812, ч. III, стр. 79—84, 57—58.
- 19) «Улей», 1812, ч. II, стр. 70—72.
- 20) «Русский библиофил», 1915, октябрь, стр. 53.

К главе 4

- 1) А. А. Дельвиг. Сочинения. Спб., 1895, стр. 155; ср. также письмо от 1 февраля 1827 г., стр. 161. — Письмо А. Ф. Войейкова Анастасевичу от 11 марта 1821 г. — ГПБ, Собр. авт., К 4; ср. также письмо А. И. Красовского Анастасевичу от 15 июня 1823 г. — ГПБ, Собр. авт., К14.
- 2) «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, №№ 10—12; т. 19, 1881, № 2. — «Русский архив», 1889, кн. 2, №№ 5—7. — ГПБ, арх. Анастасевича, К. 2, № 1, лл. 44 об.—108 об.; № 2, лл. 30 об.—195 об. Всюду ниже в данной главе ссылки на записные книжки даются сокращенно: ГПБ, №.
- 3) ГПБ, Пог. авт., 382, л. 2 об. Приведено С. А. Венгеровым. указ. соч., стр. 525. — И. П. Сахаров. Указ. соч., стр. 972.

- Сохранились также отрывки дневниковых записей за 1802—1803 и за два месяца 1823 г. (БЛ, 912. 1,1 и 912. 1, 2). Однако это — материалы совершенно иного характера, не представляющие решительно никакого, даже узко биографического интереса.
- 4) В особо дружественных отношениях в 1811—1817 гг. был Анастасевич с Н. И. Гнедичем — ср. письма к нему Гнедича (ГПБ, Собр. авт., К6).
  - 5) ГПБ, № 1, л. 63 об. — 64 об.; л. 88 об. О Наполеоне Анастасевич упоминает в своих записных книжках неоднократно. При всем отрицательном отношении к Наполеону, Анастасевич в этих записях — очень далек от того оголтелого охаивания его, как детища французской революции, которое было характерно для реакционной дворянской публицистики. Тем не менее стихотворный памфлет «Атилла XIX века», выпущенный Анастасевичем в 1812 г., был переполнен резкими выпадами против французской революции и ее чада — Бонапарта.
  - 6) ГПБ, № 2, л. 192—192 об.; № 1, л. 89.
  - 7) См.: ГПБ, № 1, л. 89 об. — 90.
  - 8) ГПБ, № 1, л. 90 об. — 91.
  - 9) ГПБ., № 2, л. 116.
  - 10) ГПБ, № 1, л. 91 об. — 92.
  - 11) См.: А. Н. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. II, Спб., 1882, стр. 203—204. Насколько даже подобные меры, когда доходило до дела, казались либерально-реформаторской верхушке и самому Александру опасными, иллюстрирует история с проектом манифеста 1810 г., который должен был гарантировать государственным крестьянам относительную личную свободу и хозяйственную обеспеченность при продаже казенных земель в частные руки (см. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М., 1948, стр. 149—159.).
  - 12) ГПБ., № 1, л. 92—93.
  - 13) См.: Архив братьев Тургеневых, вып. 5, Пг, 1921, стр. 117, 121—122, 403—409, 416—433. — Н. Тургенев. Опыт теории налогов, изд. 2, стр. 121; изд. 3, стр. 68—69. — И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. М., 1951, стр. 27—33, 463—466. — Остафьевский архив, т. 2. Спб., 1899, стр. 14.
  - 14) Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 3, стр. 185.
  - 15) См.: С. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII и XIX веках, т. I, Спб., 1912, стр. 639.
  - 16) И. Стржемень-Стройновский. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов. Классическое сочинение... Перев. с польск. по 4-му Варшавск. изд. 1805 г. и по сношению личному с г. Сочинителем В. Анастасевич. С портр. И. Стройновского. Ч. 1—4. Спб., 1809. — ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, прилож.: «Опись уничтоженным делам по цензуре и сочинениям по оной с 1802 по 1818 год с объяснениями содержания самих дел», л. 76—76 об. — В. Н. Карзин. Сочинения. ...Харьков, 1910, стр. 692.

- 17) В. Стржемень из Стройнова, гр. Стройновский. Всеобщая экономия народов... ч. I—IV. Перев. с польск. изд., напеч. в Варшаве 1815 г. Спб., 1817. Материалы, относящиеся к этому конфликту, сохранились в архиве Анастасевича в Институте русской литературы Акад. наук СССР (ПД, ф. 5, № 62).
- 18) ГПБ, № 1, л. 78.
- 19) ГПБ, № 2, л. 110 об. — 114.
- 20) ГПБ., № 1, л. 77 об. — 78; л. 93 об. — 95.
- 21) Ср. в письме Евг. Болховитинова от 16 августа 1814 г.— «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 352. — «Сын отечества», ч. 15, 1814, № 31, стр. 175—184.
- 22) «Сын отечества», ч. 15, 1814, № 31, стр. 182.
- 23) «Сын отечества», ч. 15, 1814, № 31, стр. 182—184.
- 24) ГПБ., № 2, лл. 99—100, 171.
- 25) ГПБ, № 1, лл. 86—88.
- 26) ГПБ, № 2, л. 114 об.; об этом же: № 1, л. 91—91 об.
- 27) См.: «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 347—348.
- 28) Вл. Орлов. Указ. соч., стр. 148, 153—155.
- 29) См.: П. Майков. Комиссия составления законов при имп. Павле I и Александре I. — «Журнал министерства юстиции», 1905, №№ 7, 9, 10. — ГПБ, Собр. авт., К 1, № 15.
- 30) «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 546.
- 31) См. у Б. С. Мейлаха и у В. Г. Базанова (указ. соч.). Наряду с уничтожающей оценкой Каразина со стороны В. Г. Базанова, не столь давно в советской печати высказана противоположная точка зрения, доводящая известные ранее положительные оценки деятельности Каразина до прямой апологии — см. А. Г. Слюсарский. Василий Назарович Каразин. Харьков, 1952 и «В. Н. Каразин (1773—1842). Библиография», Харьков, 1953 (Харьковский гос. ун-т). Ср. рец. С. Я. Борового («Вопросы истории», 1954, № 10), в которой справедливо критикуется апологетический характер этих работ; к сожалению, критика С. Я. Борового не была принята во внимание и мы вновь встречаемся с той же концепцией в книге А. Г. Слюсарского (1955 г.), вышедшей вторым, даже расширенным изданием.
- 32) См.: В. Н. Каразин. Сочинения..., стр. 67—73, 65, 67, 11.— Сборник материалов, извлеченных из архива е. и. в. канцелярии, вып. 3. Спб. 1905, стр. 147, 148.
- 33) Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л., 1936, стр. 322.
- 34) Ср.: И. Г. Блюмин. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М., 1940, стр. 29.
- 35) В. Анастасевич. Записка о Василии Назаровиче Каразине. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1861, кн. 3, смесь, стр. 192—199.
- 36) БЛ, 912, 1, 25.
- 37) В. Н. Каразин. Сочинения..., стр. 717.
- 38) Ю. Г. Оксман. Предисловие в кн.: К. Ф. Рылеев. Полное

собрание стихотворений. Л., 1934, стр. XXIII (Библиотека поэта). — Б. С. Мейлах. Пушкин и русский романтизм. М.—Л., 1937. — В. Г. Базанов. Указ. соч. В кавычках слова В. Г. Базанова, стр. 323.

- 39) Б. С. Мейлах. Указ. соч., стр. 59—63. — В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 162—217. — Н. К. Кульман. Из истории общественного движения в России в царствование Александра I. — «Известия II отделения Академии наук», т. XIII, 1908, кн. 1, стр. 138—142. См. об этом эпизоде также: Б. С. Мейлах. Декабристские литературные организации..., стр. 31—36 и в работе Б. В. Томашевского «Пушкин», кн. 1, стр. 377—388.
- 40) См.: В. Г. Базанов, указ. соч., стр. 166 и сл. — Архив Вольного общества любителей российской словесности — ПД, ф. 48, № 6, лл. 70—72; приведено у В. Г. Базанова, стр. 168—169.
- 41) См.: С. Н. Брайловский. К вопросу о Пушкинской плейаде. — «Русский филологический вестник», т. 41, 1909, № 1, стр. 71.
- 42) Б. С. Мейлах. Пушкин..., стр. 52.
- 43) В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 129.
- 44) В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 136.
- 45) В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 157—158.
- 46) См. В. Г. Базанов, указ. соч., стр. 218, 244—245, 253—254, 274—275, 314—315.
- 47) См.: ПД, ф. 48, № 4, лл. 101—102, 277—281. О заявлении Хвостова см. также у Н. К. Кульмана, указ. соч., стр. 141.
- 48) «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 338, 343, 358. Сохранилось письмо А. Е. Измайлова Анастасевичу от 28 октября 1820 г., в котором сказано: «Возвращаю при сем к Вам известную вашу пиесу о ВКК, непропущенную цензурою» (ИИ, Собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, № 21). Не означает ли это, что Анастасевич пытался напечатать статью (или даже стихотворение?) против В. К. Кюхельбекера?
- 49) «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1861, кн. 3, смесь. стр. 198.
- 50) См. комментарий Ю. Г. Оксман к письму К. Ф. Рыльева Ф. В. Булгарину от 28—30 апреля 1825 г. «Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 147—150.

К главе 5

- 1) «Улей», 1811, ч. 1, стр. 14—28; ч. II, стр. 184—186; 1812, ч. III, стр. 99—106, 196—217. Все последующие цитаты из этих статей в данной главе приводятся без ссылок. — «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», кн. 1, Казань, 1815, стр. 296—308. — «Благонамеренный», ч. X, 1820, № 7, стр. 31—42.
- 2) «Благонамеренный», ч. X, 1820, № 7, стр. 42.
- 3) П. Н. Берков считает, будто Анастасевичу «стало ясно, что включение библиографии в отдел истории логически не оправдано», и он в дальнейшем от этого отказался (см. П. Н. Бер-

ков. Некоторые вопросы теории и истории библиографии. — В кн.: М. В. Сокурова. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708—1955. Изд. 2. Л., 1956, стр. 16). Однако мнение П. Н. Беркова основано на традиционном недоразумении по вопросу о составителе «Росписи» Смирдина — см. ниже, гл. 8.

- 4) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 2, лл. 145—146 об.
- 5) «Благонамеренный», ч. X, 1820, № 7 стр. 42.
- 6) A. G. S a m u s. Observations sur la distribution et le classement des livres d'une bibliothèque. — Mémoires de l'Institut national des sciences et arts. Littérature et beaux-arts, t. I. P., an. VI, p. 664.
- 7) F. J. F o u r n i e r. Précis sur les bibliothèques et sur la bibliographie. — В кн.: F. J. Fournier. Nouveau dictionnaire portatif de bibliographie. 2-e éd, P., 1809, p. 19—20.
- 8) Слова Дону цит. по «Bulletin du bibliophile», 1840—1841, № 9—10, p. 405.
- 9) См.: P a r e n t aîné. Essai sur la bibliographie et sur les talents du bibliothécaire. P., 1801, p. 51. Ср.: G. P e i g n o t. Dictionnaire raisonné de bibliologie, t. I. P., 1802, p. 56., Правда, это было сказано о библиотекаре, но требования к библиографу и библиотекарю, как правило, были одни и те же (ср. в «Предупреждении» В. С. Соликова и у того же Пеньо).
- 10) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 2, л. 118.
- 11) Курс библиографии, читанный Лером известен только по программе и по части конспекта.
- 12) Allgemeine deutsche Real-Encyclopedie... (Konversations — Lexicon). В. I. 5. Ausg. Leipzig, 1819, s. 746—748.
- 13) F. A. E b e r t, Die Bildung des Bibliothekars. 2. Ausg. Leipzig, 1820, s. 10, 12—13. — F. A. E b e r t. Allgemeines bibliographisches Lexicon, Bd. I, Leipzig, 1821, s. XI.
- 14) См.: J. L e l e w e ł a bibliograficznych księg dwoje..., t. 2, Wilno, 1826. — A. B o h a t k i e w i c z. Rzecz o bibliografii powszechney... Wilne, 1830, — S. V r t e l - W i e r c z y Ń s k i. Bibliografia, jej istota, przedmiot i początki. Lwów, 1923, s. 23—27. — S. P t a s z y c k i. Encyclopedja nauk pomocniczych historii i literatury polskiej. Lublin, 1921, s. 39—40, 47—54. — W. J. Z i v n ỳ. Bibliografja i bibliologja... [с дополн. А. Лысаковского.]. Warszawa — Wilno, 1936, s. 33—35—J. K o r p a ł a. Zarys dziejów bibliografii w Polsce. Wrocław, 1953, s. 64—71. Мы имели также возможность ознакомиться с неопубликованной работой Р. И. Розетт о Богаткевиче.
- 15) Ср.: Р. И. Розетт. Лекционный курс П. О. Ярковского. — «Сов. библиография», вып. 42, 1956, стр. 56—60. — W. J. Z i v n ỳ, указ. соч., стр. 33—34. — S. P t a s z y c k i, указ. соч., стр. 40. — Wiadomość o bibliotece Liceum Krzemienieckiego i onej porządku udzielona przez jej bibliotekarza P. J a r k o w s k i e g o... Wyd. M. D a n i l e w i c z o w a. Rowne, 1935.— J. K o r p a ł a. Указ. соч., стр. 43—44. — M. D e n i s. Einleitung in die Bücherkunde, t. 1—2, 2. Aufl. Wien, 1795—1796.

- 16) Материал первого и второго параграфов данной главы освещен несколько подробнее в нашей статье «В. Г. Анастасевич и вопросы теории библиографии» — Труды Ленингр. библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. 1, Л., 1956, стр. 135—154.
- 17) Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 3, стр. 164—165.
- 18) Формулировка П. Н. Беркова в статье: «Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии». — «Сов. библиография», 1933, № 1—3, стр. 143.
- 19) См.: J. Kograia, указ.-соч. стр. 46.

К главе 6

- 1) Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 1, т. 1, стр. 107, 129.
- 2) Классификация в «Росписи» Плавильщикова уделено внимание также в неопубликованной диссертации А. Д. Эйхенгольца «Государственная библиография СССР» (1946).
- 3) «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная». Спб., 1820, ч. 1, стр. III. — «Отечественные записки», ч. 3, 1820, № 6, стр. 295.
- 4) ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 2, л. 173 об.
- 5) «Улей», 1811, ч. 1, стр. 22—24, 181.
- 6) См. ГПБ, арх. Анастасевича, К 2, № 1, л. 100.
- 7) «Труды Казанского общества...», стр. 305, 304.
- 8) См. например, G. F. de Bure. *Bibliographie instructive...* t. I. P., 1763, p. XV—LXVI.— M. Denis, Указ. соч.— С. F. Achard. *Cours élémentaire de bibliographie, ou la science du bibliothécaire*, t. 2, Marseille, 1806, p. 163—181. — J. Ch. Brunet. *Manuel du libraire et de l'amateur des livres*, t. III, P., 1810, p. V—XI. См. также: С. F. Achard, указ. соч., т. 1, стр. 283—286; т. 2, стр. 107—161. — J. Petzholdt. *Bibliotheca bibliographica*. Leipzig, 1866, s. 20—65. — Е. И. Шамурин. *Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации*, т. I, М., 1955, стр. 198—263.— Французская система, как формулирует Е. И. Шамурин, «соответствовала идеологии католической монархической Франции XVII в.» (стр. 196).
- 9) Ср. системы Л. Кота (Coste), Ф. К. Лера, Г. Э. Пеньо. См. G. Reignot, указ. соч., т. 2, стр. 230—232, 234—235, 271—280. — С. F. Achard, указ. соч., т. 2, стр. 12—31, 32—42, 98—99. — J. M. F. Albert. *Recherches sur les principes fondamentaux de la classification bibliographique...* P., 1847, p. 26—27. — Е. И. Шамурин, указ. соч., т. 1, стр. 248—252.
- 10) Полную схему, примененную во «Всеобщем реперторионе литературы», см.: С. Fleischer. *Annuaire de librairie*, t. I. P., p. 17—81 и С. F. Achard, указ. соч., т. 2, стр. 72—96; см. также: Е. И. Шамурин, указ. соч., стр. 265—268. Схема для «Руководства немецкой литературы» очень кратко приведена: J. Petzholdt, указ. соч., стр. 36—37.
- 11) См. Ameilhon. *Projet sur quelques changements qu'on*

pourrait faire à nos catalogues... — Mémoires de l'Institut National des sciences et arts. Littérature et beaux arts, t. 2. P., ap. VII, p. 477—492. — G. Peignot, указ. соч., т. II, стр. 214—218, 220. — Acharid, указ. соч., т. I, стр. 247—252. — Samus, указ. соч., стр. 654—659. — Albert, указ. соч., стр. 24. — F. A. Ebert. Ueber öffentliche Bibliotheken, Freiburg, 1811, s. 29. — Интересный и детальный анализ схем Амейона, Камю и Бютеншена дан в указ. книге Е. И. Шамурина (стр. 228—234, 243—248, 261—264); однако некоторые замечания Е. И. Шамурина кажутся нам не вполне точными.

- 12) См. Е. И. Шамурин, указ. соч., т. I, стр. 301—306.
- 13) См.: [Н. Н. Бантыш-Каменский]. De notitia librorum Russicorum systematica expositorum. — В кн.: J. F. Burgii elementa oratoria. M., 1776, p. 228—271. — R. Baillet. Jugements des savans sur les principaux ouvrages des auteurs, t. 1., P., 1722, p. 16—80 второй пагинации. — M. Denis, указ. соч. Схема Бантыш-Каменского приведена в первых и вторых делениях в книге Н. В. Здобнова (изд. 3, стр. 87), но не вполне точно.
- 14) Схема П. Г. Демидова в первых и вторых делениях приведена: З. Н. Амбарцумян. Библиотечная классификация, вып. I, М., 1947, стр. 68. Полную схему см.: В. Ундольский. Библиографические разыскания. М., 1846 (Каталог... П. Г. Демидова, стр. 1—4).
- 15) См.: Опыт нового библиографического порядка для Санктпетербургской императорской библиотеки. Представлено от <...> А. Н. Оленина. Спб., 1809. — ГПБ, Архив, 1818, № 49. «Дело о библиографических системах...», лл. 54 об., 105 об.
- 16) Procés-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention Nationale, publiés et annotés par M. J. Guillaume, t. 6. P., 1907, p. 791, 797. — E. Maindron. L'Académie des sciences. P., 1888, p. 143. См. также: A. Potiquet. L'Institut National de France. Ses diverses organisations, ses membres, ses associés et ses correspondants. P., 1871, p. 2—63. В переводе на русский язык (с незначительными разночтениями против нашего) схему структуры института см.: Е. И. Шамурин, указ. соч., стр. 227.
- 17) Е. И. Шамурин считает, что «система Национального института, отразившая классификационные идеи Кондорсе, для своего времени стояла на высоком научном уровне. Она оказала влияние на многие классификации XIX—XX века, в том числе на библиотечно-библиографические» (указ. соч., стр. 228).

К главе 7

- 1) ГПБ, Архив, 1817, № 5. «Дело о собрании мнений разных лиц, служащих при библиотеке, касательно составления каталогов и о донесении о том министру народного просвещения». Записка Анастасевича — на лл. 91—98. Ответы И. А. Крылова и А. Х. Востокова опубликованы; ответы В. С. Сопкиова и Анастасевича были воспроизведены в неопубликованной диссертации В. И. Добровольской «Очерки по истории

алфавитного каталога в библиотеках России» (1946 г.). В настоящее время ответы В. С. Сопикова и В. Г. Анастасевича подготовлены к печати М. Н. Коноваловой для Трудов Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

- 2) На то, что расположение материала внутри подотделов преследовало цели дальнейшей группировки по содержанию, впервые обратил внимание А. Д. Эйхенгольц в указ. выше диссертации.
- 3) Н. Н. А б л о в. «Роспись книг» библиотеки издателя Пушкинской эпохи А. Ф. Смирдина. — «Сов. библиография», 1940, вып 1 (18), стр. 63. В недавно вышедшем втором издании работы М. В. Сокуровой находим то же неверное утверждение: «Книги описаны по образцу Сопикова» (указ. соч., стр. 92).
- 4) См.: В. И. Добровольская. Описание официальных и ведомственных изданий. М., 1954, стр. 7—8.
- 5) «Роспись» Плавильщикова, т. 1, стр. XVIII. — Н. Н. А б л о в. Указ. соч., стр. 63.
- 6) В. С. С о п и к о в. Опыт российской библиографии, ч. II, стр. VIII. — А. Шторх и Ф. Аделунг. Систематическое обозрение..., ч. 1, Спб., 1810, стр. XXIII.
- 7) Письма от 4 июня и 17 декабря 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 352, 387.
- 8) Н. Н. А б л о в. Указ. соч., стр. 67.
- 9) «Роспись» Плавильщикова, ч. 1, стр. XVIII.
- 10) Письмо от 17 декабря 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 387.
- 11) «Роспись» Плавильщикова, ч. 1, стр. III.
- 12) «Библиографические листы», 1825, стлб. 35, 290.
- 13) «Сын отечества», ч. 64, 1820, № 39, стр. 282.
- 14) Письмо Евг. Болховитнинова от 6 апреля 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 339.
- 15) См.: «Отечественные записки», ч. 3, 1820, № 6, стр. 295—296; ч. 15, 1823, № 41, стр. 447—450. — «Сын отечества», ч. 64, 1820, № 39, стр. 382; ч. 87, 1823, № 33, стр. 338. — «Благонамеренный», ч. 16, 1821, прибавл. к. № 19—20, стр. 3. — «Библиографические листы», 1825, стлб. 35, 290.
- 16) См.: «Отечественные записки», ч. 15, 1823, № 41, стр. 449. — [Словарь энциклопедический, изд. В. И. Штейнгеля и С. И. Селивановского], ч. III, стр. 206—212. О статье «Библиография» см. замечание П. Н. Беркова («Некоторые вопросы теории и истории библиографии», стр. 21).
- 17) «Письмо к издателю». Критические примечания на книгу: «Роспись...» — «Сын отечества», ч. 65, 1820, № 45, стр. 219—226.
- 18) Письмо от 22 ноября 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 382.
- 19) ГПБ. Архив, 1817, № 8, л. 32.
- 20) Письмо от 4 марта 1819 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 173.
- 21) Письма Болховитнинова от 3 и 30 января 1819 г., 4 и 26

- марта 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 161, 166, 173, 179
- 22) См. в письмах Болховитинова от 10 марта, 22 августа, 5 сентября, 11 ноября 1819 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 195, 213, 214, 228. — Копия письма Н. П. Румянцева Болховитинову рукой Анастасевича. — ГПБ. Собр. авт. К. 1. Анастасевич № 19.
- 23) См.: ГПБ, Архив, 1817, № 5, л. 4 и сл. «О малой пользе печатных каталогов или книжных росписей для публичных больших книгохранилищ» [докладная записка Оленина министру народного просвещения]. — «Сын отечества», ч. 50, 118, № 50, стр. 229. — «Отечественные записки», ч. 3, 1820, № 6, стр. 295.
- 24) Письмо от 5 ноября 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 378. По весьма правдоподобному предположению Д. Д. Ша-мрая, автором рецензии был В. И. Красовский, брат неизвестного цензора А. И. Красовского, в эти годы служившего в Публичной библиотеке.
- 25) «Московский телеграф», ч. 22, 1828, № 16, стр. 577—588.

К главе 8

- 1) См. письма Болховитинова от 21 октября 1818 г., 11 марта, 19 сентября 1819 г. 9 февраля, 1 октября, 11 ноября 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 77, 170, 217, 330, 371, 374. — В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии..., ч. V, стр. 232. — ГПБ, Собр. авт., К 1, Анастасевич, № 2, л. 3 об.
- 2) Письмо от 1 октября 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 371.
- 3) См. «Библиографические листы», 1825, стлб. 35.
- 4) «Новости литературы», кн. 2, 1822, № 20, 23. — «Сын отечества», ч. 83, 1823, № 1, стр. 15—16. — Г. Геннадии. Указ. соч., стр. 64. — Н. К. Замков. Указ. соч., стр. 43—44. — Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 3, стр. 187.
- 5) «Новости литературы», кн. 2, 1822, № 23, стр. 153—155; № 25, стр. 183—185; кн. 4, 1823, № 18, стр. 74—77. Ряд ошибок в «Кратком известии...» отмечен П. Н. Берковым в статье «О библиографических трудах по русской периодической печати» (вступит. статья в книге: М. В. Машкова и М. В. Сокурова. Общие библиографии русских периодических изданий. 1703—1954.... Л., 1956), стр. 9. — Письма Болховитинова от 10 января, 10 марта 1815 г., 28 марта 1819 г., 9 февраля 1820 г. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 32, 41, 179, 330. — И. П. Сахаров, Указ. соч., стлб. 971.
- 6) БСЭ, изд. 2, т. 2, — М. В. Сокурова. Указ. соч., оба издания. — Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 3, стр. 158, 189.
- 7) Н. Н. Аблоу. Указ. соч., стр. 66. Сравнительно подробно характеризовал классификацию «Росписи» Смирдина только Е. И. Шамурин в неопубликованной еще части своей диссертации.
- 8) Г. Геннадии. Указ. соч., стр. 15. — С. А. Венгерова. Указ. соч., стр. 529. — А. Д. Торопов. [Речь на заседании памяти

- А. Ф. Смирдина]. — «Книговедение», 1895, № 3, стр. 3. — В. Ф. Фрейман. Памяти А. Ф. Смирдина. — «Книговедение», 1895, № 3, стр. 15.
- 9) «Московский телеграф», ч. 22, стр. 580. С абсолютной достоверностью установить автора рецензии нам не удалось. Однако мы склоняемся к мысли, что автором ее был сам Н. А. Полевой. В. Г. Березина не включила эту рецензию в указатель принадлежащих Н. А. Полевому материалов «Московского телеграфа» («Ученые записки» Ленингр. государств. университета», № 173). Тем не менее, она обратила наше внимание на то, что возражая против употребления термина «Естественные науки», автор рецензии ссылался на прежнее свое выступление по этому поводу в № 15 «Московского телеграфа» за тот же год, которое было подписано: И. Бенигна, т. е. общеизвестным псевдонимом Н. А. Полевого.
  - 10) В. Г. Белинский. Полн. собр. сочинений, т. 9, М., 1955, стр. 244; т. 10, М., 1956, стр. 159—160. Авторство В. Г. Белинского для рецензии на 3-е прибавление впервые установлено лишь в 1948 г.
  - 11) Н. В. Здобнов. Указ. соч., изд. 1, т. 1, стр. 130.
  - 12) Магнетизм традиции столь силен, что даже самые тщательные исследователи и библиографы забывают об отсутствии имени Анастасевича на титульном листе. Ср. одно из последних описаний «Росписи» в чрезвычайно точном по библиографическому оформлению издании сочинений Чернышевского: «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, сост. В. Г. Анастасевичем» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 16, М., 1953, стр. 752). То же находим в очень добросовестно составленной Давидом Джаридзе главе о русской библиографии для «Руководства» Луизы Мальклес (L. N. Malclès. Les sources du travail bibliographique. I. I. Genève-Lille, 1950, p. 316). Ср. также у Н. В. Здобнова: «К смирдинской «Росписи» издано четыре «Прибавления»: первое и второе, составленные Анастасевичем (СПб., 1829 и СПб., 1832), третье и четвертое — анонимные (СПб., 1852; СПб., 1856)». Можно подумать, что первое и второе прибавления — не анонимные.
  - 13) См.: «Северная пчела», 1828, № 117, стр. 1—2: — «Московский вестник», ч. 12, 1828, № 23—24, стр. 295—296. — «Московский телеграф», указ. рец.
  - 14) См. об этом в письме И. М. Снегирева от 3 октября 1828 г. — Письма И. М. Снегирева В. Г. Анастасевичу. М., 1892, стр. 5 (также: «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 541).
  - 15) «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 537—576. — АН, ф. 30, оп. 3, № 4. — ГПБ, Собр. авт., К 7, К 19.
  - 16) Так, Анастасевич выступал с антикритиками в «Сыне отечества», в «Соревнователе». См. также в письмах М. Т. Каченовского Ф. Булгарину, в связи с критикой статьи Анастасевича О Черниговской гривне («Русская старина», т. 116, 1903, стр. 603—604).

- 17) Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. 2. Спб., 1889, стр. 7.
- 18) «Литературная газета», 1842, № 22, стр. 454. — А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 1. Спб., 1890, стр. 313. — «Русский инвалид», 1843, № 262, стр. 1046.
- 19) «Северная пчела», 1845, № 42, стр. 165. — «Журнал министерства народного просвещения», ч. 45, 1845, отд. VII, стр. 50.
- 20) В. М. Ундольский. Библиографические разыскания. М., 1846, стр. 17.
- 21) «Очерк библиографической истории русской словесности в 1847 г. — «Литературная газета», 1848, №№ 4, 6. Авторство В. Р. Зотова впервые установлено было в печати Н. В. Здобновым. Догадка его подтверждается данными С. Д. Полторацкого («Мой сборник биографический...», — ГПБ, QXVX, № 25/2, стр. 193).
- 22) См.: «Современник», т. 59, 1856, № 10, Библиография, стр. 79—80. В т. XVI «Полного собрания сочинений» Н. Г. Чернышевского рецензия эта (хотя и неуверенно, в разделе dubia) приписана Н. Г. Чернышевскому. Доводы редактора тома Н. М. Чернышевской неубедительны и недостаточны даже для dubia. Основным аргументом редактора тома является то, что в гонорарной ведомости № 10-го указана выплата гонорара Чернышевскому за 1 лист текста и 13 страниц выписок в отделе библиографии; между тем, весь отдел библиографии № 10-го занимает 39½ страниц и больше ни за кем не числится. Исходя из предположения, что автором неоплаченных статей мог быть только редактор журнала, а Чернышевский, ввиду отсутствия Некрасова, редактировал № 10, редактор тома и приходит к выводу, что автором интересующей нас рецензии был Чернышевский. Однако известно, что данные гонорарных ведомостей «Современника» очень неточны и никак не могут служить единственными доказательствами. Кроме того, рецензия никак не напоминает по своему содержанию и стилю статей Чернышевского.
- 23) Николай Полевой. Материалы..., стр. 242. — «Северная пчела», 1857, № 210, стр. 1. Примерно то же сказано в некрологе А. Ф. Смирдина «Библиотеки для чтения» (т. 146, 1857, стр. 249—250). Но судя по совпадению даже отдельных фраз, некролог этот также написан К. Полевым.
- 24) С. А. Соболевский. Новые явления в русской библиографии. — «Русский архив», 1869, № 5, стр. 924.
- 25) АН, ф. 30, т. 3, № 4. — ГПБ, Собр. авт., К 11.
- 26) АН, ф. 30, оп. 3, № 4, л. [1].
- 27) «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного А. Ф. Смирдина», т. 1, стр. VIII. — Н. Г. Овсянников. Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за 50-летие до 1870 г. — В кн.: Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879, стр. 13.

- 28) См.: «Современник», т. 78, 1859, № 11, Современное обозрение, стр. 147.
- 29) В. Т. П л а к с и н. Голос за прошедшее. — «Сборник... памяти... А. Ф. Смирдина», т. 1, стр. 314—316.
- 30) См.: «Звенья», сб. 8., М., 1950, стр. 786—787.
- 31) См.: «Продажа библиотеки В. Г. Анастасевича» — «Голос», 1863, № 302, стр. 103. — Н. В. Г у б е р т и. Смирдинская библиотека. — «Библиограф», 1886, № 5, отд. 1, стр. 77 — Е. Ш м у р л о Библиографический список литературных трудов... Е. Б о л х о в и т и н о в а. — «Библиограф», 1887, №№ 8—9, 12; 1888, №№ 1, 2, 4, 5, 6. — «Новое время» 1898, № 7934, стр. 3. — Большая энциклопедия изд. «Просвещение», т. 19, стр. 677. — Н. Н. А б л о в. Указ. соч., 167. В недавно вышедшее второе издание своей работы М. В. Сокурова также ввела осторожное предположение об участии в составлении «Росписи» Ф. Ф. Цветаева и А. Ф. Смирдина (см. указ. соч., стр. 103).
- 32) На это обратил внимание и А. Д. Эйхенгольц в своей неопубликованной диссертации.
- 33) «Московский телеграф», ч. 22, стр. 581.
- 34) Н. Н. А б л о в. Указ. соч., стр. 66.
- 35) С. П о н о м а р е в: Материалы для биографии митрополита Евгения. — Труды Киевской духовной академии, 1867, т. 3, № 8, стр. 200.
- 36) См.: ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, № 641/207076. «Дело по прошению санктпетербургского книгопродавца Александра Смирдина с представлением на рассмотрение рукописи под названием «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина». лл. 1—5 об.
- 37) АН, ф. 30, оп. 3, № 4.

К заключению

- 1) Архив братьев Тургеневых, вып. 3. Спб., 1913, стр. 21.
- 2) Переписка... Н. П. Румянцева с московскими учеными. М., 1882, стр. 61, 74, 75, 79. — Письма Г. Д. Богацкому — Шужинский сборник вып. IV. М., 1905, стр. 35. — Письма Г. Д. Богацкого Анастасевичу — ИИ, собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, № 19. Черновики писем самого Анастасевича Н. П. Румянцеву (там же, № 20) нам удалось прочитать в совершенно незначительной части.
- 3) В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1, стр. 149, 234, т. 2, кн. 1, стр. 424, 1935—1936. — Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841—1849 гг., вып. 2. Спб., 1886, стр. 160. — А. А. Куник. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории. — «Журнал министерства народного просвещения», ч. 65, 1850, отд. 4, стр. 25—26. — Н. К. Замков. Указ. соч., стр. 42—43. См. также переписку Анастасевича с Кругом — АН, ф. 88, оп. 2, № 1 и письма А. А. Краевского Анастасевичу 1836—1937 гг. — ГПБ. Собр. авт., К 13.

- 4) См.: «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 355, 363; т. 19, 1881, стр. 284, 289, 291. — «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 60, 68, 198, 210, 221, 373 и др. — И. М. Снегирев. Старина русской земли. Спб., 1871, т. 1, кн. 1, стр. 112. — А. Д. Ивановский — «Литературная библиотека», 1867, тт. 7—8, стр. 211—219, 182—197.
- 5) ГПБ. Собр. авт. К. И. Анастасевич, № 2, лл. 3—3 об. В «Росписи» Плавильщикова Анастасевич поместил книжку Победоносцева в подотдел сочинений неизвестных российских авторов, что было отмечено в рецензии. О «преполезных трудах» Греча Анастасевич про себя думал несколько иначе — ср. его приписку к полученному им письму Болховитинова: «Не имеет о ней [польской словесности], как и вообще о существенной российской словесности, никакого понятия или очень поверхностное и школярное, не быв сам никогда писателем, а только учителем спряжений» («Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 67).
- 6) «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 299. — «Сын отечества», ч. 83, 1823, № 1, стр. 16.
- 7) См.: «Древняя и новая Россия», 1881, стр. 311—312, 313.
- 8) ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 573/206952.
- 9) Письма И. М. Снегирева... стр. 4 и др. (также: «Древняя и новая Россия», т. 18, 1880, стр. 540 и др.).
- 10) ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 586/207162 и др. — ИИ, Собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, №№ 23, 29.
- 11) Из переписки Н. А. Полевого. — «Русская старина», т. 106, 1901, стр. 403—404: (также в кн.: Н. К. Козмин. Очерки по истории русского романтизма. Н. А. Полевой. Спб., 1903, стр. 518—519.) — М. Malinowski. Dziennik... Wyd., z oryginalny lacinskiego przelozye... d-r M. Kridl... Wilno, 1921, s. 33, 34, 35, 36, 101, 102. — L. Mickiewicz. Adam Mickiewicz, Sa vie et son oeuvre. P., 1888, p. 90—91. — L. Gomolicki. Dziennik robytu A. Mickiewicza w Rosji. (1824—1829) Warszawa, 1949, s. 205, 214, 242, 267.
- 12) Н. К. Замков. Указ. соч., стр. 42. — Ципринус [Ю. А. Пржецлавский] Калейдоскоп воспоминаний. — «Русский архив», 1872, № 10, стлб. 1909. — И. П. Сахаров. Указ. соч., стлб. 965. — П. А. Вяземский. Мицкевич и Пушкин. — Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 327. — Письма И. М. Снегирева..., стр. 4, 8. — ЦГИАЛ ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1215/207774, 1489/208076, 1127/207622.
- 13) «Древняя и новая Россия», т. 19, 1881, стр. 289. — M. Danilewiczowa. Zycie naukowe dawnego Liceum Krzemienieckiego. Warszawa, 1937, s. 80. — «Русская старина», — т. 116, 1903, стр. 737—751. — «Русский архив», 1908, кн. 1, стр. 64—79.
- 14) Николай Полевой. Материалы..., стр. 241—247. — Н. А. Полевой. Письмо от 15 мая 1828 г. — «Русская старина», т. 106, 1901, стр. 404. — ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр.

- 789/207263. Очень бегло это дело использовано в статье Н. К. Козмина «Николай Полевой и его отношение к цензуре». — «Русская старина», т. 101, 1900, стр. 419—420 (также в кн.: Н. К. Козмин. Указ. соч., стр. 495—498).
- 15) Н. К. Замятов. Указ. соч., стр. 42. — И. П. Сахаров. Указ. соч., стлб. 970—971. — А. Д. Ивановский. — «Литературная библиотека», 1887, № 7, стр. 213. — Письма И. М. Снегирева... — Записка А. Г. Венецианову 1832 г. — ГПБ, Собр. авт. К 1, Анастасевич, № 9. — Письма А. Г. Венецианова. — «Старые годы», 1915, январь — февраль, стр. 25. — Письмо А. И. Красовскому, 1832 г. — ГПБ, Собр. авт., К 1, Анастасевич, № 23. — Письма И. Самойлова, М. Оболенского. — ИИ, Собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, №№ 35, 38. — О том, что упоминания об Анастасевиче в архиве Румянцевского музея отсутствуют, сообщил нам М. М. Клевенский.
  - 16) М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т. VII, Спб., стр. 441, 641.
  - 17) См. письмо М. Оболенского Анастасевичу. 1838 г. — ИИ, Собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, № 38.
  - 18) Из переписки Н. А. Полевого. — «Русская старина», т. 106, 1901, стр. 403—408. — К характеристике Н. А. Полевого. — «Вестник всемирной истории, 1900, № 9, стр. 170—173. — Н. К. Козмин. Указ. соч., стр. 518—523. — А. Милюков, Литературные встречи и знакомства. Спб., 1890, стр. 28. — Письмо В. М. Перевощикову от 19 февраля 1830 г. — ГПБ., Собр. авт., К. 1. Анастасевич, № 18. — Письмо Анастасевича И. И. Срезневскому. — ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1138. — Письмо Анастасевичу И. И. Срезневского. — ИИ, Собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, № 37.
  - 19) Николай Полевой. Материалы..., стр. 342—343. — С записью Г. Н. Геннади нам предоставил возможность ознакомиться С. М. Бабинцев, подготовивший к печати «Дневник» Геннади, хранящийся в отделе рукописей ГПБ.
  - 20) Большой исторический, мифологический, статистический, географический и литературный словарь Российского государства... Сост. Н. Маркевичем. Анабелла — Ань. М., 1836, стр. 2.
  - 21) См.: П. Д. Эттингер. Станислав Моравский... — «Московский пушкинист», вып. 2, 1930, стр. 241—266.
  - 22) В переводе П. Д. Эттингера. — «Московский пушкинист», вып. 2, стр. 265.
  - 23) St. Morawski. W Peterburku, (1827—1838)... Wyd. A. Czartkowski i H. Mościcki. Poznań, [1927], s. 100. Жельветр — ходатай по делам польских магнатов; в доме его собирались жившие в Петербурге поляки.
  - 24) ИИ, Собр. Н. П. Лихачева, кор. 341, № 37, лл. 1, 2 — ГПБ, Собр. авт. К 1.
  - 25) И. П. Сахаров. Указ. соч., стлб. 965—966, 972.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблов Н. Н.** 165, 167, 181, 200,
 209, 219, 262, 263, 266.
Аддисон Д. 74.
Аделунг Ф. П. 127, 142, 186,
 262.
Аксенов К. 47, 252.
Аламбер Д'. См. Д'Аламбер
Александр I. 19, 45, 53, 57, 73,
 86, 88, 96, 98, 99, 108, 256,
 258.
Амбарцумян З. Н. 261.
Амейон Г. П. 128, 150, 151, 160,
 261.
 См. также: Ameilhon G. P.
Анастазий Г. 7.
Аракчеев А. А. 12.
Арну Ж. П. 193, 223.
Арсеньев К. И. 108.
Ашар Ш. Ф. 128, 131.
 См. также: Achard Ch. F.

Бабинцев С. М. 268.
Базанов В. Г. 110—117, 250,
 258.
Базили К. М. 139.
Байе А. 152.
Бобров С. 24.

Балашов А. Д. 253.
Бантыш-Каменский Н. Н. 151,
 152, 186, 261.
Барбье А. 121, 128, 143, 150.
Барсуков Н. П. 265.
Батте И. 75.
Батюшков К. Н. 67, 68, 250,
 255.
Бегров К. 87.
Бейсов П. С. 252.
Беккария Ч. 116.
Белинский В. Г. 139, 201, 205,
 264.
Беляков П. У. 13, 17, 251.
Бентам И. 100, 116.
Березина В. Г. 264.
Берков П. Н. 199, 258, 259, 260,
 262, 263.
Берлинский М. Ф. 235.
Бестужев А. А. 110, 115, 116,
 120, 139.
Бестужев Н. А. 115.
Бешкий И. Е. 106.
Благой Д. Д. 250.
Блутов Д. Н. 67.
Блюмин И. Г. 105, 257.
 См. также: Baillet A.

* Фамилии авторов книг, приводимых в примерах из «Росписей» Плавильщикова и Смирдина, в указатель не включены.

Богаткевич А. 134, 259.
См. также: Bohatkiewicz A.
Богацкий Г. Д. 266.
Богданов А. И. 151.
Богданович И. Ф. 77.
Богуш К. 76.
Боднарский Б. С. 250.
Болтин И. Н. 51, 52.
Болховитинов Е. 33, 52, 53, 65,
70, 73, 86, 93, 95, 97, 100,
101, 108, 110, 118, 131, 142,
144, 179, 182, 187, 189, 190,
192, 194, 196, 197, 198, 207,
227, 228, 233, 234, 235, 237,
240, 241, 242, 253, 257, 262,
263, 266.
Боровой С. Я. 257.
Брайловский С. Н. 113, 258.
Брок Ф. 238.
Брусилов Н. П. 26.
Брюне Ж. Ш. 128, 133, 150.
См. также: Brunet I. Ch.
Булгарин Ф. Б. 67, 203, 240,
244, 254, 258, 264.
Буляр М. 128.
Бэкон Ф. 144, 149.
Бютеншен 150, 151, 160, 261.

Варакин И. 58
Варакин И. И. 58, 62, 82, 83,
254.
Васильчиков А. А. 251, 252.
Венгеров С. А. 28, 33, 34, 39,
42, 64, 67, 199, 251, 252,
254, 255, 263.
Венецианов А. Г. 242, 268.
Верховская Е. А. 209, 226.
Ветринский Р. Я. 240.
Взметнев П. А. 78.
Вигель Ф. Ф. 64, 254.
Владимир, вел. кн. 99.
Владимиров, купец 96.
Воейков А. Ф. 84, 120, 196, 197,
255.
Волконский В. М. 42, 53, 54.
Воронов Д. И. 114.
Воронцов С. Р. 45, 252
Востоков А. Х. 163, 241, 246,
261.

Вяземский П. А. 267.

Гаевский П. И. 238, 240.
Гевлич А. П. 112, 114.
Гельвецкий К. А. 72.
Геннади Г. Н. 72, 139, 197, 200,
202, 205, 206, 209, 243, 255,
263, 268.
Герман К. Ф. 73.
Гийом М. Ж. 157.
См. также: Guillaume M. I.
Глинка С. Н. 238.
Глинка Ф. Н. 112, 113, 115, 119.
Гнедич Н. И. 86, 256.
Гоголь Н. В. 242.
Голенищев-Кутузов П. И. 41,
42, 43, 44, 251.
Голицын А. Н. 190.
Голицыны А. М. и С. М. 58.
Гомер 83.
Городчанинов Г. Н. 10, 32, 33,
34, 35, 36, 37, 203, 251, 252.
Грабский С. 252.
См. также: Grabski S.
Грандидье И. А. 152.
Греч Н. И. 68, 99, 112, 117, 125,
194, 195, 207, 236, 255, 267.
Григорьев В. И. 116.
Губерти Н. В. 209, 266.
Гулак-Артемовский П. П. 233,
246.
Густав III. 24.
Гуфланд Х. В. 149, 150, 163.

Д'Аламбер Ж. Л. 144, 149.
Дантес Ж. Ш. 244.
Дашков П. М. 10.
Дельвиг А. А. 84, 113, 115, 120,
255.
Демидов П. Г. 152, 160, 186,
261.
Денис И. М. 134, 152.
См. также: Denis I. M.
Десницкий В. А. 253, 255.
Детю-де-Траси А. 100.
Джапаридзе Д. 264.
Дидро Д. 144, 149.
Дмитриев В. В. 31.

Дмитриев И. И. 44, 252.
Добровольская В. И. 166, 262.
Дону П. К. Ф. 128, 129, 157.
См. также: Daupou P. C. F.
Дружинин Н. М. 256.

Евгений, митроп. см. Болхови-
тинов Е.
Екатерина II 13, 96, 97.
Ефремов П. А. 64, 209.

Жельветр. 244, 245, 268.
Жихарев С. П. 251.
Жуковский В. А. 197.

Заблоцкий-Десятковский А. И.
256.

Завадский Ю. 19, 251, 253, 254.
См. также: Zawadski I.
Загоскин М. Н. 117, 190.
Замков Н. К. 5, 21, 28, 58, 59,
64, 65, 67, 72, 77, 83, 117,
239, 240, 250, 254, 255, 263,
266, 267, 268.

Западов А. В. 255.
Здобнов Н. В. 5, 28, 39, 42, 43,
62, 93, 129, 136, 137, 140,
141, 197, 199, 201, 250, 252,
256, 260, 263, 264.
Зотов В. Р. 139, 205, 265.

Иван Грозный. 88.
Ивановский А. Д. 267, 268.
Измайлов А. Е. 67, 112, 114,
115, 116, 117, 258.
Измайлов В. В. 14, 16.
Иконников В. С. 266.

Кайсаров А. С. 47.
Калайдович К. Ф. 205.
Камю А. Г. 128, 150, 151, 261.
См. также: Camus A. G.
Кант И. 75, 143.
Кантемир А. Д. 77.
Каразин В. Н. 17, 21, 25, 94,
103, 104—119, 256, 257.
Карамзин Н. М. 26, 44, 67, 197,
252.
Каченовский М. Т. 264.

Кеппен П. И. 64, 69, 117, 127,
139, 186, 203, 204, 205, 207,
208, 209, 210, 232, 233, 246,
247, 254.

Киселев П. Д. 91, 256.
Клевенский М. М. 268.
Княжнин Я. Б. 77.
Княжнин Я. Б. 77.
Козмин Н. К. 267, 268.
Коллонтай Г. 143.
Коллюпанов Н. П. 23, 64, 251,
254.

Кондильяк Э. Б. 151, 161.
Кондорсе Ж. А. 144, 157, 161,
261.

Коновалова М. Н. 262.
Контрим К. 19.
Корнилович А. О. 115.
Корпала Ю. 138.
См. также: Korpata I.
Кот Л. 260.

См. также: Coste L.
Кочубей В. П. 111, 252.
Краевский А. А. 243, 266.
Красовский А. И. 255, 263, 268.
Красовский В. И. 263
Крашенинников П. И. 206.
Круг Ф. И. 235, 266.
Крылов И. А. 81, 163, 261.
Кулаков А. П. 199.
Кульман Н. К. 111, 258.
Куник А. А. 266.

Куницын А. П. 108, 234.
Кутузов М. И. 75.
Кюхельбекер В. К. 112, 113,
115, 117.

Лавуазье А. Л. 157.
Лагарп Ж. Ф. 75.
Лагранж Ж. Л. 161.
Лаплас П. С. 161.
Левицкий Г. К. 9.
Легуве Г. М. Ж. 71.
Лейбниц Г. В. 142, 153.
Лелевель И. 19, 67, 134, 254.
См. также: Lelewel I.
Ленин В. И. 43, 44, 249, 252.
Лер Ф. К. 128, 131, 151, 259,
260.

Лехтблау Л. См. Светлов Л. Б.
Ливен К. Ф. 240, 241.
Линде Б. С. 68, 76.
Лихачев Н. П. 33.
Лобойко И. Н. 112, 114, 117.
Лонгинов И. М. 45, 47.
Лотман Ю. М. 250.
Лыкошин Я. М. 67.
Лысаковский А. 259.

Мабли Г. Б. 20.

Майков П. М. 257.
Макаров П. И. 67.
Максимов А. Г. 251.
Малевский Ф. 239.
Малиновский В. Ф. 20.
Малиновский Н. 239.
См. также: Malinowski M.
Мальклес Л. Н. 264.
См. также Malclés L. N.
Маркевич Н. А. 244, 245, 268.
Мартен Г. 144, 149.
Мартынов И. И. 20, 22, 23, 24,
25, 30, 31, 32, 102.
Машкова М. В. 263.
Мезьер А. В. 199.
Мейлах Б. С. 110, 112, 115, 250,
257, 258.
Милорадович М. А. 55, 94.
Милоков А. П. 268.
Михайловский-Данилев-
ский А. И. 104.
Мишкевич А. 238, 239, 240, 242,
267.
См. также: Mickiewicz A.
Монтескье Ш. Л. 116.
Моравский С. 244, 245, 246,
268.
См. также: Morawski S.
Муравьев Н. М. 108.

Наполеон Бонапарт 44, 86, 88,
98, 102, 147, 206, 241, 256.
Нарушевич А. С. 76.
Немцевич Ю. У. 10.
Нечкина М. В. 250.
Никитин А. А. 112, 113, 115,
117, 119.

Николай I. 240.
Николев Н. П. 197.
Новиков Н. И. 50, 64, 77, 253.
Новосильцев Н. Н. 240.

Оболенский М. А. 242, 268.

Овсянников Н. Г. 208, 265.
Одьяницкий М. См. Почобут М.
Оксман Ю. Г. 120, 257, 258.
Оленин А. Н. 152, 153, 154, 160,
163, 171, 189, 190, 191, 192,
194, 195, 196, 261, 263.
Орлов В. Н. 20, 26, 101, 250,
251, 257.
Орлов, гр. 56.

Павел I. 12, 97, 105.

Панаев В. И. 114, 115.
Панаев И. И. 208.
Паран старш. 128, 131, 151, 160.
См. также: Parent l'aîné
Пеньо Г. Э. 128, 130, 131, 160,
259, 260.
См. также: Peignot G. E.
Перевощиков В. М. 203, 242,
268.
Песталоцци И. Г. 72.
Пестель П. И. 108,
Петр I. 98, 99.
Плавильщиков В. А. 84, 124,
130, 133, 138, 140, 141, 144,
155, 158, 161—194, 196, 198,
199, 201, 205—233, 236, 237,
247, 260, 267.
Плавильщиков П. А. 162.
Плаксин В. Т. 258, 266.
Плетнев П. А. 113, 115, 117,
120.
Плюшар А. А. 204.
Пнин И. П. 24, 26, 47, 50, 57, 83,
101, 102, 103, 108, 197, 254.
Повстаньский А. К. 95.
Поздеев О. А. 42.
Полевой К. А. 68, 206, 207, 241,
243, 255, 265.
Полевой Н. А. 203, 239, 241,
242, 246, 255, 264, 265, 267,
268.

- Полторацкий С. Д. 265.
 Пономарев С. М. 229, 266.
 Попов В. С. 42, 44, 45, 53.
 Почобут М. 70.
 Пржецлавский О. А. 239, 267.
 Пугачев Е. И. 61, 62.
 Пушкин А. С. 67, 112, 147, 244,
 255, 258, 267.
 Пыпин А. Н. 204, 265.
- Радищев А. Н.** 22, 30, 103.
 Раевский В. Ф. 46, 252.
 Разумовский А. К. 41, 44, 55,
 251, 253.
 Расин Ж. 27.
 Рейналь Г. Т. Ф. 25, 28—38,
 116, 251.
 Рижский И. С. 77.
 Рихтер А. Ф. 112, 115, 116, 117.
 Рождественский С. В. 256.
 Розенкамф Г. А. 190, 234, 235,
 241.
 Розетт Р. И. 6, 259
 Ростопчин Ф. В. 42, 45, 46, 54.
 Румянцев Н. П. 35, 76, 190,
 191, 234, 235, 237, 241, 263,
 266.
 Руссо Ж. Ж. 52, 54, 72, 93.
 Рылеев К. Ф. 115, 119, 120, 257,
 258.
- Салло Д.** 131.
 Самойлов И. 268.
 Сафо 27.
 Сахаров Д. В. 112, 115, 116,
 117, 206, 209, 255.
 Сахаров И. П. 56, 85, 139, 198,
 204, 240, 241, 246, 250, 263,
 267, 268.
 Светлов Л. Б. 28—31, 250, 251.
 Свиньин П. П. 141, 142, 238.
 Сегунов Г. Д. 8, 10.
 Сей Ж. Б. 95, 100.
 Селивановский С. А. 187, 262.
 Семевский В. И. 39—43, 45,
 47—49, 251, 252, 253.
 Семенов, ценз. 240.
 Сенковский О. И. 244.
- Сербинович К. С. 238.
 Скабичевский А. М. 253.
 Скотт В. 206, 241.
 Слюсарский А. Г. 257.
 Смирдин А. Ф. 170, 171, 181,
 183, 186, 187, 188, 194,
 195—233, 237, 262, 263, 264,
 265, 266.
 Смит А. 95, 116.
 Сназин И. Т. 12.
 Снегирев И. М. 104, 203, 235,
 238, 264, 267, 268
 Снядецкий Я. 18, 143, 144.
 Соболевский С. А. 207, 265.
 Сокурова М. В. 199, 259, 262,
 263, 266.
 Сомов О. М. 115, 116.
 Сопиков В. С. 3, 28, 30, 31, 33,
 86, 125, 134, 136, 137, 138,
 139, 163, 164, 165, 166, 170,
 171, 178, 181, 187, 195, 196,
 197, 198, 205, 207, 208, 228,
 247, 259, 260, 261, 262, 263.
 Сохацкий П. А. 21.
 Сперанский М. М. 42, 103, 234.
 Срезневский И. И. 242, 245, 254,
 268.
 Стиль Р. 74.
 Строганов П. А. 19.
 Строев П. М. 204.
 Стройновский В. 27, 38, 39—62,
 82, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99,
 101, 103, 104, 247, 252, 253,
 257.
 Стройновский И. 18, 19, 27, 57,
 93, 94, 95, 97, 256.
 Сумароков А. П. 77.
 Сумароков П. И. 14, 15, 16, 250,
 251.
 Сухомлинов М. И. 42, 252, 253,
 268.
- Тибулл А.** 25.
 Тимковский И. О. 36.
 Томашевский Б. В. 69, 255, 258.
 Торопов А. Д. 264.
 Троцкий Д. П. 35.
 Туманский В. И. 116.
 Тургенев А. И. 103, 104.

Тургенев Н. И. 45, 46, 53, 92,
95, 96, 99, 105, 108, 252, 256,
257, 266.

Тургенев С. И. 105, 257.

ТЬЕБО А. 151.

Ундольский В. М. 139, 205, 206,
209, 261, 265.

Фальковский И. 8, 10, 227.

Федоров Б. М. 112, 114, 116,
119, 247.

Фитингоф Б. И. 235.

Флейшер Г. 163.

См. также: Fleischer G.

Фомин А. Г. 199, 250.

Фонвизин М. А. 101.

Фрейман В. Ф. 264.

Фуркруа А. 157, 158, 159, 160,
161.

Фурнье Ф. Ж. 128, 129.

См. также: Fournier F. G.

Хвостов Д. И. 65, 67, 68, 69, 77,
86, 114, 115, 116, 117, 119,
197, 255, 258,

Херасков М. М. 77

Хмелевский П. 252.

См. также: Chmielowski P.

Хроминский К. 76.

Цветаев Ф. Ф. 208, 266.

Цертелев А. И. 112, 114, 115,
119, 247.

Ципринус. См. Пржецлав-
ский О. А.

Чарторьский А. 18, 19, 20, 21,
63, 94, 189, 191, 238, 254.

Чацкий Т. 18.

Чернышевская Н. М. 265.

Чернышевский Н. Г. 264, 265.

Шамрай Д. Д. 263.

Шамурин Е. И. 260, 261, 263.

Шаховской А. А. 26.

Шаховской Ф. П. 252.

Шереметев, гр. 56.

Шиповский Г. И. 77.

Шишков А. С. 26, 68, 241, 242.

Шмурло Е. 209, 266.

Штейнгель В. И. 262.

Шторх А. К. 95, 127, 142, 152,
170, 178, 180, 186, 262.

Шютц Х. Г. 149, 150, 163.

Эберт Ф. А. 132, 133.

См. также: Ebert F. A.

Эйдельман Б. Ю. 6.

Эйхенгольц А. Д. 260, 262, 266.

Эрмион. См. Греч Н. И.

Эрш И. С. 149, 160, 163.

Эттингер П. Д. 268.

Языков Д. И. 208, 229, 242.

Якоб Л. Г. 101.

Яковлев П. 114.

Якушкин И. Д. 92, 93, 256.

Ярковский П. 134, 259.

См. также: Jarkowski P.

Яценков Г. М. 36.

Achard Ch. F. 260, 261

См. также: Аш^{оо} III. Ф.

Albert J.F. M. 260, 261

Ameilhon G. P. 260

См. также: Амейон Г. П.

Baillet A. 261

См. также: Байе А.

Bohatkiewicz A. 259.

См. также: Богаткевич А.

Brunet J. Ch. 260

См. также: Брюне Ж. Ш.

Samus A. G. 259

См. также: Камю А. Г.

Chmielowski P. 252

См. также: Хмелевский П.

Coste L. 260

См. также: Кот Л.

Czartkowski O. 268,

Danilewiczowa M. 259, 267
De Bure le jeune G. F. 260
Denis J. M. 259, 260, 261
См. также: Денис М.

Ebert F. A. 259, 261
См. также: Эберт Ф. А.

Fleischer G. 260
См. также: Флейшер Г.
Fournier F. J. 259
См. также: Фурнье Ф. Ж.

Gomolicki L. 267
Grabski S. 252
См. также: Грабский С.
Guillaume M. J. 261
См. также: Гийом М. Ж.

Iwaszkiewicz J. 252

Jarkowski P. 259
См. также: Яркоковский П.

Korpala J. 259, 260.
См. также: Корпала Ю.
Kridl M. 267

Lelewel J. 259
См. также: Лелевель И.

Maindron E. 261
Malclès L. N. 264.
См. также: Мальклес Л. Н.
Malinowski M. 267
См. также: Малиновский Н.
Mickiewicz A. 267.
См. также: Мицкевич А.
Mickiewicz L. 267
Morawski S. 268
См. также: Моравский С.
Mościcki H. 252, 253, 268

Parent l'ainé 259
См. также: Паран старш.
Peignot G. E. 259, 261
См. также: Пенью Г. Э.
Petzhold J. 260
Potiquet A. 261
Ptaszycki S. 259

Vrtel-Wierczyński J. 259

Zawadzki J. 251
См. также: Завадский Ю.
Zywný W. J. 259

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Первые литературные опыты Анастасевича	7
Глава 2. Перевод книги «О условиях помещиков с крестьянами»	38
Глава 3. Журнал Анастасевича «Улей»	63
Глава 4. Общественно-политические взгляды Анастасевича в 1812—1820 гг.	84
Глава 5. Анастасевич и вопросы теории библиографии	120
Глава 6. Библиографическая система Анастасевича	140
Глава 7. «Роспись» Плавильщикова	161
Глава 8. Анастасевич и «Роспись» Смирдина	195
Заключение	234
Примечания	250
Указатель имен	269

МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ БРИСКМАН
В. Г. АНАСТАСЕВИЧ

Редактор Б. А. Мочалин
Технический редактор В. М. Зотова
Художественный редактор В. Ф. Ишутин

Сдано в набор 30/XI—1957 г. Подписано к печати 15/VII—1958 г.
А06632 Бумага 60×92₁₆ 17,25 печ. л. Цена 6 р. 85 к.
Тираж 2500 экз. Заказ 848.

Издательство Всесоюз. кн. палаты. Москва, Брюсовский пер., 8/10
Ярославский полиграфический комбинат,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует
251	9 св.	ksiegarni	księgarni
252	15 св.	włoscianska	włoscianska
259	11 св.	Wrocław	Wrocław
267	19—20 св.	originalu łacins- kiego przelozye	originalu łacins- kiego przelozył
269, стлб. 1	4 св.	250.	250, 257.
270, стлб. 1	22 св.	Brunet I. Ch.	Brunet J. Ch.
270, стлб. 1	20 св.	58, 62.	58—62,
270, стлб. 2	10 св.	Guillaume M. I.	Guillaume M. J.
270, стлб. 2	6 св.	Denis I. M.	Denis J. M.
271, стлб. 1	2 св.	166,	166, 261,
271, стлб. 1	16 св.	Zawadzki I.	Zawadzki J.
271, стлб. 2	20 св.	Korpala I.	Korpala J.
271, стлб. 2	13 св.	117.	117, 258.
271, стлб. 2	4 св.	Lelewel I.	Lelewel J.
273, стлб. 1	7 св.	147,	117, 197,
273, стлб. 1	13 св.	117, 206, 209, 255	117.
273, стлб. 1	12 св.	56,	5, 6,
273, стлб. 1	11 св.	204,	204, 206, 209, 232, 255,
274, стлб. 1	14 св.	266	
275, стлб. 1		Korpala J.	Korpala J.
	3 св.		